

**В мире
научных
открытий**

№ 11(47), 2013
Проблемы науки и образования

**In the World
of Scientific
Discoverie**

No. 11(47), 2013
Problems of Science and Education

Электронная версия
журнала размещена
на сайте
www.nkras.ru

Журнал включен
в Перечень ВАК
ведущих рецензируемых
научных журналов

Журнал основан в 2008 г.
ISSN 2072-0831
Импакт-фактор
РИНЦ 2011 = 0,134

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: **Я.А. Максимов**; Ответственный секретарь: **К.А. Коробцева**

А.П. Анисимов, д-р мед. наук, проф.
Н.А. Шнайдер, д-р мед. наук, проф.
Л.В. Музурова, д-р мед. наук, проф.
А.С. Казакова, д-р биол. наук, проф.
Т.В. Рожко, к-т биол. наук, доцент
С.Е. Батырбекова, д-р хим. наук
А.И. Рахимов, д-р хим. наук, проф.
Н.А. Рахимова, д-р хим. наук, проф.
В.Е. Бахрушин, д-р физ.-мат. наук, проф.
Н.П. Шаталова, к-т физ.-мат. наук, проф.
В.Н. Василенко, д-р техн. наук, доцент
Д.И. Прошин, к-т техн. наук, доцент
Е.А. Тыщенко, к-т техн. наук, доцент
Д.В. Покрищук, к-т полит. наук
З.П. Оказова, д-р сел.-хоз. наук, доцент
А.А. Лисняк, к-т сел.-хоз. наук, доцент
И.Д. Тургель, д-р экон. наук, проф.

М.П. Придачук, д-р экон. наук, проф.
А.Ю. Белогуров, д-р пед. наук, проф.
Г.В. Ившина, д-р пед. наук, проф.
С.Д. Якушева, к-т пед. наук, доцент
Т.П. Грасс, к-т пед. наук, доцент
В.Н. Абросимов, к-т пед. наук, проф.
Ф.Н. Денисенко, к-т пед. наук, доцент
О.Н. Финогенова, к-т психол. наук, доцент
О.В. Евтихов, к-т психол. наук, доцент
Ф.Г. Галиева, д-р филол. наук, к-т ист. наук, доцент
А.Г. Готоваева, д-р филол. наук, доцент
Т.А. Магсумов, к-т ист. наук, доцент
И.В. Корнилова, к-т ист. наук, доцент
Г.С. Широкалова, д-р соц. наук, проф.
Панова О.В. (заведующий отделом коммуникаций)
Максимова Н.А. (выпускающий редактор)
Бяков Ю.В. (заведующий отделом веб-работы)

Издательство «Научно-инновационный центр»

ISSN 2072-0831

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

ПИ № ФС 77-39604 от 26 апреля 2010 г.

В МИРЕ НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. №11(47) (Проблемы науки и образования). 371 с.

Журнал выходит не реже 12 раз в год

Журнал включен в Реферативный журнал и Базы данных ВИНТИ РАН:
<http://catalog.viniti.ru/>

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals directory» в целях информирования мировой научной общественности.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал «В мире научных открытий» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция от 25.02.2011), в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал представлен в ведущих библиотеках страны, в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и имеет импакт-фактор Российского индекса научного цитирования (ИФ РИНЦ).

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Правила для авторов доступны на сайте журнала:
<http://nkras.ru/vmno/ru/rules.html>

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:
660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: open@nkras.ru
<http://nkras.ru/vmno/ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 41276

Учредитель и издатель: Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЦИКЛА Ахкиямова Г.Р.	16
СТАНОВЛЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ОБУЧЕНИЯ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В 1920–1930-е ГОДЫ Гайфутдинов А.М.	23
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ Гайфутдинов А.М., Гайфутдинова Т.В.	30
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Зарипова Р.С., Киямова А.Г.	36
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ Исмагилова З.А.	43
РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ РАННЕГО БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПОЛИКУЛЬТУРНОГО И ПОЛИЛИНГВАЛЬНОГО СОЦИУМА Кагуй Н.В.	51

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ
СИБИРСКИХ ТАТАР

Хафизова Г.М. 58

СИСТЕМНЫЙ АВТОРИТАРИЗМ
В УПРАВЛЕНИИ ШКОЛОЙ: ДОКЛАД
«О СОКРАЩЕНИИ ГИМНАЗИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ» 1887 ГОДА

Шакиров Р.Р. 65

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ В ПРОЦЕССЕ АВТОНОМИЗАЦИИ
БЮДЖЕТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Шакиров Р.Р. 72

ПСИХОЛОГИЯ

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ НА ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ
МОТИВЫ ЧЕЛОВЕКА

Грузд Л.В. 80

ВЛИЯНИЕ ТЕМПЕРАМЕНТА НА ПОВЕДЕНИЕ
ДОШКОЛЬНИКА В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ

Садыкова С.З. 91

ВОСПРИЯТИЕ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБРАЗЦА
У МЛАДШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Сафонова Н.М. 97

ФИЛОСОФИЯ

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Туктамышева С.Ф. 104

ИСТОРИЯ

ГОРОДСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ БАНКИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. Ермаков В.В.	111
ПИСЬМА В.Ф. КУДРЯВЦЕВА К Н.А. ПОПОВУ: АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Корнилова И.В., Валеева Ю.Н.	119
МИР ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОВИНЦИИ В ФОКУСЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ПО СТРАНИЦАМ РАБОТ СОЧИНСКИХ КРАЕВЕДОВ Корнилова И.В.	126
СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ШКОЛЫ Магсумов Т.А.	133
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В ФОКУСЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ПО СТРАНИЦАМ РАБОТ СОЧИНСКИХ КРАЕВЕДОВ Магсумов Т.А.	143
ВЛАСТЬ И ЗЕМСТВО: ОПЫТ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА Низамова М.С.	150
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ УЧАЩИХСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КАЗАНИ Низамова М.С.	160

СОСЛОВНО-СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГЛАСНЫХ
УЕЗДНЫХ ЗЕМСКИХ СОБРАНИЙ ПОВОЛЖСКОГО
И УРАЛЬСКОГО РЕГИОНОВ (1864–1914 гг.)

Низамова М.С. 169

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ «КАЗАНСКИХ
ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ
КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Уткин А.А. 183

СУФИЗМ В ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Халиуллин Р.Р., Нигаматов А.З. 190

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ПОЛИМОРФИЗМ
КАК ПРОГНОЗИРУЕМАЯ ИДЕОЛОГЕМА БУДУЩЕГО

Пономарев Е.С., Андреева Н.П. 197

СОЦИОЛОГИЯ

РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК УСЛОВИЕ
ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГОРОЖАН

Ахметова Э.Ш. 204

ЭКОСИСТЕМА МОНОПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА И КАЧЕСТВО
ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: МЕХАНИЗМ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Ахметова Э.Ш. 211

ВАЖНЕЙШИЕ ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ
ЗДОРОВЬЯ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Хуснутдинова В.Ш. 216

ПОЛИТОЛОГИЯ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ

Сакаев В.Т...... 224

ПРАВО

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ
СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ, ОБЩЕНИЕ С ПОТЕРПЕВШИМ,
СВИДЕТЕЛЯМИ И ЭКСПЕРТОМ

Гатауллин З.Ш...... 234

ФИЛОЛОГИЯ

РУССКИЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПЛАСТ
В ТОПОНИМИИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ ТАТАРСТАНА

Ахатова З.Ф...... 241

ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Большакова Л.В...... 248

РОЛЬ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИАЛОГА С ГЁТЕ В ИСТОРИИ
НЕМЕЦКОГО РОМАНА ВОСПИТАНИЯ

Габдулатзянова Л.К...... 253

ЖАНР УТОПИИ/АНТИУТОПИИ В ТАТАРСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Галиуллин Р.Р...... 261

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ
АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

Глухова О.П...... 269

СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ Закиров Р.А., Мухиярова Р.Х.	276
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРОТКИХ РАССКАЗОВ О. ГЕНРИ) Исламова А.И.	281
КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА Каримова И.Р.	289
СПЕЦИФИКА ТЕКСТА ДРАМЫ Каримова И.Р.	296
ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ИРОНИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В ПРОЗЕ Ю. ПОЛЯКОВА Лерман И.В.	302
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ВЫРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ В ПОВЕСТИ Ю. ПОЛЯКОВА «ПАРИЖСКАЯ ЛЮБОВЬ КОСТИ ГУМАНКОВА» Лерман И.В.	310
ИСТОКИ КОМИЧЕСКОГО В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ Макарова В.Ф.	318
СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ (МЛЕКОПИТАЮЩИХ) В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ Миргалимова З.Ф.	325

РАЗВИТИЕ ИСКОННОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО
ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Мухиярова Р.Х...... 332

СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ
МЕТАФОРИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ РЕЧЕВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Полькина Г.М., Цыганова Е.Б...... 338

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НАРЕЧИЯ
С РАЗЛИЧНЫМИ КЛАССАМИ СЛОВ

Якупова В.И...... 345

ЭКОНОМИКА

ВАЖНЕЙШИЕ УСЛОВИЯ ДОСТИЖЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ КОМПАНИИ

Алпатов Э.С...... 352

БИОЛОГИЯ

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

Смирнова А.В., Хасанова А.Р...... 359

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 366

CONTENTS

PEDAGOGIC

FORMATION OF INTERNATIONAL TOLERANCE WITHIN STUDY OF THE SUBJECT OF THE NATURAL-SCIENCE CYCLE Akhkiyamova G.R.	16
FORMATION OF THE PRINCIPLES OF STUDING IN THE HISTORY OF SOVIET PEDAGOGICS IN THE 1920–1930-th YEARS Gajfutdinov A.M.	23
CONTINUITY IN THE FORMATION OF THE DIDACTIC PRINCIPLES SYSTEM IN RUSSIAN PEDAGOGICS Gajfutdinov A.M., Gajfutdinova T.V.	30
THE PROBLEM OF FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE IN THE HISTORY OF THE SCHOOL EDUCATION Zaripova R.S., Kiamova A.G.	36
THE USE OF EXTRACURRICULAR WORK IN THE PROCESS OF FORMATION OF TOLERANCE AMONG STUDENTS Ismagilova S.A.	43
REGIONALIZATION OF EARLY BILINGUAL EDUCATION IN MODERN GLOBAL MULTICULTURAL AND POLYLINGUAL SOCIETY Kaguy N.V.	51
THE FAMILY CEREMONIES AND UPBRINGING CHILDREN OF SIBERIAN TATARS Khafizova G.M.	58
THE SYSTEM AUTHORITARIANISM IN SCHOOL MANAGEMENT: REPORT «ABOUT THE DECREASE OF GYMNASIUM EDUCATION», 1887 Shakirov R.R.	65

RISK MANAGEMENT IN THE PROCESS OF AUTONOMISM OF THE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS Shakirov R.R.	72
---	----

PSYCHOLOGY

ABOUT EVOLUTION OF HUMAN BEHAVIORAL CAUSES OF PERSON Gruzd L.V.	80
---	----

THE INFLUENCE OF TEMPERAMENT ON THE BEHAVIOR OF PRESCHOOL CHILD IN STRESSFUL SITUATIONS Sadikova S.Z.	91
--	----

THE YOUNG PRESCHOOLERS' PERCEPTION OF DIFFERENTIATED PATTERN Safonova N.M.	97
---	----

PHILOSOPHY

METAPHYSICAL ASPECTS OF SOCIAL PHILOSOPHY Tuktamysheva S.F.	104
---	-----

HISTORY

MUNICIPAL PUBLIC BANKS OF THE NIZHNEE PRIKAMYE IN THE SOCIO-ECONOMIC LIFE OF THE REGION IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES Ermakov V.V.	111
---	-----

V.F. KUDRYAVTSEV'S LETTERS TO N.A. POPOV: ASPECTS OF PUBLIC AND PEDAGOGICAL ACTIVITY Kornilova I.V., Valeeva Y.N.	119
--	-----

THE WORLD OF THE PRE-REVOLUTIONARY PROVINCE IN FOCUS OF LOCAL HISTORY: ACCORDING ON PAGES OF WORKS OF THE SOCHI REGIONAL SPECIALISTS Kornilova I.V.	126
--	-----

REFERENCE MEDIA AS A SOURCE ON HISTORY
OF PRE-REVOLUTIONARY SCHOOL

Magsumov T.A...... 133

THE CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT
OF A COUNTRY TOWN IN FOCUS OF LOCAL
HISTORY: ACCORDING TO PAGES OF WORKS
OF THE SOCHI REGIONAL SPECIALISTS

Magsumov T.A...... 143

POWER AND COUNTRY COUNCIL:
VOLGA REGION AND URAL'S EXPERIENCE

Nizamova M.S...... 150

SOCIO-CULTURAL IMAGE AND DAILY LIFE
OF VOCATIONAL SCHOOLS STUDENTS
IN PRE-REVOLUTIONARY KAZAN

Nizamova M.S...... 160

SOCIO-ESTATE STRUCTURE OF PUBLIC
DISTRICT ESTATE ASSEMBLIES OF VOLGA
AND URAL REGIONS (1864–1914)

Nizamova M.S...... 169

IDEOLOGICAL AND POLITICAL POSITION
OF «THE KAZAN PROVINCIAL SHEETS» ON THE EVE
OF SERFDOM CANCELLATION

Utkin A.A. 183

SUPHISM IN VOLGA BULGARIA

Haliullin R.R., Nigamaev A.Z...... 190

CULTUROLOGY

URBAN POLYMORPHISM AS PREDICTABLE IDEOLOGEM
OF THE FUTURE

Ponomaryev E.S., Andreeva N.P...... 197

SOCIOLOGY

REGULATION OF THE SOCIO-ECOLOGICAL ENVIRONMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISES AS A CONDITION FOR ENHANCING THE QUALITY OF URBAN LIFE Akhmetova E.Sh.	204
ECOSYSTEM OF THE MONOINDUSTRIAL CITY AND QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION: INTERFERENCE MECHANISM Akhmetova E.Sh.	211
THE MOST IMPORTANT WAYS OF OPTIMIZE THE IMPACT OF HEALTH ON QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION IN MODERN CONDITIONS Husnutdinova V.Sh.	216

POLITICAL SCIENCE

THE DEMOGRAPHIC PROCESSES AS A FACTOR OF GEOPOLITICS Sakaev V.T.	224
---	-----

LAW

THE INTERACTION OF THE PUBLIC PROSECUTOR WITH THE INVESTIGATOR, COMMUNICATION WITH VICTIM, WITNESSES AND EXPERT Gataullin Z.Sh.	234
---	-----

PHILOLOGY

THE RUSSIAN ETHNO-LINGUISTIC LAYER IN THE TOPONYMY OF THE LOWER KAMA REGION OF THE TATARSTAN REPUBLIC Akhatova Z.F.	241
THE PROBLEMS OF SPEECH COMMUNICATION Bolshakova L.V.	248

THE ROLE OF THE POLEMIC DIALOG WITH GOETHE IN THE HISTORY OF THE GERMAN BILDUNGSROMAN Gabdulatzyanova L.K.	253
THE GENRE OF UTOPIA/ANTI-UTOPIA IN THE TATAR LITERATURE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY Galiullin R.R.	261
EXPERIENCED SPEECH AS TECHNIQUE OF EXPRESSION OF MODALITY OF THE AUTHOR IN MODERN LITERATURE Glukhova O.P.	269
ABBREVIATED WORDS IN THE MODERN RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES Zakirov R.A., Mukhiyarova R.Kh.	276
STYLISTIC PECULIARITIES OF AMERICAN WRITERS’ LITERARY WORKS (ON THE MATERIAL OF O. HENRY’S SHORT STORIES) Islamova A.I.	281
THE COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF THE DRAMA TEXT’S CHARACTERS Karimova I.R.	289
THE SPECIFICS OF THE DRAMA TEXT Karimova I.R.	296
THE TEXT FORMATION ROLE OF AN IRONIC EVALUATION IN Y. POLYAKOV’S PROSE Lerman I.V.	302
INTERTEXTUALITY AS THE EXPRESSION OF THE AUTHOR’S EVALUATION IN THE NOVEL BY U. POLYAKOV «THE PARIS LOVE OF KOSTYA GUMANKOV» Lerman I.V.	310

THE ORIGINS OF THE COMIC COMPONENTS IN TATAR LITERATURE Makarova V.F.	318
STRUCTURAL PECULIARITY OF ANIMALS' (MAMMALS') NAMES IN THE TATAR LANGUAGE Mirgalimova Z.F.	325
DEVELOPMENT OF ORIGINAL LEXICON OF THE MODERN TATAR LITERARY LANGUAGE AT THE END OF XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURIES Mukhiyarova R.Kh.	332
SEMANTIC DERIVATION MODELS OF METAPHORICAL VERBS DENOTING SPEECH IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES Polkina G.M., Tsyganova E.B.	338
THE PECULIARITIES OF SENSE RELATIONS OF AN ADVERB WITH DIFFERENT CLASSES OF WORDS Yakupova V.I.	345

ECONOMICS

THE MOST IMPORTANT CONDITIONS OF ACHIEVEMENT OF THE COMPANY'S EFFICIENCY Alpatova E.S.	352
---	-----

BIOLOGY

THE DYNAMICS OF THE INDICATORS OF PRIMARY SCHOOLCHILDREN'S PHYSICAL DEVELOPMENT IN NABEREZHNYE CHELNY Smirnova A.V., Khasanova A.R.	359
RULES FOR AUTHORS	366

ПЕДАГОГИКА

PEDAGOGIC

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЦИКЛА

Ахкиямова Г.Р.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье уделено внимание важности подготовки детей с младшего школьного возраста к жизни в поликультурном мире, с целью формирования одного из важных качеств личности – межнациональной толерантности.

Ключевые слова: толерантность; межнациональная толерантность; терпимость; этнос; поликультурное общество; национальные особенности; интолерантность; рефлексия.

FORMATION OF INTERNATIONAL TOLERANCE WITHIN STUDY OF THE SUBJECT OF THE NATURAL-SCIENCE CYCLE

Akhkiyayeva G.R.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

In the article attention of importance of preparation of children from low school age to life in the polycultural world, for the purpose of for-

mation of one of important qualities of the personality – international tolerance is paid.

Keywords: *tolerance; international tolerance; tolerance; ethnos; polycultural society; national features; intolerantnost; reflection.*

Российская Федерация сочетает в себе великое множество разных национальных культур [2], которые, казалось бы, должны стать предметом великой гордости каждого из нас, однако дело обстоит не так. Одной из актуальных проблем сегодняшнего мирового сообщества стало нетерпимое отношение к людям иной конфессии и этнической принадлежности, что становится опасным для устойчивости поликультурного общества.

Образовательное пространство в этом отношении обладает большим потенциалом, где одной из кардинальных социально-психологических и педагогических проблем отечественного образования должна стать потребность в организации целенаправленной работы по формированию у личности межнациональной толерантности в условиях многонациональности.

В свою очередь, хотелось бы отметить, что работа в этом направлении должна начинаться уже в начальном звене, так как именно младший школьный возраст является важнейшим периодом в развитии человека. Дети в это время активно включаются во взрослую жизнь, вырабатывают идентичность своей этнической группы, овладевают различными социальными ролями и энергично проходят этап становления национального самосознания [1, с. 3].

Однако разбор научной литературы свидетельствует о том, что работа по данному направлению остается недостаточно разработанной. В связи с этим, мы провели исследование и определили уровень сформированности межнациональной толерантности, а также педагогические условия для эффективного формирования

межнациональной толерантности у младших школьников, обучающихся в поликультурной среде.

В ходе проведения исследования использовались такие показатели, как: толерантность в целом и межнациональная толерантность; признаки интолерантности; типы поведения, одобряемые детьми и характеризующие их взаимоотношения с окружающим миром.

Проведенное нами исследование среди учащихся третьих классов показало, что в ходе определения уровня толерантности среднее значение уровня по индексу толерантности было 38,1 % (из 100 %). Изучение типов этнической толерантности выявило, что в классе чаще всего встречается этноэгоизм, проявления этнофанатизма, этноизоляции и повышенный уровень этнической индифферентности. Признаки интолерантности выявлены у большого количества учащихся, применяющих запугивание, поиск виновного, с предубеждениями, насмешками, оскверняющих или портящих вещи других, со стереотипами и использующих насилие. Изучение проявлений межэтнической толерантности позволило сделать вывод о преобладании низкого уровня межэтнической толерантности.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют о недостаточной сформированности межнациональной толерантности и необходимости активизации воспитательной работы в данном направлении, в частности разработке педагогических условий для эффективного формирования межнациональной толерантности у младших школьников, обучающихся в поликультурной среде.

Для успешного решения данной проблемы, нами были определены следующие педагогические условия:

- учет особенностей межнационального общения, межнациональной среды и условий, в которых проживают и воспитываются младшие школьники;

- включение в содержание предмета «Окружающий мир» учебных материалов, раскрывающих культуру народа во взаимодействии

с другими этносами, характеризующих национальные особенности и межнациональные ценности;

– организация в воспитательном процессе активной и социально-значимой деятельности младших школьников;

– повышение уровня профессиональной компетентности педагогов в вопросах формирования межнациональной толерантности у младших школьников в процессе учебной и внеучебной деятельности [1].

На наш взгляд, включение в содержание предмета «Окружающий мир» сведений о культуре этноса во взаимодействии с другими народами является весьма успешным. Именно в рамках изучения данного предмета возможно укрепление таких понятий, как «мы», «наша школа», «наша страна», где наиболее активно можно сформировать межнациональные толерантные установки.

В Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования (от 6 октября 2009 г.) выделены основные задачи реализации содержания данного предмета, такие как: «формирование уважительного отношения к семье, селу, городу, региону, России, истории, культуре, природе нашей страны, ее современной жизни. Осознание ценности, целостности и многообразия окружающего мира, своего места в нем... Формирование психологической культуры и компетенции для обеспечения эффективного и безопасного взаимодействия в социуме» [3, с. 14].

В основу структуры и содержания предмета «Окружающий мир» целесообразно включить следующие разделы: 1) ввести материал о национальных особенностях татарского, русского, марийского и других народов, населяющих Прикамский регион; 2) знакомить и сравнивать символику Республики Татарстан и России, расположение республики, региона на карте; 3) изучать национальные костюмы, государственную символику, историческое развитие народов-соседей в их культурном взаимодействии; 4) знакомить учащихся с фор-

мами выражения любви к родной стране, которые используют художники, музыканты, поэты разных национальностей; 5) включить материал о национальных традициях, играх разных народов.

Четвертый пункт представленных педагогических условий можно реализовать в процессе организации проблемных курсов «Формирование межнациональной толерантности у младших школьников в образовательных учреждениях».

Определены задачи, решаемые в ходе реализации данной программы. Среди них: ознакомление педагогов с основными положениями теории психологии толерантности и межнациональной толерантности; расширение представления педагогов о проявлении толерантности и интолерантности в обществе с позиций различных психолого-педагогических школ; развитие способности анализировать ситуации проявления толерантности и интолерантности; обучение технологиям воспитания межэтнической толерантности у младших школьников в образовательном процессе.

В результате целенаправленной работы с педагогами замечена позитивная динамика в уровне их профессиональной компетентности в вопросах формирования межнациональной толерантности у младших школьников. Педагогам всю учебную деятельность необходимо организовать на базе убеждения, внушения, стимулирования и мотивации, выдвижения педагогических требований к поведению, создание воспитывающей ситуации для социальной пробы (испытания), в игровых ситуациях и через упражнения проводить коррекцию поведения у младших школьников, приводящей к рефлексии.

В рамках внеучебной деятельности целесообразно организовать знакомство школьников с иными культурами, смоделированными педагогами в специальных игровых и деловых ситуациях, где сами учащиеся исполняют роли представителей различных этносов и, пытаясь сохранять свою новую культурную позицию, входят в запланированный сценарием или заданной обстановкой «межкультур-

ный диалог» по разным темам. Тем самым путем прямого контакта с представителями коллектива, являющимися носителями разных этнических культур, происходит ознакомление с культурой друг друга.

Поскольку дорога к взаимопониманию пролегает не только через знания и представления, но и через чувства, склонность видеть и творить прекрасное, то приобщение к этнокультуре осуществляется через овладение «инструментарием» ее познания, «языком» ее художественных форм, проникновением в ценностно-смысловое содержание символов этнокультуры. В связи с этим, в рамках внеучебной деятельности, необходимо организовать самостоятельную исследовательскую деятельность учащихся, направленную на сбор, изучение, анализ и использование сведений о специфике истории и культуры, традиций, быта, образа жизни, психологии народов, проживающих в России, регионе, городе и микрорайоне. Исследовательские проекты детей являют собой самостоятельный творческий поиск, призванный заинтересовать, и пробудить желание «проникнуть» в иную культуру. Целесообразно организовать различные экскурсии в краеведческие музеи, нацеленные на раскрытие интереса к другим этносам посредством музейной педагогики.

Вся эта работа позволит учащимся, с одной стороны, осознать уникальность, самобытность родной культуры, с другой – понять и принять ценности, традиции, нормы поведения представителей других национальностей, уважать их культуру, быть доброжелательными во взаимодействии с людьми.

На всех этапах работы с детским коллективом, в котором представлены разные национальности, нужно обдумать практические меры, в целях облегчения детям преодоления в себе национальной замкнутости, эгоизма, ориентироваться на повышение культуры общения всего школьного коллектива, применять его потенциал для противостояния нездоровому национализму. Важно, чтобы учитель был не только компетентным по этой проблеме, но и мог применять

имеющиеся знания в воспитательном процессе, во время беседы, визита учеников в музеи, центры национальных культур, театры, выставки и др.

Следовательно, задача поликультурной школы заключается в максимальном обогащении содержания предмета «Окружающий мир», то есть показать ребенку богатую многонациональную среду, в которой происходит естественный процесс его развития, формируется способность жить в согласии с людьми разных национальностей, в духе взаимного диалога культур и толерантности.

Список литературы

1. Ахкиямова Г.Р. Формирование межнациональной толерантности у младших школьников в процессе учебной и внеучебной деятельности: Дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2009.
2. Магсумов Т.А., Корнилова И.В. Традиции изучения географии, истории и культуры Прикамского края // Приволжский научный вестник. 2013. № 6. С. 57–61.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования от 6 октября 2009 г. № 373. 34 с.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ОБУЧЕНИЯ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Гайфутдинов А.М.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

Принципы обучения в отечественной педагогике имеют длительный путь своего формирования. До сих пор не получил своего решения вопрос их генезиса. В первой половине XX века в истории отечественной педагогики были заложены все основные идеи последующего развития теории обучения в отечественной школе.

Ключевые слова: принцип обучения; практика обучения; этапы развития; общепедагогические требования к процессу обучения.

FORMATION OF THE PRINCIPLES OF STUDING IN THE HISTORY OF SOVIET PEDAGOGICS IN THE 1920–1930th YEARS

Gajfutdinov A.M.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

Analysis of modern educational literature reveals growth of interest to the national history and to its Soviet period. This is because of the scientific achievements of previous generations are at the heart of new ideas. The continuity in the construction of learning principles system is observed.

Keywords: the principle of training; continuity; the system of learning principles; didactic system; the principle of consciousness.

Изучение истории формирования понятия «принцип» в системе знаний отечественной педагогики определяет дуалистический характер самого процесса обучения. С одной стороны, он носит объективный характер и протекает не только в обществе людей, но и во всем живом мире планеты. С другой стороны, процесс обучения – это социальный процесс, который зависит от внешних социально-экономических и политических условий. Принципы, играющие роль законов в процессе обучения, выражают объективный характер процесса обучения, но идеи, из которых они образуются, рождаются в конкретных исторических условиях [4]. Это делает значимым историко-генетический подход в изучении развития педагогического понятия «принцип» в отечественной педагогике.

Начало XX века в истории нашей страны ознаменовалось революционными событиями октября 1917 г., которые стали отправной точкой построения новой политической системы. Социально-экономические и политические преобразования затронули все стороны жизни общества. Особое внимание было уделено школе [3]. Главным руководством в построении новой школы социалистического общества стали работы В.И. Ульянова (Ленина).

В работе «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР» первая половина XX века в истории школы разделена на два периода:

- 1) 1917–1930 гг. – школа в период утверждения советского строя и социалистической реконструкции народного хозяйства;
- 2) 1931–1941 гг. – общеобразовательная школа в период социалистической реконструкции народного хозяйства и победы социализма в СССР.

По описанию первого периода можно определить следующее: а) ставилась задача построить систему обучения детей без опоры на дореволюционную школу; б) работы В.И. Ленина были посвящены теоретической основе организации процесса обучения. Он опреде-

лил цель коммунистического воспитания как подготовку активных и всесторонне развитых строителей коммунизма; на первое место поставил принцип связи воспитания с политикой Коммунистической партии; выдвинул и обосновал принцип единства теории и практики в обучении (в дальнейшем – принцип политехнизма); уделял большое внимание ведущим принципам образования: демократизму, социалистическому гуманизму, связи образования с задачами строительства нового общества, с классовой, идеологической борьбой. Указано также, что В.И. Ленин обогатил социалистическую педагогику такими всеобъемлющими понятиями, как коллективизм, сознательность, самостоятельность и активность, единство и взаимосвязь всех сторон воспитания и образования. «Одним из ведущих направлений перестройки всей учебно-воспитательной работы школы в первые годы ее существования было осуществление ленинского принципа связи обучения с общественно полезным, производительным трудом учащихся» [3, с. 73].

Анализ представленного выше описания формирования школы в послереволюционное время приводит к выводу, что указанные принципы были сформулированы, только исходя из поставленной цели воспитания. Введенные В.И. Ульяновым (Лениным) в педагогику понятия, такие как: коллективизм, сознательность, самостоятельность и активность и др. – в дальнейшем вошли в формулировку принципов обучения отечественной педагогики. Так, например, близким по смыслу ленинскому требованию «связь образования с задачами строительства нового общества, с классовой, идеологической борьбой» является требование «принцип связи школы с жизнью, с решением задач ускорения развития страны», представленное в учебнике по педагогике под редакцией Ю.К. Бабанского, разработчика теории оптимизации учебно-воспитательного процесса [4].

Особенностью первых лет создания социалистической школы можно назвать направленность на практику обучения. Была постав-

лена задача проверки выдвинутых за эти годы идей и принципов, их отбора, распространения передового педагогического опыта. Для этого повсеместно создавались опытно-показательные учреждения. В 1919 г. Наркомпросом было зарегистрировано 27 опытно-показательных школ, к 1 марта 1920 г. – 31, а в 1920/21 учебном году (по 25 губерниям) – около 100 [3]. В результате, к началу 30-х гг. XX в., основными принципами деятельности советской школы нового типа были признаны: а) политехническое обучение; б) труд как средство формирования всесторонне развитой личности; в) связи школы с жизнью; г) активизация методов обучения; г) обеспечения коллективистических начал во всей учебно-воспитательной работе школы; д) детское самоуправление и воспитание сознательной дисциплины.

Дальнейшая работа по формированию теоретической основы школы социалистического общества была направлена на создании системы организации труда и политехнического обучения, приемлемой для массовой школы. В период 1920-1930-х гг. большое внимание уделялось развитию творческой инициативы и активности учащихся. Получила развитие кружковая и клубная работа со школьниками. Так, например, деятельность школьных клубов отличалась большим разнообразием и возникала естественно, как результат развития инициативы и самостоятельности учащихся. Считалось, что клубная работа способствовала формированию общественных интересов школьников, расширению их политического и культурного кругозора, развитию творческих способностей и склонностей детей.

Итак, одной из главных проблем дидактики рассматриваемого периода стало формирование познавательных интересов учащихся и тесно связанный с этим вопрос повышения педагогического мастерства учителя. «В 20-е годы всё более определенно стали формулироваться общие принципы советской дидактики, на основе которых развивались методы обучения. Общепедагогические требования к процессу обучения были изложены в одной из первых обобщающих

работ по советской дидактике – книге Ш.И. Ганелина, М.Н. Салтыковой и О.Е. Сыркиной «Основные вопросы советской дидактики» (1929)» [3, с. 226]. Обращает на себя внимание то, что в описании истории формирования теоретической основы послереволюционной школы принципы обучения сначала представлялись как идеи, взятые из работ В.И. Ульянова (Ленина), тогда как в более позднее время они называются требованиями к процессу обучения. Развитие ленинских идей привело к образованию требований, указанных как принципы процесса обучения в одной из первых работ по советской дидактике: связи обучения с жизнью как решающего условия активизации методов учебной работы, сочетание коллективизма в образовательной деятельности с индивидуализацией и дифференциацией методов обучения по отношению к отдельным учащимся и группе школьников.

Последующее десятилетие (1930-е гг.) в истории развития отечественной дидактики характеризуется усиленным влиянием партийно-правительственных директив на все сферы деятельности школы, некоторые из них оказали влияние на формирование системы принципов обучения в советской школе. Среди них:

а) Постановление «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г. сформулировало общие принципы программно-методической работы: 1) научность программ, основанная на строгом отборе фактов и достижениях современной науки; 2) доступность и посильность программ; 3) систематичность и последовательность раскрытия учебного материала в строгом соответствии с логикой науки; 4) предварительная проверка методов обучения как неперемное условие внедрения их в практику массовой школы; 5) четкая мировоззренческая направленность школьных курсов; 6) повышение уровня марксистско-ленинской и научно-методической вооруженности руководящих кадров народного образования;

б) Постановление «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г. представило принцип

разнообразия методов обучения как одну из важнейших теоретических проблем дидактики. Анализ содержания постановлений показывает: 1) указанные в перечне принципы понятия «научность» и «доступность и посильность» являются характеристиками учебных программ, тогда как «систематичность и последовательность» – относится к деятельности учителя; 2) из шести перечисленных принципов программно-методической работы в школе три в дальнейшем становятся самостоятельными принципами обучения, это: «научность», «доступность и посильность», «систематичность и последовательность»; 3) «мировоззренческая направленность учебных курсов» встречается как составная часть требования к процессу обучения, которое «должно быть научным и иметь мировоззренческую направленность», указанного как принцип, в учебнике по педагогике (1997) [5]; 4) принцип разнообразие методов, представленный в более позднем постановлении, в подобной формулировке не получил развитие в теории дидактики как принцип обучения, но следует отметить, что в учебниках и учебных пособиях по педагогике, изданных в конце 1980-х гг. в перечне дидактических принципов имеется вариант, у которого близкое по смыслу содержание «принцип оптимального выбора и сочетания различных методов и приемов обучения».

Историко-генетический подход в изучении принципов обучения позволил определить происхождение термина «научность» как принципа обучения. Это требование существовало в 1930-е гг. в постановлении ЦК ВКП(б) как принцип программно-методической работы в школе. В первой половине XX столетия в истории отечественной педагогики были заложены все основные идеи последующего развития теории обучения в отечественной школе. Главная роль в определении направления этого развития принадлежит ленинским идеям о построении новой социалистической школы и партийно-правительственным директивам, которые позволяли выполнять контролирующую функцию за процессом преобразования школы.

Список литературы

1. Гайфутдинов А.М. Генезис принципов обучения // В мире научных открытий. 2012. № 7. С. 86–103.
2. Магсумов Т.А., Корнилова И.В. «Принципы – на века». Рецензия на книгу: Гайфутдинов А.М. Развитие дидактических принципов в истории отечественной педагогики (1945–2007). М.: Университетская книга, 2010. 215 с. // Приволжский научный вестник. 2012. № 3. С. 72–74.
3. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. (1917-1941 гг.) / Отв. ред. Н.П. Кузин, М.Н. Колмакова, З.И. Равкин. М.: Педагогика, 1980. 456 с.
4. Педагогика: Учеб. пос. / Под ред. Ю.К. Бабанского. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 1988. 479 с.
5. Харламов И.Ф. Педагогика: Учеб. пос. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1997. 512 с.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ

Гайфутдинов А.М., Гайфутдинова Т.В.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье уделено внимание важности подготовки детей с младшего школьного возраста к жизни в поликультурном мире, с целью формирования одного из важных качеств личности – межнациональной толерантности.

Ключевые слова: толерантность; межнациональная толерантность; терпимость; этнос; поликультурное общество; национальные особенности; интолерантность; рефлексия.

CONTINUITY IN THE FORMATION OF THE DIDACTIC PRINCIPLES SYSTEM IN RUSSIAN PEDAGOGICS

Gajfutdinov A.M., Gajfutdinova T.V.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

In the article attention of importance of preparation of children from low school age to life in the polycultural world, for the purpose of formation of one of important qualities of the personality – international tolerance is paid.

Ключевые слова: tolerance; international tolerance; tolerance; ethnos; polycultural society; national features; intolerantnost; reflection.

На первоначальном этапе зарождения социалистической школы ее теоретическую основу составляли требования к основным компонентам процесса обучения: к содержанию (через требования к программно-методическому обеспечению и школьным учебникам), а также к деятельности учителя. Появление дидактических принципов, отвечающих критериям понятия «принцип», не произошло. Основной причиной можно считать отсутствие этапа изучения в выдвигаемых требованиях диалектического характера связи главных компонентов обучения [3].

Дальнейшее развитие понятия «принцип обучения» в отечественной педагогике представляет сложный и многогранный процесс [7]. Глубокая разработка противоречий в обучении детей привела к появлению принципов, определяющих источник развития процесса обучения. Ими стали принципы:

- 1) сознательность и активность учащихся при руководящей роли учителя;
- 2) научность обучения и его доступность;
- 3) коллективный характер обучения и учет индивидуальных особенностей учащихся.

Как показали исследования, разработанным и научно обоснованным принципом в отечественной дидактике можно считать принцип, традиционное название которого «научность обучения и его доступность». Выработанные правила раскрывают действие принципа в практике обучения [3].

Анализ современной педагогической литературы выявляет преемственность в построении системы принципов обучения. Так, в статье Н.Л. Шкориной «Дидактическая система Ш.И. Ганелина» предпринята попытка осмыслить научно-педагогические идеи 60-х годов XX века в свете проблем процесса обучения в современной школе. Автор объясняет рост интереса к отечественной истории и к ее советскому периоду тем, что новые идеи не берутся ниоткуда,

они развиваются на основе научных достижений предыдущих поколений.

Следует отметить, что Ш.И. Ганелин отрицал существование системы принципов дидактики того времени и не ставил цели построить свою систему [4]. Однако он выдвигал ведущий принцип – сознательность обучения, которому придавал огромное значение, о чем свидетельствует выход в свет его монографии «Дидактический принцип сознательности». Проблемные вопросы, поставленные в этой работе до сих пор не получили своего окончательного решения. Важным и для современной школы остается:

- 1) формирование сознательности учащихся в самостоятельной работе учащихся;
- 2) отслеживание уровня сознательного отношения учащихся в отдельных звеньях урока;
- 3) решение проблемы сознательности в школе, строящейся на основе сочетания обучения с производительным трудом;
- 4) сочетание сознательности с другими принципами обучения;
- 5) особое значение в современном российском обществе имеет сознательность учащихся в формировании их мировоззрения.

Решение этих проблем Ш.И. Ганелин видел в длительном совместном исследовательском труде физиологов, психологов и педагогов.

Современное прочтение работы Ш.И. Ганелина приводит к выводу о том, что в монографии рассмотрена целостная дидактическая система, поскольку в ней освещаются все стороны процесса обучения: цели, методы, вопросы умственного развития ученика, формирование его мировоззрения, мышления и различные организационные формы обучения [13]. Его работу относят к числу тех, которые заложили основы системного подхода, поскольку при решении всех проблем процесса обучения во главу угла ставился вопрос о необходимости целостного, всестороннего развития ребенка, а отсюда –

целостности процесса обучения. Но так как одним из проблемных вопросов являлось определение соотношения принципа сознательности с другими принципами обучения, следует, что Ш.И. Ганелиным косвенно решалась задача построения системы принципов обучения.

Изучение истории вопроса создания систем дидактических принципов в отечественной педагогике позволило выявить два основных направления [2]. Преобладающее большинство педагогов-исследователей создавали иерархическую систему, выделяя ведущий принцип: воспитание волевых людей на преодоление трудностей [8], сознательность [4], принцип направленности обучения на всестороннее и гармоничное развитие личности [6], научность и коммунистическая партийность [9]. В 80-е годы XX века появляется еще один вариант построения системы принципов. Предлагалось строить иерархическую систему принципов в рамках дидактической концепции [12]. Это направление нельзя считать самостоятельным, так как в основе осталась иерархия принципов, как результат систематизации.

Идея создания системы принципов для каждой педагогической концепции нашла свой отклик в другом предложении, суть которого состояла в том, чтобы отражать в системе принципов особенности образовательных учреждений, выявлять для них специфические принципы обучения (В.С. Леднев). В настоящее время эта идея преобразована в еще одну ветвь иерархической систематизации принципов. Создаются системы специфических принципов преподавания отдельных предметов [10; 11].

Вторым направлением можно считать систематизацию принципов на основе соответствия законам и закономерностям процесса обучения. Среди работ, подлежащих анализу, эта идея выявлена в работе В.Е. Гмурмана [5]. Своё развитие она получила в работе Ю.К. Бабанского [1], в которой предложена целостная система закономерностей и принципов обучения.

Были определены также тенденции в построении классификации дидактических принципов:

- 1) установление иерархии принципов обучения, на основе выделения ведущего принципа;
- 2) систематизация принципов на основе соответствия законам.

Современное научное обоснование системы Ш.И. Ганелина, представленное в статье Н.Л. Шкориной (2007), как дидактической, сближает тенденции систематизации принципов. С одной стороны, система является иерархической, имеющей ведущий принцип. С другой стороны, целостность этой системы и новая, более широкая трактовка сознательности как принципа обучения, отражают тенденцию систематизации принципов на основе соответствия законам.

Список литературы

1. Бабанский Ю.К. Взаимосвязь закономерностей, принципов обучения и способов его оптимизации // Советская педагогика. 1982. № 11. С. 30–39.
2. Гайфутдинов А.М. Развитие дидактических принципов в истории отечественной педагогики (1945–2007). М.: Университетская книга, 2010. 215 с.
3. Гайфутдинов А.М. Принципы обучения в отечественной педагогике второй половины XX – начала XXI века: структурно-содержательный анализ. Казань: Изд-во Казанск. ун-т, 2012. 180 с.
4. Ганелин Ш.И. Дидактический принцип сознательности. М.: Изд. Академ. пед. наук РСФСР, 1961.
5. Гмурман В.Е. К вопросу о понятиях «закон», «принцип», «правило» в педагогике // Советская педагогика. 1971. № 4. С. 64–76.
6. Загвязинский В.И. О современной трактовке дидактических принципов // Советская педагогика. 1978. № 10. С. 66–72.
7. Магсумов Т.А., Корнилова И.В. «Принципы – на века». Рецензия на книгу: Гайфутдинов А.М. Развитие дидактических принципов в

- истории отечественной педагогики (1945–2007). М.: Университетская книга, 2010. 215 с. // Приволжский научный вестник. 2012. № 3. С. 72–74.
8. Макаров П.Д. К вопросу о принципах советской дидактики // Советская педагогика. 1938. № 9. С. 22–25.
 9. Михеев С.В. О системе общепедагогических принципов // Советская педагогика. 1982. № 2. С. 56–57.
 10. Плотникова Е.Г. Педагогика математики: предмет, содержание, принципы // Педагогика. 2003. № 4. С. 32–35.
 11. Пономарева И.Н. Общая методика обучения биологии: Учеб. пос. / И.Н. Пономарева, В.П. Соломин, Г.Д. Сидельникова; Под ред. И.Н. Пономаревой. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 272 с.
 12. Принципы обучения в современной педагогической теории и практике: Межвузовский сборник научных трудов. Челябинск: ЧГПИ, 1985. 111 с.
 13. Шкорина Н.Л. Дидактическая система Ш.И. Ганелина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007. Т. 6. № 24. С. 121–126.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Зарипова Р.С., Киямова А.Г.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

Проведен ретроспективный анализ теоретических и прикладных основ формирования экологической культуры. Показано, что в различные этапы содержание экологического образования имело существенные отличия от современных принципов и подходов. Отмечен решающий сдвиг в становлении экологического образования в 1970-е гг., когда состоялся переход от природоохранного образования к формированию экологической культуры. Выявлены негативные тенденции, связанные со свертыванием экологического образования в настоящее время.

Ключевые слова: история педагогики; образование; экологическая культура.

THE PROBLEM OF FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE IN THE HISTORY OF THE SCHOOL EDUCATION

Zaripova R.S., Kiamova A.G.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

A retrospective analysis of the theoretical and applied bases of formation of ecological culture. It is shown that in the various stages of the

content of environmental education was quite different from the modern principles and approaches. A decisive shift in the development of environmental education in the 1970s was marked, when he made the transition from environmental education to environmental culture. The negative trends was revealed, which associated with the closing of environmental education at the present time.

Keywords: *history of pedagogics; education; ecological culture.*

С XIX в. отношения человека и природы начали кардинально меняться. Технологический прогресс обусловил фантастический рост производительных сил и максимально возможное использование природных ресурсов. В итоге общество с течением некоторого периода времени оказалось перед выбором: сохранить существующий тип взаимодействия с природой или сохранить биосферу. При выборе первого пути человечество обречено на вымирание, второй путь возможен только при коренной перестройке мировоззрения и формирования экологической культуры.

У российского образования давние традиции формирования знаний о взаимоотношениях человека и природы. В самом начале экологическое образование было частью естествознания, которое изучалось в школах России с конца XVIII в. В конце XIX в. усилиями выдающихся педагогов был создан естественнонаучный фундамент экологического образования. Одним из первых педагогов, разработавших родиноведческий принцип, являлся К.Д. Ушинский, отмечавший необходимость тесной связи обучения географии с изучением окружающей учащихся природы и деятельности человека в ней. Он считал, что в воспитании человека огромную роль играет не только педагог, но и другие «великие воспитатели»: жизнь, религия, наука и, конечно же, природа. [6, с. 10–11].

Не менее эффективно вопросы формирования мировоззрения при изучении мира природы разрабатывалась А.Я. Гердом. Он счи-

тал, что изучение естествознания должно вести «к правильному общему взгляду на природу, как нечто целое» [2, с. 5]. В его трудах особое внимание уделяется такому методу изучения природы, как экскурсия. А.Я. Герд считал, что ученик должен получать знания о природе в самой природе; учащийся в ходе самостоятельной работы должен научиться находить взаимосвязи компонентов природы. В конце XIX в. термин «экологическое образование» еще не был введен, но уже довольно отчетливо поставлен вопрос о необходимости подобного образования.

Идеи К.Д. Ушинского были в дальнейшем развиты Д.Д. Семеновым при создании учебника «Уроки географии» (1862). Представляет интерес его предисловие к «Урокам»: «... Насколько доступно детскому понятию, везде указана зависимость органической природы и человека от окружающих географических условий местности» [5, с. 3–4]. Таким образом, еще до появления термина «экология», в учебнике Д.Д. Семенова рассматривались проблемы взаимоотношения человека с окружающей средой.

Д.Н. Кайгородовым было предложено изучение природы по «обшежитиям». Этот термин является «предтечей» современных терминов «биогеоценоз», «экосистема». Именно Д.Н. Кайгородов положил в основу изучения природы комплексный подход, рассматривая компоненты живой и неживой природы в их связях и отношениях [3, с. 74].

Существенный вклад в развитие школьного естествознания внесен В.В. Половцовым. Введение в курс естествознания «биологического метода» можно считать началом экологического образования детей.

После революционных событий 1917 г. экологическое образование продолжало эволюционировать. В 1920-х гг. в программах и указаниях Наркомпроса (1924) как одна из основных ставилась задача изучения края, проведения природоохранных работ и формирования

у школьников полезных навыков. На уроках впервые появляется большое количество практических, лабораторных работ; внеклассные и внеурочные работы проводятся в форме исследовательских работ. В помощь школам были организованы биологические станции (руководители В.Ф. Натали, Б.Е. Райков и др.) и станции юных натуралистов.

В 1930-е гг. в программы по биологии и географии были введены природоохранные знания; они практически без изменения сохранились до конца 1970-х гг. В послевоенный период был принят ряд постановлений по охране природы. Естественно, особая роль в улучшении работы в деле изучения природы отводилась школе. Основной задачей признавалась сопровождение теоретических знаний практическими природоохранными умениями. Особое внимание уделялось воспитанию на уроках биологии эстетического и нравственного отношения к природе, пониманию необходимости охраны и рационального применения ее богатств на базе познания природных закономерностей. В 1950–1960-е гг. просвещение в сфере охраны природы расширялось по всему миру. Наблюдалось усиление природоохранной тематики в учебном процессе советских школ, прежде всего при изучении предмета «Природоведение» в начальной школе.

На конференции, организованной Международным Союзом Охраны Природы (МСОП) в 1970 г., был введен термин «экологическое образование». Первыми исследователями, уделявшими внимание разработке содержания экологического образования в СССР, были Б.Г. Иогансен, И.Н. Пономарева, А.Н. Захлебный, И.Д. Зверев и др. По мнению этих ученых, экологическое образование является элементом системы биологических знаний, обусловленных особенностью своего содержания в каждом отдельном курсе (ботаника, зоология и др.) и возрастными чертами детей. В 1972 г. при Академии педагогических наук СССР была создана лаборатория природоохранного просвещения. Новым в экологическом образовании

являлось внедрение факультативных курсов по охране природы. В педагогической литературе появился также термин «природоохранительное просвещение». На этом этапе основное внимание уделялось воспитанию чувства ответственности за состояние природы, формированию экологического поведения.

С 1980 г. в стране введены новые учебные программы, в которых предусматривались вопросы экологизации содержания базовых школьных дисциплин естественнонаучного цикла: географии, биологии, физики и химии. Однако проблемы охраны природы изучались в основном на уровне страны и мира. Экология родного края оставалась вне поля зрения. Теоретические и прикладные основы экологического образования рассматривались в работах И.Д. Зверева, С.Н. Глазачева, И.Т. Суравегиной, Е.С. Слостениной, А.Н. Захлебного.

Необходимость формирования экологической культуры актуализировалась в 1990-е гг. В связи с этим появились новые педагогические исследования, выявлены характерные принципы экологического образования: принцип непрерывности; принцип взаимосвязи глобального, регионального подхода к анализу экологических проблем и их решения; принцип междисциплинарности; принцип единства познания – эмоционального переживания и действия. Большинство исследователей основной акцент делают на практико-ориентированную деятельность по улучшению реальной экологической ситуации своей местности, считая это одной из предпосылок достижения конечной цели экологического образования. По их мнению, экологическое образование не должно сводиться к усвоению определенных экологических знаний, оно должно быть направлено на формирование у школьников норм ответственного поведения в окружающей природной среде в различных видах деятельности. Одновременно отмечаются и негативные тенденции. В 1997 г. предмет «Экология» переведен в региональный компонент

общеобразовательного стандарта. Проект Федерального закона «О государственном регулировании образования в области экологии», разработанный в 1995–1998 гг. и принятый Госдумой, был отклонен Президентом РФ, несмотря на то, что он в странах СНГ принят в качестве модельного. Проект Федеральной целевой программы экологического образования на 1997–2010 гг. вообще не был утвержден Правительством.

На современном этапе четко прослеживается усиление внимания к формированию нравственно-ценностного компонента экологической культуры. Научным коллективом под руководством С.А. Степанова под эгидой Госкомитета РФ по охране окружающей среды был разработан проект Национальной стратегии экологического образования в Российской Федерации, направленный на создание единой системы экологического образования до 2025 г. Однако, подробное изучение документа «Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа», показывает, что, как и в 1930–1970-е гг., экологические аспекты в основном присутствуют при изучении предметов естественнонаучного цикла – география и биология, частично физика; наблюдается отсутствие предмета «Экология» [4].

Таким образом, историко-теоретический анализ трудов ученых по проблеме формирования экологической культуры учащихся позволил сделать ряд важных выводов. С XVIII в. до 20-х гг. XX в. в рамках естествознания появились определенные экологические идеи. До 1970-х гг. экологическое просвещение реализовывалось в основном в процессе биологического и географического образования школьников. В 1990-е гг. основной акцент делался на экологизацию учебных дисциплин, как условие формирования экологической культуры; также наблюдалась регионализация экологического образования. На современном этапе отмечается увеличение интереса к формированию нравственно-ценностного отношения к при-

роде. Несмотря на большое количество педагогических разработок, организация экологического образования в школе оставляет желать лучшего, от чего страдает эффективность процесса формирования экологической культуры.

Список литературы

1. Герд А.Я. Избранные педагогические труды. М.: Изд. АПН РСФСР, 1953. 87 с.
2. Герд А.Я. Первые уроки минералогии. СПб., 1874.
3. Кайгородов Д.Н. На разные темы, преимущественно педагогические. С приложением опыта программы природоведения по общежитиям природы для средней полосы России. СПб, издание А.С. Суворина, 1901. [IV] +103 с.
4. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа / Сост. Е.С. Савинов. М.: Просвещение, 2011. 342 с. (Стандарты второго поколения).
5. Семенов Д.Д. Уроки географии. СПб, 1862. 105 с.
6. Ушинский К.Д. Материалы для «Педагогической антропологии». Т. 3. СПб., 1908.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ

Исмагилова З.А.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье предоставлен материал, способствующий воспитанию толерантности у студентов педагогических вузов на примере проведения диспута по теме «Социальное «дно»: проблемы общественного отношения к государственной политике». Толерантное поведение граждан нашего общества должно способствовать мирному сосуществованию населения планеты.

***Ключевые слова:** толерантность; воспитание; социальное «дно»; маргинал.*

THE USE OF EXTRACURRICULAR WORK IN THE PROCESS OF FORMATION OF TOLERANCE AMONG STUDENTS

Ismagilova S.A.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article provides material, contributing to the education of tolerance among students of pedagogical Universities on the example of the debate on the theme of «the Social «bottom»: problems of public relations to state policy». Tolerant behavior of the citizens of our society must contribute to the peaceful coexistence of the population of the planet.

***Keywords:** tolerance, education, «the Social «bottom», marginal.*

Задача формирования толерантности стоит особо остро в современном мире, так как в результате роста интернационального терроризма сильно выросла напряженность в людских взаимоотношениях. Нельзя обойтись без подробного анализа причин несовместимости человеческих сообществ. И на этой основе можно будет найти эффективные средства предупреждения конфронтационных процессов, в том числе и с использованием сферы образования, одним из наивысших ценностных приоритетов которой должно стать воспитание толерантности.

В образовательном процессе каждый обучающийся становится социально ориентированной личностью и приобретает профессиональные навыки, навыки социального общения, усваивает нормы и правила, которые приняты в данном профессиональном сообществе, то есть овладевает основами культуры толерантного поведения. Во время обучения в вузе используются различные средства и способы воспитания толерантности личности:

– введение в содержание обучения взаимоисключающих связей и свойств в изучаемых предметах, процессах и явлениях – это наглядный пример диалектического закона единства и борьбы противоположностей;

– представление изучаемых явлений, единых и целостных, в контексте разнообразия методов, способов и средств, каждый из которых отдельно не дает полного и законченного зрелища – плодотворно лишь совмещение;

– применение историко-научных и биографических фактов и знаний, которые иллюстрируют проявление отмеченных качеств в конкретных фрагментах научного познания.

Важный фактор воспитания толерантности – общение педагога со студеном, когда преподаватель является как пример проявления этого качества в самых разнообразных ситуациях: во время общения на занятиях и во время внеаудиторной работы в неофициальной обстановке; в период руководства дипломными, курсовыми, реферат-

ными работами студентов; в ходе педагогической практики, а также диспутов, творческих вечеров и научно-практических конференций.

В качестве примера внеаудиторной работы по воспитанию толерантности у студентов мы приведем проведение диспута на тему «Социальное «дно»: проблемы общественного отношения к государственной политике» на немецком языке (das Thema: “Der soziale “Grund”: Die Problemen der gesellschaftlichen Beziehung und der Staatspolitik”).

Оборудование. На доске – название темы диспута.

Основные понятия. Социум – Sozium, социальная структура – Sozialstruktur, социальный статус – Sozialstatus, маргинал – Marginal, люмпен – Lumpen.

Ход мероприятия. Предварительный этап. С целью подготовки диспута педагог просил студентов разделить на микрогруппы и подготовить задание: описать (на конкретном примере) образ жизни, формы поведения, характерные ценностные предпочтения представителей так называемого социального «дна». Информацию студенты могли получить из произведений литературы, кинофильмов, а также из действительности.

Мероприятие начинается с определения того понятийного поля, в котором предстояло работать группе. Было значимо, чтобы студенты вспомнили, что означают такие понятия, как: социум, социальная структура, социальный статус, маргинал, люмпен (на немецком языке). В случае, если студенты незнакомы с каким-то из них, преподаватель объяснял его смысл и иллюстрировал конкретными примерами. Педагог также давал предварительное задание к мероприятию: самостоятельно найти и выписать определения данных понятий из словаря.

Изучение сути, стоящей перед студентами задачи: «случайные столкновения» с некоторыми лицами из числа маргинальных слоев граждан общества. Студенты, представляющие свои маленькие группы кратко знакомили на немецком языке всю группу со сведениями, которые были собраны ими и достаточно подробно описы-

вали людей, очутившихся на «дне» общества. Преподаватель больше внимания просил направить на обращение сограждан с этими людьми (как выяснялось – в основном весьма негативное).

Особое значение на подобных занятиях приобретала дискуссия: *определение позиций*. На этом этапе занятия педагог предлагал студентам выяснить, каково, на их взгляд, должно быть отношение государства к данному социальному слою, а также выразить свое собственное отношение к нему. Дискуссия начиналась такими вопросами:

- Кто же они – эти граждане – «отбросы» социума, сами определившие этот стиль жизни, или люди, которым необходима помощь и особенное отношение? – *Wer sind diese Leute – “Gesellschaftsabfälle”, die bewußt eine solche Lebensweise gewählt haben oder die Personen, die einer Hilfe und einer besonderen Sorge bedürfen?*;

- обязано ли государство предоставлять деньги на помощь таким людям? – *Ist der Staat verpflichtet solchen Leuten eine Geldhilfe leisten?*

Здесь было важно, что педагог ставил вопрос в довольно жесткой формулировке «или - или», избегая полутонов в предлагаемых оценках, – их студенты должны сделать сами. Во время предварительного обсуждения этой проблемы высказывания студентов, как правило, тяготели к крайним точкам зрения. Доводы, которые в подкрепление собственных позиций приводили студенты приведены в табл. 1.

Результатом предыдущей работы стало понимание студентами самой проблемы позиции социума и государства к людям из «дна» общества. Студенты видели, что даже в одной только их группе отношение к таким людям, к их трудностям, к возможности и надобности им помогать разное. Подытоживая дискуссию, преподаватель предлагал целую серию риторических вопросов, не требующих сиюминутных ответов. Студенты видели, как много здесь проблем, как сложна и неоднозначна рассматриваемая тема:

- Как определить – кто сознательно выбрал себе такую жизнь, а кто опустил на «дно» в силу сложных жизненных обстоятельств

Таблица 1

Оценочные суждения студентов на тему «Социальное «дно»

Негативные	Позитивные
<p>Бродяжничество, нищенство, аморальное поведение представителей социального «дна» - следствие лени, необразованности, порочности самих этих людей. – Vagabundierung, Armut, unmoralische Verhaltung der Vertretern des sozialen “Grunds” – das ist die Folge der Faulheit, der Unbildung, der Lasterhaftigkeit selbst diesen Menschen.</p> <p>Человек - хозяин своей судьбы и сам выбирает свой образ жизни. – Der Mensch ist der Wirt seines Schicksals und wählt selbst seine Lebensweise.</p> <p>В своих проблемах ему некого винить, кроме самого себя. – Er selbst ist schuldig an seinen Problemen.</p> <p>В сегодняшнем обществе у всех в принципе равные возможности. – In heutiger Gesellschaft haben alle Leute gleiche Möglichkeiten.</p> <p>У государства нет денег на «подачки» таким людям, которые даже и не пытаются о себе сами позаботиться. - Der Staat hat kein Geld solchen Menschen zu helfen.</p> <p>Государство должно помогать действительно нуждающимся: пенсионерам, многодетным семьям, образованию, медицине и т.д. – Der Staat soll den Rentnern, kinderreichen Familien, der Bildung, der Medizin helfen u.s.w.</p>	<p>Бомжи, бродяги, нищие, безработные - в первую очередь люди, и им тоже надо помогать. – Vagabunde, Bettler, Arbeitslose sind in ersten Linie die Menschen und sie brauchen auch Hilfe.</p> <p>Причины их несчастий - не обязательно в них самих, а в тяжёлых обстоятельствах, в которые они могли попасть (война, пожар, потеря документов, увольнение с работы по сокращению, обман, денежные махинации, старость и одиночество). – Ihre Unglücksursachen sind nicht nur sie selbst, auch sondern schwere Umstände, in denen sie waren (Krieg, Brand, Papierverlust, Arbeitsentlassung, Betrug, Geldmachination, Alter und Einsamkeit).</p> <p>Никто не застрахован от того, чтобы самому стать таким. – Niemand ist davon versichert.</p> <p>Государство должно помогать им, так как эти люди могли в прошлом (когда были молоды и здоровы) приносить пользу государству. – Der Staat soll solchen Menschen helfen, denn diese Menschen konnten in den Vergangenheit (wenn sie jung und gesund waren) dem Staat Nutzen bringen.</p>

и возможно ли вообще это определить? – *Wie soll man das feststellen, wer hat sich bewußt solches Leben gewählt, und wer ist auf “diesen Grund” infolge komplizierter Lebensbedingungen herabgesunken und kann man das überhaupt feststellen?*

- Если государство служит человеку, то должно ли оно разделять людей на «первосортных» и «второсортных»? – *Wenn der Staat einem Menschen dient, soll er diese Menschen auf “erster Qualität” und “zweiter Qualität” einteilen?*

- Человек – всегда человек или только тогда, когда соответствует общественным стандартам, т.е. своим поведением и образом жизни похож на других? – *Ist der Mensch immer ein Mensch oder nur dann, wenn er gesellschaftlichen Normen entspricht?*

- А если посмотреть на все это глазами тех людей, о которых мы сегодня говорим? – *Und wenn man darauf mit Augen den Menschen aufsieht, über denen wir heute sprechen?*

При этом педагог предлагал студентам обсудить этот вопрос в своих группах, представив себя на месте тех самых людей из маргинальных слоев общества и сделать попытку определить взгляды этих людей на себя, на социум и на государство. Студенты обычно отмечали недоверчивое отношение таких людей к правительству и к власти. Общество вокруг себя они считают равнодушным, черствым, не понимающим их трудностей, не проявляющим к ним никакого сопереживания, отталкивающим и презирующим. Самооценку этих людей студенты описывали в таких понятиях, как безысходность – *Hoffnungslosigkeit* (f), покинутость – *Verlassenheit* (f), обреченность – *Verdammtheit* (n), неуверенность – *Unsicherheit* (f), пессимизм – *Pessimismus* (m).

Преподаватель отмечал, что есть нравственный аспект проблемы позиции к маргинальным слоям социума и также есть еще и политический аспект. Он заключается в том, что имеющийся в общественной структуре большое количество этих граждан несет определен-

ную угрозу для демократии. Такие люди, как правило, верящие в порядок, имущественное равенство, справедливость, также верящие всевозможным популистским предвыборным программам, затем, не дождавшись демократических принципов, не принесших им реальной материальной выгоды, поддерживают экстремистские силы и становятся социальной базой диктаторов. Все это преподаватель доводил до обучаемых на немецком языке.

Как должна проявляться политика государства, предлагалось определить самим студентам на следующем этапе диспута. Преподаватель ставил задачу: продискутировать известную западную формулу социальной поддержки – «лучше дать нуждающемуся не рыбу, а удочку». Это позволило разнообразить и обогатить тот спектр позиций, который студенты выработали с начала изучения курса. После этого педагог просил студентов вернуться к вопросу о государственной политике по отношению к маргинальным кругам и предложить уже определенные технологии социальной поддержки. Студентам было предложено составить примерную программу политики государства по отношению к так называемому социальному «дну» на немецком языке.

Подведение итогов: В конце мероприятия педагог просил студентов оценить развитие личного взгляда по заданной проблеме: «Утвердились ли вы в своем первоначальном мнении, добавили ли к нему что-то новое или изменили его полностью?» – “Fühlen Sie sich in Ihrer Anfangsmeinung bestärkt, haben Sie dazu etwas Neues hinzugefügt oder haben Sie diese Meinung ganz verändert?”

Список литературы

1. Асмолов А.Г. Мы обречены на толерантность / А.Г. Асмолов // Семья и школа. 2001. № 11–12. С. 32–35.
2. Байбаков А.М. Введение в педагогику толерантности / А.М. Байбаков. Волгоград: ВГИПКРО, 2004. 54 с.

3. Валитова Р.Р. Толерантность как этическая проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Р.Р. Валитова. М., 1997. 20 с.
4. Гершунский Б.С. Толерантность в системе ценностно-целевых приоритетов образования / Б.С. Гершунский // Педагогика. 2002. № 7. С. 3–13.
5. Комогоров П.Ф. Формирование толерантности в межличностных отношениях студентов вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук / П.Ф. Комогоров Курган, 2000. 23 с.

**РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ РАННЕГО БИЛИНГВАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО
ПОЛИКУЛЬТУРНОГО И ПОЛИЛИНГВАЛЬНОГО
СОЦИУМА**

Кагуй Н.В.

Набережночелнинский институт социально-педагогических
технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

Статья посвящена исследованию проблемы регионализации раннего билингвального образования в современном глобальном поликультурном и полилингвальном обществе. Педагогическая регионализация раннего билингвального образования обосновывается в качестве необходимого ресурса обновления содержания российской образовательной системы. Авторский подход к проектированию регионального компонента содержания обучения иностранным языкам дошкольников и младших школьников детерминирован в контексте технологической направленности глобального образования.

Ключевые слова: *регионализация; педагогическая регионализация; билингвальное образование; поликультурный и полилингвальный социум.*

**REGIONALIZATION OF EARLY BILINGUAL
EDUCATION IN MODERN GLOBAL MULTICULTURAL
AND POLYLINGUAL SOCIETY**

Kaguy N.V.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies
and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article investigates the problem of regionalization in early bilingual education of modern global multicultural and polylingual society.

Pedagogical regionalization is considered as a necessary instrument of renewing of early bilingual education content in the Russian educational system. The author's approach to designing of regional component of early foreign languages acquiring by preschool and primary school children is connected with global education technologies.

Keywords: *regionalization; pedagogical regionalization; bilingual education; policultural and polilingvalny society.*

Стабильная поступательная динамика развития современного поликультурного и полилингвального глобального сообщества во многом зависит от преодоления раскоординирования между двумя историческими тенденциями: трансформации мира по схеме «One world» под влиянием процессов мировой глобализации и резкого подъема национального самосознания этносов, их стремления к этнической и этнокультурной самоидентификации, усиливающих активность региональной интеграции.

Своему появлению концепт «глобализация», толковавшемуся как феномен слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными транснациональными корпорациями (ТНК), обязан американцу Т. Левитту, опубликовавшему статью в «Гарвард бизнес ревью» в 1983 году. Пережив капитальную трансформацию, термин нашел применение в описании значительно более широких и разносторонних, неоднозначных и спорных вопросов, происходящих в мировом хозяйстве. Последовательность действий по созданию механизмов более легкого происхождения товарных, финансовых и информационных потоков «переросла» в значимый «социальный процесс взаимодействия и объединения людей во взаимозависимое целое планетарное общество» с интернационализацией «экономического, политического и культурного взаимодействия разных стран» к концу XX века [8].

В новом тысячелетии обсуждение проблем глобализации с позиций педагогики и смежных с нею наук объединены с ожиданиями в прео-

долении кризисных явлений, с которыми сталкивается человечество. Речь идет о проектировании новой формы образования, претворение которой в жизнь позволило бы обеспечить гарантии воспитания у подрастающего поколения целостного видения современного проблемного мира. Необходимы теоретические исследования и практическая разработка условий и очередных шагов в социальном развитии, которые будут ассоциироваться с умением жителей глобального общества преодолевать влияние на взаимоотношения культур и цивилизаций, запускающих процессы «*новой регионализации*». Концепт «*регионализация*» трактуется как процесс формирования и развития межгосударственных экономических и других объединений на основе близости социокультурных факторов. Он выступает в современном мире одновременно и как этап, и как ответ на вызовы глобализации [4].

Представление целостной концепции становления и развития принципа регионализации образования невозможно без вклада выдающихся мыслителей прошлого. И.Г. Песталоцци отмечал необходимость сохранения глубоких духовных связей подрастающего поколения с родным краем, чтобы дети «не только не были отчуждены образованием от той среды, в которой они родились, но чтобы образование еще больше сблизило их с родной страной».

К.Д. Ушинский сетовал, что в учебном плане есть отечественные предметы, но видится сильная зависимость от Запада, нет проникновения в родное, нет подлинного знания и понимания его [9]. Н.А. Бердяев выделял востребованность национально-региональной специфики в организации образования в регионах, в географическом положении которых «столкнулись и смешались два потока мировой истории – восточной и западной» [3, с. 15.].

Стратегия придания образовательной системе национально-ориентированного характера отражена в отечественных директивных документах. Согласно Национальной доктрине образования в Российской Федерации (на период до 2025 года) система образования

будет ориентироваться также и на *регионализацию образования*, предполагающую создание и развитие образовательных программ, учитывающих социально-экономические, демографические и культурные особенности региона.

Мировая наука предлагает многочисленные теоретические подходы к региональному развитию, среди которых – геополитический, культурный, политический и др. [4]. *Педагогическая регионализация* как дидактическое положение, реализуемое в многовариантном по целям, содержанию и результатам процессе регионализации, обеспечивает (и не обеспечивает) планируемую (и не планируемую) регионализацию образования в регионах, придавая своеобразие его компонентам, оказывая влияние на образовательное пространство, физическое и психическое здоровье, социализацию участников образовательного процесса [1]. Она реализуется в двух направлениях: 1) реформирование и построение региональных систем образования и технологий управления этими системами; 2) включение региональной составляющей в учебно-воспитательную работу образовательных учреждений [5].

Раскрытие роли родной культуры и осознание ее места в мире в настоящее время чрезвычайно актуально в контексте раннего билингвального образования дошкольника/младшего школьника, оказавшегося в двуязычной среде или изучающего неродные языки в силу воздействий глобальных процессов. *Раннее билингвальное образование* глобального *полилингвального и поликультурного* социума – это учебно-воспитательный процесс познания обучаемыми иностранного языка как системы при усвоении лингвокультурем при одновременном развитии языковой системы родного языка; ознакомление с социокультурным портретом страны изучаемого языка с синхронным повышением степени владения своей национальной культурой и мировой; формирование элементарных черт вторичной языковой личности, способной и готовой к межкультурной коммуникации. Реальное общение представителей различных языков и культур реализуется с

наибольшей полнотой, когда в процессе подготовки к ней значительное место отводится родной национальной культуре. Доминирование иноязычной культуры может сослужить плохую службу изучающим иностранный язык – они окажутся неинтересными собеседниками для потенциальных партнеров по общению [2, с. 32]. На практике обучаемые действительно испытывают трудности при транслировании своему собеседнику информации о региональной культуре.

Основной движущей силой педагогической регионализации раннего билингвального образования глобального поликультурного и полиингвального социума является объективное противоречие между обновляющимися потребностями детей дошкольного и младшего школьного возраста и их возможностями, уровнем их знаний, умений и навыков, умственного развития и отношений. Основные аргументы педагогической регионализации раннего билингвального образования объясняются: педагогическими факторами развития глобального социума: антропологические предпосылки (необходимость в раннем знакомстве и взаимодействии с другими языками и культурами для предотвращения возникновения стереотипов у детей и строительства основ для межкультурного взаимопонимания, способность дошкольника и младшего школьника усвоить иностранный язык из-за его открытости и расположенности ко всякому новому опыту и др.; психофизиологические предпосылки (особенности памяти, импринтинг, сензитивность, способность к имитации и др.) [10]. Непедагогические факторы включают: политические предпосылки (интенсификация миграционных и процессов, становление единого экономического, информационного, культурного, образовательного пространства и др.); социальные предпосылки (превращение монокультурных обществ в поликультурные и др.) и др.

Целесообразно, что центральная психодидактическая идея педагогической регионализации раннего билингвального образования в условиях глобализации должна развиваться на основе принципов гло-

бального образования: холистскость; достоверность; когерентность, интегративность, использование приоритетных образовательных технологий развивающего и проблемно-модульного обучения, сотрудничества и др. [6]. В контексте обсуждаемой проблемы заслуживает особого внимания вопрос о моделировании содержания регионально-го компонента учебно-воспитательного процесса раннего билингвального образования. Обращение к межкультурным основаниям в процессе ознакомления с эпистемами – проблемно-познавательными темами, возникающими в процессе знакомства ребенка с окружающим миром и сопровождающими человека на протяжении всей его жизни, помогая понять себя и мир [7], способствует взаимопониманию и личностному развитию.

Несмотря на широкий спектр исследований, связанных с регионализацией образования, недостаточное внимание уделяется существенным характеристикам регионализации раннего билингвального образования, как принципиально новым социально-философским, методическим и теоретическим основаниям современного глобального и регионального развития. Необходимо более глубокое изучение его специфики, прогресса, аспектов, подходов, форм и инновационных методик, соответствующих глобальным переменам. Новые детерминанты совершенствования отечественной системы образования будут содействовать взаимопониманию между людьми и народами, независимо от их расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, и ослаблять социально-экономическую диссоциацию мира.

Работа выполнена в рамках гранта Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский фонд фундаментальных исследований», проект «Раннее билингвальное образование в современном полилингвальном мире глобализации», регистрационный № 01201365239 в ФГАНУ ЦИТиС.

Список литературы

1. Бажина И.А. Становление и развитие принципа регионализации образования в педагогической теории и практике: Автореф. Дис. ... док. пед. наук. Казань, 2003. 437 с. URL: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/stanovlenie-i-razvitie-principa-regionalizacii-obrazovaniya-v-pedagogicheskoy.html> (дата обращения: 15.09.2013).
2. Барышников Н.В. Параметры межкультурной коммуникации в средней школе // Иностранные языки в школе. 2002. № 2. С. 29–32.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1990.
4. Дергачев В.А. Глобальная геэкономика (трансформация мирового экономического пространства). Одесса: ИПРЭЭИ НАНУ, 2003. 238 с. URL: <http://www.dergachev.ru/book-8/index.html> (дата обращения: 15.09.2013).
5. Кузнецова А.П. Реализация национально-регионального компонента содержания обучения иностранным языкам в интегрированном курсе на проектной основе: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2002. 285 с. URL: <http://ecat.lib.mpgu.edu/Opac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:65369/Source:default> (дата обращения: 15.09.2013).
6. Кукушин В. С. Общие основы педагогики. Глава 7. Глобализация образования. URL: http://www.eusi.ru/lib/kukushin_obsie/7.php (дата обращения: 15.09.2013).
7. Лысенко В. Философию и практику глобального образования – российской школе. Эпистемич. подход в орг. учеб. процесса, общ. принципы классификации и подбора пробл.-познават. тем для изуч. в гуманист. шк. // История глобального образования в российском просвещении XIX–XX вв. // Народное образование. 1994. №№ 9–10. С. 10–16.
8. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 46–54.
9. Пискунов А.И. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики: Учеб. пос. М.: Просвещение, 1981. 528 с.
10. Bloom L. Language development from five to three. Cambridge: University Press, 1991. 112 p.

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ СИБИРСКИХ ТАТАР

Хафизова Г.М.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье уделено внимание некоторым особенностям семейного воспитания детей сибирских татар. Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей у сибирских татар имели много общего с другими тюркоязычными мусульманскими народами и носили традиционный характер, на который не оказала влияния проводившаяся в стране модернизация жизненного уклада.

Ключевые слова: *сибирские татары; пословицы; обряды; обычаи.*

THE FAMILY CEREMONIES AND UPBRINGING CHILDREN OF SIBERIAN TATARS

Zaripova R.S., Kiamova A.G.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

In article an attention is paid to some features of family upbringing children of the Siberian Tatars. Customs and the ceremonies which connected with the birth and upbringing children at the Siberian Tatars had much in common with other Turkic Muslim people and had traditional character on which upgrade of vital way carried out in the country has no impact.

Keywords: *Siberian tatars; proverbs; ceremonies; customs.*

Сибирские татары – это тюркское население Сибири, издавна обитающее в основном сельских районах и городах Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской областей. Разрозненные группы тюркоязычных насельников, живших к западу от Оби, в лесостепной и степной полосе, в исторической литературе носят название барабинцев, терененцев, иртышских, ишимских и тобольских татар. Всех их называют общим именем – западносибирские или сибирские татары [4]. В XIX–XX вв. у сибирских татар господствующей формой была малая семья, но встречались и большие неразделенные семьи, что объясняется специфическими условиями их жизни в Сибири. Преобладающее большинство татарского населения жило в сельских местностях, отдаленных от экономических центров края. Существование консервативных традиций в семейных отношениях, освященных установлениями ислама, способствовало сохранению пережиточных форм больших неразделенных семей. Главенствующее положение в них принадлежало отцу, мужу. Глава семьи распределял обязанности между членами семьи в хозяйстве, распоряжался доходами [3].

Традиционно сибирские татары конца XIX – начала XX вв., как и народы Средней Азии, всегда стремились иметь как можно больше детей, преимущественно мальчиков, как продолжателей рода, надежную опору в старости, как рабочую силу для ведения хозяйства. Многодетные семьи встречали одобрение в обществе, что нашло отражение в фольклоре. Татарская пословица, записанная в Тобольской области, гласит: «Палалы ой – гулистан, паласыс ой – гуристан» (Дом с детьми – цветущий сад, дом без детей – кладбище) [1].

Рождение ребенка было важным событием, при этом особую радость доставляло рождение сына, а хорошим предзнаменованием считалось рождение близнецов. Рождение ребенка традиционно сопровождалось многочисленными обычаями и обрядами, направленными на поддержание его здоровья, защиту от влияния «темных

сил», приобщение к обществу. Самый первый обряд – это *авызландыру*, т.е. смазывание ротика новорожденного медом или маслом, иногда давали пососать через тряпочку *эльбе* (особое пюре из муки, меда, масла). У барабинских татар *кентек инэ* смазывала ротик ребенка сливочным маслом чаще, завернув масло в марлю. Некоторые тобольские татары говорили, что давали ребенку сосать завернутый в тряпочку разжеванный с маслом хлеб. Следующий обряд – это традиционно топили *бэби мунчасы* (баню для новорожденного), где *кендек эбисе* помогала роженице выкупать ребенка. Роженицу на протяжении сорока дней навещали родственницы, соседи, просто знакомые, приносили гостинцы. Этот обычай назывался *бэби аши керту* (приношение пищи для ребенка). Это делалось для того, чтобы роженица в первое время после родов меньше занималась домашним хозяйством.

В течение первых сорока дней жизни ребенка купали каждый день, чередуя теплую мыльную воду со слегка подсоленной. Необходимая температура воды определялась локтем или тыльной стороной руки купающего. От сорока дней до одного года ребенка купали один раз в 2–3 дня. В течение первых 3–4 месяцев жизни ребенка пеленали. Считалось, что пеленание сохраняет тепло и предохраняет конечности ребенка от искривления. Для пеленания обычно использовалось старое, хорошо стираное белье. В некоторых районах пеленки заранее готовились будущей матерью из новой, мягкой ткани. Пеленка для рук ребенка представляла собой ленту из ткани шириной с ладонь и длиной около 60–70 см (кул бау, – повязка для рук), а для ног ширина ленты была несколько уже, но таком же длины (аяк пау, букв. – повязка для ног). Прежде чем пеленать, под попу ребенка клали подгузник (яйзлек), затем ребенка заворачивали в более широкую, чем подгузник, тряпку (юргэк). Между яйэлек и юргек клали небольшой кусочек мягкой кожи. Места опрелости посыпали древесной гнилью – порошком, просеянным через сито. После того,

как ребенку исполнялось 40 дней, его клали в колыбель (цэнкель-цэк – по терминологии тарских татар), а до этого времени он лежал на подушке рядом с матерью на нарах. Наиболее распространенная колыбель у сибирских татар – это легкая деревянная рама длиной примерно 90–100 см, шириной 50–60 см, на которую натягивался холст. По четырем углам рамы закреплялись ремни шириной в 2–2,5 см, а длиной около двух метров.

Детям до шестимесячного возраста, независимо от пола, надевали распашонку (пэвэй койлэк). У такой одежды на рукавах и вороте швы не заделывались, чтобы не давили на тело ребенка. С 1–2-летнего возраста одежда мальчиков и девочек начинала различаться. Так, для девочек с этого возраста шили шаровары и длинные рубашки, а для мальчиков шаровары, но короткие рубашки. На ноги надевали шерстяные носки, на руки – рукавички из козьего пуха. На головы детям в этом возрасте надевали чепчики, связанные из козьего пуха или сшитые из мягких хлопчатобумажных тканей.

Ребенок питался грудным молоком до года, после чего мать постепенно уменьшала кормление грудью и, в конце концов, вовсе прекращала его. С этого времени ребенку начинали давать через соску (сымырак) кипяченое коровье молоко, разбавленное подслащенной кипяченой водой, и подкармливали такими молочными продуктами, как масло, сметана, катык. Соску сибирские татары делали из коровьего вымени и коровьего рога. Коровье вымя в течение определенного времени держали в растворе соли и затем натягивали сосок вымени на узкий конец подрезанного с обоих концов коровьего рога и завязывали суровой ниткой. Такие соски среди тарских татар сохранялись вплоть до конца 1920-х гг. В возрасте 1,5–2 лет ребенка кормили пшенной кашей, сваренной на молоке. В 4–5 лет ребенок ел уже все, что готовилось дома для взрослых.

Празднеств, в связи с рождением ребенка и с теми или иными явлениями в его жизни, сибирские татары устраивали мало. Роди-

тели ребенка угощали своих родных и близких по поводу первого сбривания волос (карын цац – утробный волос) новорожденного. Зажиточные сибирские татары иногда устраивали для своих односельчан угощения и увеселения при рождении сына, если до этого у них рождались только дочери.

Традиционно у тоболо-иртышских, тарских, барабинских татар через несколько дней после родов приглашали гостей, в том числе и муллу, на *бэби-аши* (застолье новорожденного), которое проводилось для мужчин и женщин раздельно. Центральным событием был обряд *исем кушу*, т.е. имянаречение. Ребенка выносили на подушке к мулле, который ложил ребенка ногами в сторону Каабы и спрашивал родителей о предполагаемом имени. Затем читал молитву, трижды произносил имя ребенка. Обряд наречения именем ребенка проводился в течение недели или на седьмой день. Вообще считалось, что ребенку нужно дать имя в течение первых трех дней, т.к. получивший имя ребенок меньше беспокоится, его хранят ангелы, а если ребенок будет долго без имени, то злые духи могут забрать ребенка, считали, что без имени он растет слабым, больным, склонен к сглазу. Обычно мулла спрашивал старших, какое имя хотят дать ребенку, если они жили вместе с молодыми. Если молодые и старшие затруднялись в выборе имени, то мулла предлагал сам наиболее подходящее для ребенка имя. Сибирские татары не давали ребенку имена умерших. Они считали, что эти имена будут вызывать боль в сердцах живущих.

За наречение ребенка мулле платили определенную сумму денег. Устраивалось угощение, на котором, кроме муллы, присутствовали дед, отец и родственники новорожденного. Никаких увеселений при этом не было. Торжественно отмечался татарами лишь мусульманский обряд обрезания. По этому случаю в доме мальчика, подвергшегося обрезанию, устраивались угощения, увеселения (соннэт туй). Обрезанию подвергали мальчика чаще в возрасте от 5 до 7 лет.

Его делали бродячие «специалисты» этого дела (аптал, от арабского абдал – благочестивый, святой), получая за свой «труд» телку, овцу или деньги. После обрезания мальчику никакой медицинской помощи не оказывалось. Единственным кровоостанавливающим средством считался порошок из древесной гнили, которым посыпали рану ребенка. При образовании корки на месте обрезания ранку смазывали каким-нибудь жиром. Обрезание в антисанитарных условиях и отсутствие медицинской помощи после обряда часто приводили к серьезным заболеваниям, иногда заканчивающимся смертельным исходом. Совершенное отсутствие медицинской помощи матери и ребенку приводило к массовой смертности детей грудного возраста. Чтобы сохранить детей, татары обращались к муллам. Но татары, у которых не выживали дети, часто прибегали к помощи знахарей или к различным оберегам [2]. После обрезания родственники делали мальчику подарки по своим материальным возможностям. У постели мальчика ставили поднос, на который пришедшие на соннэт туй гости клали мелкие деньги, сладости.

В XIX и начале XX вв. дети нарекались в основном мусульманскими именами, например, Ахмед, Саддык, Шариф, Фатыма, Хадича и др. Это объясняется тем, что в изучаемый период среди тоболо-иртышских, тарских, барабинских татар ислам получил широкое распространение [1]. В ревизских сказках родители называли своих детей заклинающими смерть именами, например, Туктабика (приостановившаяся, т.е. уцелевшая Бика), Туктамэт (приостановившийся Мухаммед). Этот обычай был широко распространен среди тоболо-иртышских, тарских татар. Тоболо-иртышские татары в прошлом давали и плохие имена. Это делалось для того, чтобы уберечь детей от злых духов, от сглаза. Например, Яман (плохой), Бок (помет) и др.

Тарские татары в начале XX в. при наречении имени пользовались мусульманским именем. В основном это были сложноставные имена арабского или персидского происхождения, по свое-

му значению так или иначе близкие к религии. Мальчикам чаще давали имена с компонентом *-абд*, т.е. вера, *-дин*, т.е. религия, *-улла*, т.е. бог. Например, Абдулла, Аптулла, Исламетдин, Калимулла и очень много производных имен от имени пророка Мухаммеда.

Таким образом, обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей у сибирских татар имели много общего с другими тюркоязычными мусульманскими народами и носили традиционный характер, на который не оказала влияния проводившаяся в стране модернизация жизненного уклада.

Список литературы

1. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 208 с.
2. Валеев Ф.Т. Обереги как пережиток доисламских верований у сибирских татар. Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19.
3. Сибирские татары. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 240 с.
4. Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: БРЭ, 1994.
5. Мухаметшин А.Г. Педагогическая мысль болгар-татар в Казанском крае: VIII – начало XX в. М.: НИИ школьных технологий, 2009. 232 с.
6. Хафизова Г.М. Педагогический потенциал традиционных праздников сибирских татар и социализация ребенка // В мире научных открытий. 2013. № 1. С. 217–229.
7. Хафизова Г.М. Фольклор как художественная педагогика сибирских татар // В мире научных открытий. 2013. № 7.2. С. 108–118.

**СИСТЕМНЫЙ АВТОРИТАРИЗМ
В УПРАВЛЕНИИ ШКОЛОЙ:
ДОКЛАД «О СОКРАЩЕНИИ ГИМНАЗИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ» 1887 ГОДА**

Шакиров Р.Р.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье рассмотрены основные составляющие доклада о сокращении гимназического образования 1887 г., ярко характеризующего курс на системный авторитаризм в сфере управления средней школой в период министерства И.Д. Делянова. Показано, что политика в области гимназического образования была связана с общей политической ситуацией в стране и реализовывалась в русле консервативно-охранительных тенденций правительства.

Ключевые слова: образовательный менеджмент; образовательная политика; реформы; социальная политика; Российская империя; гимназии; И.Д. Делянов.

**THE SYSTEM AUTHORITARIANISM IN SCHOOL
MANAGEMENT: REPORT «ABOUT THE DECREASE
OF GYMNASIUM EDUCATION», 1887**

Shakirov R.R.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article describes the main report's components on the decrease of gymnasium education of 1887, brightly characterized a course on system

authoritarianism in the sphere of management of a secondary school in the period of the Ministry of I.D. Delyanova. It was shown that the policy in the field of secondary education was connected with the General political situation in the country and implemented in the mainstream conservative defensive tendencies of the government.

Keywords: *educational management; educational policy; reforms; social policy; the Russian Empire; gymnasium; I.D. Delyanov.*

Система образования, являющаяся достаточно консервативной социальной сферой общества, в которой сильны устоявшиеся и проверенные предшествующим временем традиции, постоянно подвергается реформированию. Зачастую инициаторами преобразований являются государственные управленцы в этой сфере, которые в большинстве случаев далеки от школы и ее проблем. Современная система образования не является исключением. Известно, что многие советские школы по примеру дореволюционных были преобразованы в гимназии, причем сделано это было исключительно ведомственными методами, без учета мнения научно-педагогических работников. В свете вышесказанного особое значение приобретает осмысление опыта модернизации системы среднего образования последней трети XIX столетия, т.е. в период разработки и реализации новой образовательной политики, направленной на обновление средней школы. Изучение государственной политики в области образования интересно в ракурсе реконструкции системного авторитаризма в управлении средней школы. Процессы трансформации государственной власти и формирования гражданского общества были созвучны современным, и вызвали изменения в образовательной политике, в том числе и в системе управления школой. Намечился переход от либерального курса к консерватизму.

Образовательная политика, в условиях которой функционировали средние учебные заведения, была противоречивой. Обусловлено

это было контрреформами, направленными, прежде всего на восстановление власти государства над формирующимся гражданским обществом. Установленная при министре народного просвещения в 1866–1880 гг. Д.А. Толстом система образования в целом отвечала духу периода консервативных преобразований. Однако, в новых, благоприятных обстоятельствах И.Д. Делянов, министр народного просвещения в 1882–1897 гг., попытался довести до логического конца заложенные в ней тенденции, а именно оградить по возможности средние школы от наплыва демократических элементов, укрепив, таким образом, определенные ступени образования за соответствующими сословиями.

Уже с начала 1880-х гг. Министерство народного просвещения (МНП) приняло меры дальнейшего сословного ограничения при поступлении в гимназии. 11 марта 1881 г. попечителям учебных округов было предоставлено право создавать четырехклассные реальные училища, чтобы ограничить наплыв демократических элементов [10, с. 286].

В 1885 г. при обсуждении вопроса об открытии новых и преобразовании существовавших средних учебных заведений МНП указало на опасность развития среднего образования среди демократических слоев населения: «При ограниченном числе вузов, молодые люди, получившие аттестат из средних училищ, далеко не всегда могут продолжать свое образование... Поэтому многие впадают в нужду и увеличивают число недовольных» [11, с. 41–42].

В 1887 г. правительство встало на путь открытого запрещения приема в гимназию детей демократических слоев населения. В частности, в апреле того же года МНП предписало, чтобы во всех учебных заведениях – в списках, билетах, свидетельствах, аттестатах фамилии титулованных учащихся обозначались непременно с титулом князя, графа или барона. Не следовало «изглаживать из памяти ученика достоинство его предков, которые и ему должны служить назиданием и нравственным идеалом в жизни» [1, с. 190].

В то же время попечители учебных округов замечали, что в гимназиях, по уставу 1871 г., обучались дети всех сословий, без различия звания и вероисповедания [11, с. 802]. Особенно много учащихся из податных сословий проникало в подготовительные классы гимназий. Число их в гимназиях во многих губерниях доходило до 1/3 всего состава [11, с. 803]. Чтобы оградить гимназии, а затем и университеты от учеников из низших сословий, министерство издало распоряжение о закрытии с 1887/88 учебного года при всех гимназиях и прогимназиях подготовительных классов [11, с. 803]. Таким образом, масса учащихся была сразу выброшена из школы [8, с. 268]. Этими мерами власть не ограничилась, а пошла еще дальше по пути сокращения гимназического образования. 30 мая 1888 г. издано постановление Государственного Совета о прекращении отпуска средств на содержание подготовительных классов при гимназиях и прогимназиях. Эта мера не распространялась только на те местности, где разговорный язык большинства населения не русский, и на те гимназии и прогимназии, где содержание их окажется возможным по имевшимся средствам [10, с. 240]. Необходимо отметить, что эта мера вызвала у многих большое недовольство [5]. В МНП стали поступать с мест многочисленные ходатайства об оставлении и открытии подготовительных классов.

Наконец, 18 июня 1887 г. МНП издало известный циркуляр «О кухаркиных детях» [11, с. 880–883]. Содержание циркуляра составили меры по регулированию социального состава учащихся гимназий и прогимназий. Они заключались в создании наиболее благоприятных условий для поступления в вузы выходцев из дворянско-чиновничьей среды, а также ограничения приема лиц иудейского исповедания и евреев. Сословная фильтрация будущих студентов начиналась еще в средних учебных заведениях. Потерпев неудачу с контрреформой, МНП создало уникальный документ, не совместимый с правовыми нормами. Неопределенность инструкции, оперировавшей вместо

точных формулировок примерами, прямо была рассчитана на личный произвол исполнительной власти на местах, от которой циркуляр требовал действий не в соответствии с буквой закона, а в согласии с духом ведомственного распоряжения. В качестве конкретных рекомендаций, И.Д. Делянов предлагал не допускать детей к приемным испытаниям до тех пор, пока не будут «наведены надлежащие справки об условиях их материального и семейного быта» и, если таковые не соответствуют указанным в циркуляре нормам, то «решительно отклонять прошения, указывая на учебные заведения с менее продолжительным и более соответствующим их среде курсам» [1, с. 193]. Следующей мерой стало повышение платы за обучение, что также не замедлило сказаться на сокращении гимназического образования.

Проявления системного авторитаризма в государственном управлении средней школой не заставили себя ждать. Правительство смогло добиться к середине 1890-х гг. уменьшения числа учащихся в классических гимназиях, а также понизить до минимума процент детей недворянского происхождения. В периодической печати того времени появились десятки заметок об исключении, об отказах в приеме в гимназии детей отставных солдат, мещан, крестьян и др. Наибольшее снижение числа учащихся падало на Варшавский и Виленский учебные округа. В Казанском учебном округе сокращение было не столь значительным, хотя, следует заметить, что в 1886 г. было 3 497 учащихся, а в 1889 г. – 2 887 [10, с. 261]. Уменьшение числа учеников падало, в основном, на городские и сельские сословия.

Вслед за сословным началом, было введено в школу и вероисповедное различие. 10 июля 1887 г. была введена процентная норма для учеников-евреев в средних учебных заведениях. Для Москвы и Петербурга установлено 3 % к общему числу принимаемых; в провинциях, в частности, в Казанской губернии – 5 %; в черте оседлости – 10 % [6, л. 143]. Такая мера была вызвана необходимостью

создать преграды для беспорядков последних десятилетий XIX в., виновниками которых в значительной степени были лица нерусского происхождения. Поэтому в интересах спокойного течения учебно-образовательного процесса и были установлены процентные нормы. Причем, при приеме детей-евреев начальники учебных заведений должны были руководствоваться требованиями циркуляра «О кухаркиных детях» [9, с. 296]. Циркуляр о процентной норме проводился в стране последовательно и жестко. Так, в архивах Республики Татарстан сохранилось большое количество прошений от родителей евреев с просьбами о приеме их детей, оставленные без рассмотрения [7, л. 33, 69, 80]. В целом в Казанской губернии число учащихся еврейской национальности сократилось на 50 % [10, с. 258].

В целом, государственная политика в области гимназического образования, направленная на его сокращение, была взаимосвязана с общей политической ситуацией в стране весной – летом 1887 г. и складывалась из консервативно-охранительного подхода, проявившегося в деятельности И.Д. Делянова и возглавляемого им министерства. МНП боролось с демократизацией гимназического образования сословными методами (циркуляры «О кухаркиных детях» и «О процентной норме для евреев»), которые оказались весьма эффективными, а также крайне непопулярными мерами общего характера (закрытие подготовительных классов, повышение платы за обучение) [4]. Эта политика стала ярким проявлением системного авторитаризма в средней школе последних двух десятилетий XIX в. и вызвала в дальнейшем на рубеже XIXXX вв. создание в МНП многочисленных комиссий для разработки проектов реорганизации существующей системы среднего образования. Тактическое управление соответствовало задачам властей и проводилось эффективно, однако стратегически такой менеджмент потерпел системный крах.

Список литературы

1. Коваленский М.Н. Средняя школа // История России в XIX веке / Под ред. М.Н. Покровского. Т. 7. СПб., 1908. С. 170-202.
2. Корнилова И.В. Т.А. Магсумов. Средняя профессиональная школа Казани в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 163–164.
3. Корнилова И.В., Магсумов Т.А. Съезд учителей русского языка Нижегородской губернии 1869 г. // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 11. С. 115–116.
4. Магсумов Т.А., Корнилова И.В. Циркуляры попечителей учебных округов как исторический источник // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 11. С. 117–117.
5. Магсумов Т.А. Педагогические советы средних учебных заведений России на рубеже XIX–XX века // В мире научных открытий. 2010. № 1–3. С. 31–36.
6. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 24413.
7. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 17324.
8. О прекращении приема учащихся в приготовительные классы мужских гимназий и прогимназий // Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1887. № 6. С. 268.
9. Об ограничении в средних учебных заведениях числа учеников из евреев // Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1887. № 7. С. 296.
10. Обзор деятельности ведомства МНП за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. 524 с. + 109 с.
11. Сборник постановлений по МНП. Т. 10. СПб., 1894.

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ В ПРОЦЕССЕ АВТОНОМИЗАЦИИ БЮДЖЕТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Шакиров Р.Р.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье рассмотрена роль руководителя образовательного учреждения при смене его статуса на автономный, выявлены опасения руководства, а также предложены мероприятия, направленные на минимизацию рисков при переходе с бюджетного на автономный тип финансирования.

Ключевые слова: образовательный менеджмент; автономное образовательное учреждение; минимизация рисков; финансирование; маркетинговая комиссия.

RISK MANAGEMENT IN THE PROCESS OF AUTONOMISM OF THE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Shakirov R.R.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

In the article is considered the role of the head of educational institution during the change of its status on autonomous, fears of the management are revealed, and also the actions directed on minimization of risks upon transition from the budgetary financing on autonomous type are offered.

***Keywords:** educational management; autonomous educational institution; minimization of risks; financing; marketing commission.*

Практика перехода бюджетных образовательных учреждений в автономные в течение последних нескольких лет свидетельствует, что последние адекватны современным условиям экономической жизни и политики в области образования. Школы многих российских регионов, в числе которых и Республика Татарстан, перешли или планируют переход в статус автономных, однако нередко целесообразность смены статуса вызывает сомнения и, прежде всего, у администрации образовательных учреждений. И это не случайно, так как большей самостоятельности всегда сопутствует огромная ответственность и возможные риски, которые беспокоят представителей руководства образовательного учреждения, планирующих и в то же время опасаящихся перехода в новый автономный статус. В данной статье мы предлагаем рассмотреть возможные риски, с которыми чаще всего сталкиваются образовательные учреждения при переходе в автономный статус и предложить мероприятия, направленные на минимизацию этих рисков.

Все правовые, финансовые и образовательные аспекты смены статуса образовательного учреждения прописаны в Федеральном законе «Об автономных учреждениях» [3]. Прежде всего, в законе содержится обязательное требование, согласно которому переход в автономное учреждение возможен только с согласия или по инициативе самого учреждения.

Многие руководители бюджетных образовательных учреждений по причине несогласованности действий различных органов государственной и муниципальной власти, в соответствии с новыми принципами опасаются того, что это может привести к затруднению в течение некоторого времени финансирования по причине отсутствия налаженной структуры, нормативно-правовой базы и соответ-

ствующей документации. И это несмотря на то, что в законе «Об автономных учреждениях» и в бюджетном кодексе прописано – объем финансового обеспечения не зависит от типа образовательного учреждения. Следовательно, изменение размеров финансирования заданий автономным учреждениям по сравнению с бюджетными не предусматривается. Следует учитывать, что законом установлен так называемый «переходный период» (три года), в течение которого финансирование автономного учреждения не может быть изменено или уменьшено. В том случае, если объем финансирования оказался меньше, то образовательному учреждению полагается отдельная, так называемая «выравнивающая» субсидия.

Следующее опасение руководства образовательных учреждений связано с опасностью уменьшения заданий, а также возможным уменьшением финансирования заданий по истечении переходного периода. Следует заметить, что государство отнюдь не стремится снять с себя обязанности по финансированию образования при смене статуса образовательного учреждения. Напротив, для автономных учреждений появляются новые варианты финансирования, в том числе финансирование программ их развития [2].

В целом, бюджетные и автономные образовательные учреждения в свете преобразований отныне поставлены в одинаковые условия финансирования и, следовательно, будут финансироваться по-новому, и будут нести те же риски. Так, оба типа учреждений рискуют не получить в прежнем объеме государственного или муниципального задания, если оказываемые им образовательные услуги и их качество не устраивают учредителя или есть другие учреждения, предоставляющие более качественные услуги.

В тоже время закон не предусматривает банкротство образовательного учреждения. В этом смысле несвоевременны аналогии со скрытой приватизацией государственных предприятий в 90-е гг. XX в., когда умышленно образовывался фиктивный долг предпри-

ятия, затем проводилась процедура банкротства и последующее приобретение собственности заинтересованными лицами. Конечно, ликвидация учреждения возможна. Однако это не зависит от типа учреждения, поэтому смена статуса с бюджетного на автономный ни в коей мере не увеличивает и не уменьшает такой риск.

Переход образовательного учреждения на автономию предполагает новые, более высокие запросы к уровню и качеству управленческой деятельности в образовательном учреждении. Неготовность персонала и, в первую очередь, руководства образовательного учреждения к работе в новых условиях является основным риском при смене типа учреждения на автономный. Здесь речь идет, прежде всего, о навыках работы руководства в новых условиях при большей степени свободы. При расширении возможностей неизбежно появляются и новые риски, обнаруживающие многие недостатки административной работы. Среди них: неэффективное использование ресурсов организации; неумение применять инструменты минимизации рисков; неготовность по-новому выстраивать отношения с государственными органами, юридическими и физическими лицами, компетентно и осознанно проявлять предприимчивость. Необходимо изменения стратегического планирования развития образовательного учреждения, постановки новых цели и задач, которые дадут возможность повысить качество образования, и, следовательно, перейти на новые конкурентные позиции.

Для минимизации возможных рисков при переходе из бюджетного в автономный статус в образовательных учреждениях разработаны различные мероприятия. Во-первых, активизация работы образовательного сообщества в законотворческой деятельности по нормативно-правовому регулированию деятельности автономного учреждения, посредством инициативных разработок необходимых документов и широкого обсуждения существующей законодательной базы и практики работы автономного образовательного учреждения.

Во-вторых, для своевременной и достоверной оценки работы автономного образовательного учреждения целесообразно разработать методологию оценки работы автономного учреждения в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе, в состав которой войдут критерии оценки качества предоставляемых услуг; ключевые показатели эффективности работы автономного образовательного учреждения, которые войдут в систему планирования, контроля и анализа за работой автономного учреждения; формы управленческой отчетности по оценке работы автономного образовательного учреждения; регламент по формированию, анализу и контролю за ключевыми показателями эффективности работы автономного образовательного учреждения [1, с. 27]. Таким образом, цепочка «критерии качества – ключевые показатели эффективности – система планирования, контроля и анализа» позволит учредителю, руководству образовательного учреждения и потребителям услуг объективно оценивать работу учреждения и своевременно принимать решения по управлению образовательным учреждением и системой образования региона в целом.

В-третьих, нужна разработка региональных программ по переводу государственных образовательных учреждений в автономный статус, а также соответствующих нормативно-правовых и методических рекомендаций, их широкое профессиональное и общественное обсуждение.

Реальный риск для автономных образовательных учреждений заключается в основном в больших организационных и профессиональных издержках, связанных с организацией процесса перевода и с работой в новых условиях. В данном случае требуется организация и проведение соответствующих учебных программ и курсов, организация обучения педагогического коллектива и технического персонала, как в рамках учреждения, так и через систему повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Поскольку финансирование государственного заказа происходит из бюджетов разного уровня, то основным риском является несоблюдение платежной дисциплины государственных структур, отвечающих за расходование бюджетных ресурсов, что может привести к невыполнению обязательств учреждения перед персоналом и внешними контрагентами, несоблюдению гарантий получателям образовательных услуг, к потере платежеспособности организации и снижению объемов или качества оказываемых услуг. В данном случае нужна разработка типовых договоров между государственным заказчиком и автономным образовательным учреждением, предусматривающих ответственность государственного заказчика за несвоевременное финансирование автономного учреждения в рамках заказа, а также обозначить регламенты финансирования задания автономному учреждению. Рекомендуется разработать типовое приложение – график финансирования автономных образовательных учреждений в рамках обеспечения государственного заказа [1, с. 17–18].

Оценка риска сокращения доходов, оказываемых на платной основе, целесообразна для автономных образовательных учреждений, где доля данных доходов в структуре доходов организации в целом составляет более 10%. В данном случае риск сокращения доходов, оказываемых на платной основе, влечет за собой риск невыполнения обязательств организации перед персоналом и внешними контрагентами. Как показывает практика, сокращение доходов до 10% относительно плановых показателей позволяет хозяйствующему субъекту относительно безболезненно покрыть свои обязательства, за счет переноса на более поздний срок программ по развитию и (или) привлечению кредитных ресурсов. Более значительные сокращения доходов, как правило, приводят к серьезным последствиям и оказывают негативное влияние на качество и объемы оказываемых услуг. В данном случае необходимо составить бюджет доходов и расходов автономного образовательного учреждения. Составить методики и

регламент формирования, контроля и анализа бюджета доходов и расходов.

Наиболее вероятен риск увеличения расходов на развитие автономных учреждений, например в случае осуществления инвестиционной деятельности, сопряженной со строительством новых или модернизацией старых объектов. Например, строительство спортивной площадки или улучшение учебных кабинетов, приобретение оборудования и прочие дорогостоящие вложения.

Необходимо развивать маркетинг в образовательной сфере, внедрять его в деятельность автономных образовательных учреждений. Для этого необходимо создать в автономных образовательных учреждениях так называемую маркетинговую комиссию, в компетенции которой – руководство проведением маркетинговых исследований и анализ предпочтений потребителей. Например, исследование того, какие дополнительные курсы хотели бы посещать обучающиеся, какую сумму могли бы отдавать родители за курсы, за какую плату согласны работать педагоги на данных курсах и др. Знания о деятельности конкурентов позволяют оценить перспективы успеха введения нововведений, определять приоритеты и быстрее реагировать на действия конкурентов. Анализ конкурентной среды предприятия позволяет совершенствовать систему обучения и повышения квалификации педагогического коллектива и в, определенной степени, мотивировать их деятельность.

Для укрепления положения автономного образовательного учреждения на рынке образовательных услуг необходимо создать его позицию и бренд учреждения. Комиссия должна разработать стратегическое планирование на определенный период, что позволит образовательному учреждению более эффективно функционировать. Стратегическое планирование дает руководство к действию педагогического коллектива. Все тактические планы, программы и проекты, которые должны выполняться, составляются для достижения

конкретной цели, исходя из стратегического плана, разработанного администрацией, учредителем или государством. Это общий план, в соответствии с которым координируется деятельность всего образовательного учреждения.

Оценку эффективности маркетинговых мероприятий должна осуществлять администрация. Деятельность комиссии обсуждается на заседаниях Наблюдательного совета. Анализ эффективности деятельности Маркетинговой комиссии целесообразно основывать на расчете динамики показателей, характеризующих прибыльность от ее деятельности и степени конкурентоспособности автономного образовательного учреждения.

Таким образом, при переходе к новой форме стоит задача минимизации рисков и затрат образовательных учреждений в процессе их перевода в автономный статус. Руководство образовательных учреждений, ориентирующееся на интегрированный подход в управлении рисками, видит в них получение нелишнего конкурентного превосходства путем фокусировки усилий на первостепенных моментах успеха и улучшенном оперативном менеджменте. При этом осуществляемые на практике действия сосредоточиваются не только на финансах, но охватывают все возможные действия образовательного учреждения.

Список литературы

1. Боровская М.А., Власенко К.Г., Королева Т.В. Методическое пособие по переходу федерального государственного образовательного учреждения в автономное учреждение. Ростов-на/Д., 2009. 49 с.
2. Образовательное учреждение: бюджетное или автономное? [Электронный ресурс] // <http://www.co1804.ru/component/content/article/214.html>.
3. Федеральный закон «Об автономных учреждениях» [Электронный ресурс] // <http://www.regnko.ru/leg174m.shtml>.

ПСИХОЛОГИЯ

PSYCHOLOGY

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ НА ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОТИВЫ ЧЕЛОВЕКА

Грузд Л.В.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье раскрыты базовые предпосылки и методологические принципы, используемые экономистами в объяснении поведения человека. Констатируется, что неоклассическая парадигма в современных условиях в значительной мере исчерпала себя. Эволюционная теория и институционализм позволили преодолеть наиболее явные ограничения неоклассики. Автор считает, что первостепенной задачей экономической науки является совершенствование существующих и разработка новых мотивационных моделей с целью создания целостной, логически выстроенной концепции, соответствующей современной тенденции развития экономических отношений.

Ключевые слова: *методологические принципы; микроэкономический анализ; максимизирующее поведение; рациональность; эгоизм; эволюционные теории.*

ABOUT EVOLUTION OF HUMAN BEHAVIORAL CAUSES OF PERSON

Gruzd L. V.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article reveals the basic background and methodological principles used by economists in their interpretation of human behavior. It is ascertained that the neoclassical paradigm is admitted to have to the great extent exhausted itself. Evolutional theory and institutionalism made it possible to overcome the most obvious restrictions of neoclassicism. The author of the article considers that the improvement of existing motivating modals and working out new ones are the tasks of primary importance for economic science. It should be done for the purpose of creating holistic logically determined conception which would match the contemporary development tendencies of economic relations.

Keywords: *methodological principles; micro-economical analysis; maximizing behavior; rationality; egoism; evolution theories.*

Успех в разработке концепции в области мотивационных решений зависит от понимания базовых методологических принципов, лежащих в основе микроэкономического анализа. Выделим и рассмотрим важнейшие из них, при этом учитывая эволюционные различия во взглядах.

Несмотря на совершенно очевидные различия между людьми, которые проявляются на бытовом уровне, при выборе экономических благ и в области политики, экономисты используют некоторые базовые предпосылки в объяснении поведения человека. Их, как минимум две: рациональность и эгоизм. В теории различают несколько уровней и того и другого [1]. Именно благодаря этим «свойствам характера» человек может следовать и следует принципу максимизирующего поведения. Выделяют следующие формы рациональности:

1) Строгая форма – неукоснительное стремление максимизировать потребление. Экономический человек – это компьютер, стремящийся достигнуть максимума при минимуме затрат. При этом он обладает полной информацией о своих желаниях и состоянии окружающей среды, и поэтому способен самостоятельно оценивать соб-

ственные полезность и выгоду, благодаря чему оптимизировать свои действия и максимизировать результат. Такое понимание рациональности характерно для большинства неоклассиков, в частности Дж. Стиглера, Г. Беккера, С. Пельцмана и др.

2) «Полусильная» форма – индивид стремится действовать рационально, но обладает такой способностью в ограниченной степени. Этой концепции придерживаются, в частности, Г. Саймон и Дж. Бьюкенен.

3) Слабая форма – неважно, стремятся ли индивиды действовать рационально или нет, но окружающая среда (в первую очередь конкуренция) в любом случае рационализирует их взаимодействие. Незнание цели – более рациональная стратегия по сравнению с сознательным планированием. Эта концепция отстаивается австрийской школой и некоторыми эволюционистскими теориями.

Другая важная предпосылка – эгоизм. Следует подчеркнуть, что в данном случае этот термин лишен какой-либо моральной окраски, это всего лишь – следование своим интересам. По аналогии с рациональностью различают три формы эгоизма:

1) сильная – достижение своих целей допускает оппортунистическое поведение. Наиболее полная характеристика этого поведения представлена в работе Оливера Уильямсона [2]. Оппортунизм включает любые действия, приводящие к информационной асимметрии между контрагентами: явные формы обмана (лож, мошенничество и т.п.), не раскрытие информации о намерениях, о реальном положении дел и др. Контрагенты нарушают условия договора, деловые обычаи, чтобы увеличить свой выигрыш. Сам факт признания экономистами возможности такого поведения – достаточно интересный и во многом революционный. По существу экономическая наука признала, что «плохое» поведение человека является не только допустимым, но во многом обязательным для достижения максимальной полезности;

2) полусильная форма эгоизма означает простое следование своим интересам, не используя различные манипуляции контрагентом;

3) слабая форма эгоизма – индивид не имеет явное представление о том, что такое свой интерес, поэтому право принимать решение о том, что соответствует его интересу, передается другому (своего рода послушание).

Наличие рассмотренных нами базовых предпосылок подводят экономистов к так называемому принципу максимизирующего поведения человека. Данный принцип был сформулирован еще представителями английской политической экономии, в частности Адамом Смитом. Смит считал, что социальные, политические, культурные и моральные нормы и факторы – скорее внешние условия, навязываемые индивиду, чем качества, присущие ему лично. Исторически данный принцип восходит к философии утилитаризма Дж. Бентама, а также к идеям европейского либерализма и индивидуализма. Философская идея трансформировалась в операциональную экономическую, которая базируется, как минимум, на двух постулатах: наличие иерархии предпочтений и качественная определенность относительной полезности благ. Сам принцип максимизирующего поведения – это критерий рационального принятия решения, обеспечивающий наибольшую из возможных совокупную полезность. Более того, это так называемый «экономический подход к поведению», который составляет специфику самого предмета экономической науки, ограничивая его от социологии, социальной психологии, истории, политологии и др.

Признание рассмотренного принципа требует от экономиста принятие еще одного принципа методологического индивидуализма, который означает, что решения принимаются на уровне «атомарных» независимых индивидов, действующих рационально и эгоистично. Методологический индивидуализм – по существу, отказ от идеи коллективности в экономике, т.е. поведение человека не зависит от его положения в каких-либо общественных структурах.

Приведенные выше предположения позволяют при исследовании поведенческих мотивов использовать количественный анализ, при этом возможна разработка моделей, обладающих конкретными функциональными взаимосвязями. Таким образом, концепция экономического человека представляет собой конкретную формализованную модель, к которой применимы принципы математического моделирования. В частности, такой подход соответствовал ранним мотивационным теориям, популяризированным Ф. Тейлором.

В классической теории человек как работник функционально уравнивается с вещественными производственными факторами, что означает их взаимозаменяемость. Последнее предположение позволило сформулировать модель, в которой работник по основным производственным характеристикам сравнивается с производственным капиталом. Данное предположение показательно и в том, что Ф. Тейлор, как и ранее Адам Смит, назвал рабочих «живыми машинами». Исходя из приведенного, мотивация строилась по простому материальному принципу, что выгоднее: затраты для оплаты труда рабочим или расходы на приобретение и эксплуатацию альтернативного производственного оборудования.

Приведенные выше принципы хотя и рассматривают основы поведения человека, но отличаются своей узостью во взглядах на причины мотивации, более того, они применимы при рассмотрении индивидуальных стимулов только в достаточно примитивных системах, которым свойственны следующие основные признаки:

- низкий технологический уровень. Это и объясняет их взаимозаменяемость таких производственных ресурсов, как труд и капитал;
- достаточно узкое информационное поле, это в первую очередь относится к профессиональной и производственной деятельности. Такое положение обеспечивает высокую конкуренцию среди участников производства и выдвигает на первую роль капитал. Высокая конкуренция среди работников объясняет их взаимозаменяемость;

– низкий уровень жизни работников объясняет необходимость в насыщении только их базовых потребностей, что тормозит развитие более высоких мотивов и стремлений.

С развитием технологий и изменением историко-социальных предпосылок методологические принципы неоклассической теории все более не соответствуют хозяйственным реалиям. В целом это можно объяснить тем, что с усложнением технологических процессов значительно возрастает информационная роль человека. Во-первых, рост информационной базы способствует развитию людей по профессиональному признаку. Некоторые специальности требуют наличия достаточно большого объема специфических знаний и навыков, что объясняет незаменимость работников этих профессий другими участниками производства. Во-вторых, с ростом информационной роли человека в производственной сфере его функции перестают совпадать с функциями капитала. Простая классическая модель перестает быть действенной, так как человеческий фактор и производственный капитал становятся различными по своему функциональному содержанию и уже не являются субститутами. В-третьих, работник, чья профессиональная деятельность все больше связана с информацией и занятиями, уже не относит себя к «живым машинам», он стоит выше, обеспечивая скоординированность деятельности механизмов и разработку новых моделей. Осознание своей новой роли у людей выражается в возникновении новых мотивов и потребностей. В-четвертых, улучшение технологии привело к значительному росту производства, что обеспечило рост общего благосостояния. Работники перестали ограничиваться удовлетворением минимальных потребностей, возникла возможность, а иногда и необходимость в удовлетворении потребностей более высокого рода. Все это в совокупности стимулировало развитие новых мотивационных теорий.

В XX веке человек все больше осознает себя как информационное существо, роль простого экономического элемента в общей системе

все более уходит в бытие, а для реализации новых функций ему уже недостаточно мотивов, связанных с физиологическим воспроизводством, возникает необходимость в расширенном интеллектуальном воспроизводстве. Необходимость в расширенном воспроизводстве человеческих ресурсов породила потребность в разработке новых концептуальных подходов к мотивации человека.

Несостоятельность методологических принципов неоклассической теории была доказана в 50-е годы XX столетия в исследованиях проблем экономической динамики. В частности, была установлена ограниченная способность хозяйственных субъектов к проведению расчетов, необходимых для оптимального выбора, признан факт, что мотивация не ограничивается стремлением к максимизации полезности.

Идея рациональности не отвергается, но признается тот факт, что индивиды в большинстве случаев имеют дело с неопределенностью выбора. Например, в части отбора информации, отсутствии или неопределенности предпочтений между благами, выбор между которыми отсутствует в опыте индивида (а при ближайшем рассмотрении таких благ и выборов – большинство), практической невозможности составления некоторых математических моделей, которые бы позволили продемонстрировать или доказать саму идею рациональности и максимизирующего поведения, которые, к сожалению, так и остаются своего рода «договором» между экономистами.

Отмеченные выше недостатки методологии неоклассической теории обусловили необходимость ее совершенствования, уточнения исходных базовых экономических моделей. К примеру, в современных исследованиях признано, что человек в определенных жизненных ситуациях ведет себя нерационально, часто преследуя не эгоистические, а альтруистические цели. В результате в экономической теории появляются новые течения, теории, позволяющие преодолеть наиболее явные ограничения неоклассики. В частности, это эволюционная теория и институционализм.

Вся эволюционная теория восходит к идеям А. Алчяна, а именно, речь идет о следующем. Поскольку «рациональные» субъекты более приспособлены к рыночной среде они «выживают» с течением времени «нерациональных». Однако более серьезная попытка – это реализация принципа неизменности индивидуальных предпочтений, который до того только и позволял индивидам выстраивать шкалу предпочтений и достигать максимума полезности.

Пожалуй, самой востребованной эволюционная теория оказалась в применении к научно-техническому прогрессу. Логика следующая. Различные инновации по самой своей сути создают новые возможности, в том числе новые источники информации, которые не сразу принимаются индивидами, так как неизвестна им, либо сама процедура ее поиска сопряжена для индивидов с издержками, а потому нерациональна. Для того чтобы новое возможности, в том числе новые источники информации, попали в область рационального поведения индивидов, должно произойти смещение иерархии предпочтений, т.е. должна измениться функция полезности. Таким образом, действуя рационально в данный момент (статично), индивид действует иррационально в динамике. Процесс адаптации к среде усложняется, возрастает значение фактора времени. В результате эволюционная теория во многом сняла противоречие между рациональностью-нерациональностью.

Представители возникшего институционального направления все больше выдвигают в пользу доказательства концепции Веблена о том, что человеческую жизнь нельзя формализовать различными математическими моделями. Экономисты все больше убеждаются, что представление об экономическом человеке как максимизаторе полезности не соответствуют действительности. Предельная математизация экономических исследований не позволяет учесть всю сложность и многогранность общественных отношений, отобразить процессы, связанные с мотивами поведения человека.

В реальной жизни люди руководствуются не только денежным интересом, мотивы их поведения гораздо разнообразнее и богаче. Они сильно разнятся у отдельных индивидов. В связи с этим следует признать, что неоклассическая парадигма в современных условиях в значительной мере исчерпала свои возможности. Лауреат Нобелевской премии в области экономики М. Алле отмечал, что «...при современном состоянии наших знаний, целые области экономики, а их большинство, могут прекрасно изучаться без помощи математики. В течение четырех десятилетий экономическая литература развивалась в ошибочном направлении: в сторону совершенно искусственных и оторванных от жизни математических моделей с преобладанием математического формализма, что представляет собой, по сути дела, большой шаг назад» [1].

Поиск субъективно удовлетворительного варианта решения осуществления в рамках многих относительно новых концепций, например, П. Самуэльсона, Г. Саймона, Х. Лайбенштайна. Х. Лайбенштайн предлагает к рассмотрению концепцию «переменной рациональности», основанную на анализе физиологических стремлений человека в экономии собственных усилий. Его предположения по своему содержанию близки концепции рационального человека и дополняют ее.

Микроэкономические исследования продолжают осуществляться путем утверждения экономического подхода в качестве общезначимого, определяющего подхода к человеческому поведению даже в недоступных для него ранее сферах. По мнению Г. Беккера, экономический подход является всеобъемлющим, но применим ко всякому человеческому поведению.

Распространение методологических принципов микроэкономики на различные сферы социальной жизни получило название «экономического империализма». В рамках возникшей парадигмы теория рационального выбора распространяется и на поведенческую мотивацию.

вацию человека, в частности и на мотивы, которыми руководствуется работник при осуществлении производственной деятельности.

Распространение идей «экономического империализма» привело к появлению усовершенствованной модели экономического человека, в которой он характеризуется как «изобретательный, органичный, ожидающий, оценивающий, максимизирующий человек». Суть новой модели раскрыта в теории человеческого капитала, которая играет все более возрастающую роль в современном экономическом анализе.

В последнее время осуществляются достаточно небезуспешные попытки разработать расширенную модель экономического человека, в которой есть место таким свойствам, как моральный облик, потребность в одобрении окружающих, социальный статус, потребность в самореализации и саморазвитии и другим, носящим достаточно субъективный характер.

Поэтому первостепенной задачей экономической науки является совершенствование существующих и разработка новых мотивационных моделей с целью создания целостной, логически выстроенной концепции, соответствующей современной тенденции развития экономических отношений.

В связи с изменениями, происходящими в структуре общественных потребностей, а именно достаточным насыщением материальных и выдвиганием на первый план социальных мотивов и потребностей в самореализации, роста и развития личности, все большую роль начинают играть неденежные аспекты на рынке труда. Развитие у работников таких потребностей, как лучшие содержания и условия труда, возможности профессионального роста, творческого саморазвития и самореализации в производственной деятельности, причастности к трудовому коллективу и прочим, в комплексе свидетельствуют о существенных изменениях, произошедших во второй половине XX века как в производственных способностях человека, так и

в трудовой мотивации. Конечно, происшедшие изменения не всегда носят выраженный характер. Необходимо признать, что становление новой модели человека только начинается и во многом является делом будущего. Для большинства наиболее подходящей моделью поведения по-прежнему остается концепция экономического человека, но мотивы поведения некоторых участников производства и их групп уже в настоящее время могут быть объяснены только новыми принципами.

Таким образом, следует отметить определенную несогласованность в среде экономистов относительно поведенческих мотивов человека. Необходимо отдать должное парадигме «экономического человека» неоклассической школы за ее логичность, разработанность и живучесть. Практически современные теории не предполагают ничего принципиально нового в этой области, основные усилия сводятся, по существу, к развитию тех базовых предпосылок неоклассиков, как рациональность, эгоизм, максимизирующее поведение и др.

Список литературы

1. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа. М.: THESIS, 1993. Вып. 3. С. 40–41.
2. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая контракция». СПб.: Лениздат, 1996. С. 38–46.

ВЛИЯНИЕ ТЕМПЕРАМЕНТА НА ПОВЕДЕНИЕ ДОШКОЛЬНИКА В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ

Садыкова С.З.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

Статья посвящена вопросу необходимости учета индивидуально-типологических особенностей ребенка в воспитательно-образовательном процессе. Представлены результаты пилотажного исследования, направленного на изучение проявлений свойств нервной системы, свойств темперамента у детей старшего дошкольного возраста в ходе разных видов деятельности в условиях ограничения времени, что ребенком переживается как стрессовая ситуация.

Ключевые слова: свойства темперамента; типы темперамента; стрессовая ситуация; деятельность.

THE INFLUENCE OF TEMPERAMENT ON THE BEHAVIOR OF PRESCHOOL CHILD IN STRESSFUL SITUATIONS

Sadikova S.Z.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article focuses on the need of taking into account of individual-typological characteristics of the child in the educational and learning process. There are results of the pilot study which is aimed at studying of the manifestations of property of the nervous system and temperament in

preschool children during various activities in the limited time that the child is experienced as stressful situation.

Keywords: *properties of temperament; types of temperament; stressful situation; activity.*

Наблюдения показывают, что все люди различны не только по своей внешности, но и по своему поведению, движениям. Как пишет В.С. Мерлин: «...у одних образы, мысли, настроения сменяются очень быстро, у других психическая жизнь течет медленно, с большим внутренним напором» [1, с. 326]. Темперамент можно рассматривать как способ распределения энергии. Человек не в состоянии реагировать на все сигналы внешнего мира, разные по содержанию и по интенсивности. Он выбирает. Выбор обусловлен биохимическим составом нервной ткани, который определенно облегчает или затрудняет ее возбуждение.

В стрессовых ситуациях, когда человек стоит перед скорым выбором: как ему действовать сейчас, – преобладающий тип темперамента становится более выраженным. Одни и те же ситуации вызывают различные ответные реакции у представителей разных типов темпераментов. Так, например, при необходимости действовать быстро, холерики и сангвиники проявляют активность, высокую продуктивность. Флегматики действуют спокойно, размеренно, а для меланхоликов подобные ситуации могут стать экстремальными, «выбить из колеи». Зато в спокойной ситуации флегматики и меланхолики показывают себя с лучшей стороны: они сосредоточены и скрупулезны в действиях; холерики и сангвиники в такой же обстановке часто теряют интерес, снижают активность.

Работа педагога в дошкольном учреждении требует обязательного учета преобладающих свойств темперамента воспитанников при организации различных видов деятельности. Умение распознать по поведенческим реакциям, что у ребенка от типа нервной системы, типа темперамента, а что от возраста; что определено наследствен-

ностью, а что приобретено, – имеет большое практическое значение. Знание особенностей проявления свойств темперамента необходимо для педагогов не только для осуществления индивидуального подхода к ребенку, но также и для организации совместной деятельности, создания позитивного микроклимата в группе. Воспитание, условия формирования личности имеют огромное значение в развитии устойчивости нервной системы. Изучение личности, этой сложной и многомерной системы, целесообразно начинать с ее психофизиологической основы, над которой, по мере становления человека, надстраиваются более поздние социально детерминированные структуры. В качестве такой основы выступает темперамент.

От темперамента зависит влияние различных факторов, определяющих уровень нервно-психического напряжения (например, оценка деятельности, ожидание контроля деятельности, ускорение темпа работы, ограничение во временных рамках, влияние дисциплинарных воздействий). Психологической характеристикой темперамента являются не сами по себе свойства нервной системы или их сочетания, а типичные особенности протекания психических процессов и поведения, которые данные свойства порождают. Применительно к предметной деятельности в число соответствующих свойств можно включить активность, продуктивность, возбудимость, тормозимость и переключаемость.

Взрослые начинают предъявлять требования к ребенку с ранних лет, часто хотят, чтобы ребенок сразу все делал быстро и качественно. При этом они не всегда учитывают особенности реакций (как внешних, так и внутренних) у детей с различными типами темперамента в условиях ограничения времени. Любая деятельность, в подобных условиях, для дошкольника становится экстремальной, и может быть причиной стресса.

Цель экспериментальной работы состояла в изучении влияния темперамента на поведение дошкольника в стрессовых ситуациях. Фактором стресса было ограничение действий во времени. Базой

исследования явились дошкольные группы в УДОУ. Выборку составили дети старшего дошкольного возраста. Определение типа темперамента испытуемых начали с изучения типа нервной системы.

Для диагностирования силы, подвижности нервных процессов испытуемых был использован теппинг-тест, разработанный Е.И. Ильиным (в модификации А.И. Вайнштейна, В.П. Жура, Л.В. Каршановой). Следующим этапом было изучение проявлений свойств темперамента: активности – пассивности, эмоциональной устойчивости и неустойчивости. Для решения данной задачи был использован метод наблюдения. Родителям, воспитателям нужно было обратить внимание, как ребенок выполняет порученное ему дело. Отметить, как быстро приступает к выполнению действия, совершает движение с большей или меньшей энергией, как ведет себя в трудных или необычных жизненных ситуациях и др. Данные, полученные в ходе наблюдений за детьми, были отражены в анкетах. По ответам родителей и педагогов был выведен средний балл по данным параметрам на каждого ребенка.

Учитывая данные теппинг-теста, а также с помощью шкалы Айзенка были определены типы темпераментов исследуемых детей. Для изучения проявлений свойств темперамента в стрессовых условиях использовали естественный эксперимент: выполнение детьми заданий в разных видах деятельности в условиях ограничения времени. Для исключения фактора мотивации положительного или отрицательного отношения к той или иной деятельности, были выбраны разные виды: игровая, изобразительная, учебная, трудовая.

В проводимых экспериментах для обозначения времени были использованы песочные часы, звуковые сигналы, а также зрительные сигналы (например, флажок – пока он поднят, дети выполняют действия, когда флажок опускается, действия прекращаются). Детям давались знакомые задания, чтобы не планировать время на их усвоение, запоминание техники выполнения. Известно, что дети усваивают знания, развивают умения с различной скоростью. Нам же

нужен был примерно одинаковый уровень овладения умением всеми детьми, необходимым в каждом конкретном случае. Всего с детьми было проведено 10 экспериментальных заданий.

Подводя итоги экспериментальной работы, отмечаем:

– в условиях ограничения времени дети с преобладанием сангвинического типа темперамента показали высокую результативность – 95%, выносливость, хорошую переключаемость нервных процессов; умение выполнять работу быстро и с хорошим качеством – 70%. Количество детей, не выполнивших задание в отведенное время, составило 3%.

У детей сангвинического темперамента исследуемой группы хорошая эмоциональная устойчивость. Лишь 18 % детей сменили свое настроение в ходе деятельности.

– Холерики в условиях ограничения времени вели себя решительно, уверенно. По результатам исследований у холериков самая высокая активность – 87,5%. Но из-за того, что в самом начале деятельности ими самими задавался очень высокий темп, силы истощались раньше, чем было выполнено задание, в результате к концу спадал темп действий. Показатель результативности в проведенных экспериментах: 90% холериков уложились во времени. Из-за спешки наблюдалось низкое качество работы: лишь 56% детей с холерическим типом темперамента выполнили работу аккуратно.

Дети – холерики проявили себя как самые эмоционально неустойчивые: в процессе экспериментов у 37% холериков наблюдалось резкая смена настроения в зависимости от своевременной похвалы педагога или результатов действий.

– Флегматики работали спокойно, размеренно, что приводило к тому, что они часто не укладывались во времени. Нужно отметить, что некоторых флегматиков мобилизует дефицит времени, и они способны увеличить темп выполнения действия. Это показало исследование: 27 % детей увеличили темп работы. В результате 78 %

детей-флегматиков уложились в отведенное время. Это самый высокий показатель из четырех основных темпераментов и говорит о работоспособности, выдержки и самообладании. Благодаря этим характеристикам у исследуемых детей-флегматиков самый высокий уровень качества выполняемых работ – 81 %.

Кроме того, флегматики проявили себя как самые эмоционально устойчивые. Лишь 12 % детей подверглись смене настроения в ходе эксперимента.

– Дети-меланхолики действовали так, как будто у них есть запас времени: В ходе исследования показали самый низкий уровень активности – 43 % и результативности – в отведенное время уложились лишь 76 %. У исследуемых меланхоликов хороший показатель качества выполняемых работ – 73 %. Он выше, чем у холериков.

По утверждению Б.М. Теплова [2] в зависимости от особенностей темперамента люди различаются не результатом деятельности, а способом достижения. В педагогической деятельности приходится встречаться с детьми разными по активности и по проявлению их чувств. Для лучшего понимания различий выраженности свойств темперамента нужны достаточно длительные наблюдения за поведенческими реакциями в разных видах деятельности. Знание о преобладающих свойствах темперамента позволяют правильно понимать особенности поведения ребенка, возможность варьировать приемы воздействия на него. Педагоги и родители могут путем планомерной работы содействовать развитию положительных сторон каждого темперамента, и одновременно помогать освобождаться от тех отрицательных моментов, которые могут быть связаны с преобладающим свойством темперамента.

Список литературы

1. Мерлин В.С. Психология индивидуальности. М.: Педагогика, 1996. 445 с.
2. Теплов Б.М. Избранные труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1986. 328 с.

**ВОСПРИЯТИЕ
ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО
ОБРАЗЦА У МЛАДШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ**

Сафонова Н.М.

Набережночелнинский институт социально-педагогических
технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье описывается построение ситуации разрыва в деятельности младших дошкольников. На примере построек по образцу анализируется освоение нового способа деятельности. Благодаря ситуации разрыва формируется дифференцированность восприятия объекта, критичность к результатам собственной деятельности, в деятельности появляется функция образца.

***Ключевые слова:** восприятие; дифференциация; образец; ситуация разрыва.*

**THE YOUNG PRESCHOOLERS' PERCEPTION
OF DIFFERENTIATED PATTERN**

Safonova N.M.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies
and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

This article describes the building of break situation in the preschoolers' activity. The mastering of the new way of activity is analyzed on the example of copying a pattern. Due to the breaking situation a child gains the ability to assess the results of his own activity, which gets the function of a pattern.

***Keywords:** perception; differentiation; pattern; breaking situation.*

В дошкольном возрасте одной из ведущих линий развития является овладение способами восприятия, обследования предметов, что оказывает существенное влияние, как на познавательное развитие ребенка, так и на развитие продуктивных видов деятельности [1, с. 328]. В современной научной и методической литературе представлены различные направления и виды формирования подобных способов действия [1, с. 340; 2, с. 158]. Наиболее известные методы освоения сенсорных эталонов и наглядного моделирования обеспечивают переход на более высокий уровень системных действий.

Каждый педагог, реализующий специальные методы на занятиях, либо играющий с детьми, встречался с ситуацией, когда ребенок младшего дошкольного возраста не замечает несоответствия своего результата и образца – эталона. Ведущую роль в этом случае играет целостность восприятия ребенка, нерасчлененность «схватываемого» восприятием объекта. Такое целостное схватывание безусловно обеспечивает узнавание предметов (то есть основной задачи восприятия), однако оно не позволяет справиться с задачей на воспроизведение образца, состоящего из разных элементов.

С одной стороны, ребенок уже в три года легко определяет цвет, форму целого и форму элементов, узнает части целого. С другой стороны, восприятие недифференцированного объекта ведет к воспроизведению неконкретного образа, а неумение сравнивать элементы не позволяет соотнести детали объекта с результатом [3, с. 96]. На наш взгляд, существует еще одна проблемная область данного феномена – сам объект не воспринимается ребенком в качестве образца. Исследования произвольности внимания актуализировали вопрос – каким образом объект становится образцом? Существующие методики рекомендуют от занятия к занятию показывать ребенку образцы, обращать его внимание на несоответствие его продукта заданному, прикладывать, обводить, и с течением времени дети, безусловно, осваивают новый способ действия. Однако всегда ли означает вос-

произведение доступных образцов в продуктивной деятельности то, что образец при этом выступает в своей функции образца?

Экспериментальные исследования восприятия образца младшими дошкольниками были проведены в 2001 г. при анализе формирования механизмов произвольного внимания и носили вспомогательный характер [4, с. 68]. В настоящее время они выступают предметом всестороннего анализа в дальнейших исследованиях, посвященных становлению интеллектуальных операций дошкольников.

Краткое описание эксперимента. Детям 3,5 лет предлагалось воспроизвести образец, который состоял из отдельных элементов. Игровой сюжет включал в себя различные постройки, которые были необходимы игровым персонажам. Сложность построек постепенно увеличивалась.

Все дети понимали слова – одинаковый, точно такой же, все дети знали используемые признаки – кубик, синий, белый, большой, маленький.

Экспериментатор размещал эталонную постройку около «своего» игрового персонажа. Ребенок выкладывал – воспроизводил образец – около другого персонажа. Таким образом, фиксировались границы расположения образца и копии. Постройки обыгрывались: «Пошел дождик, я тоже хочу спрятаться под воротики. Построй мне точно такие же: синие, с белой крышей».

Все дети выражали готовность построить «точно такую же» дорожку, «точно такие же» воротики и т.д., чтобы постройки у игровых персонажей были одинаковыми. Перед постройкой выделялись характерные особенности образца: «Столбики у ворот синие – кубик на кубик, сверху белая крыша, один кубик».

На этапе, когда постройка усложнялась настолько, что целостное схватывание не обеспечивало идентичность воспроизведения, все дети продолжали уверенно утверждать, что их постройки точно такие же, как постройка-образец, несмотря на то, что различия, как в цвете кубиков, так и в форме постройки были явными.

При ошибках воспроизведения превалирует игнорирование цвета, во вторую очередь, ребенок ошибается в количестве: использует большее количество деталей, чем использовано в образце. Все дети смотрели на образец два раза. Первый раз, когда мы показывали пальцем и говорили: «точно такой же», и второй раз, когда спрашивали (вновь с указательным жестом): «У тебя точно такой? Дорожки (воротики и т.п.) одинаковые?». Дошкольники при указательном жесте «схватывали» целостный облик образца, и воспроизводили его по смысловым признакам. Например, у «воротиков» таким признаком служит «крыша». От дождя мышонка спрятали? Значит, воротики получились «правильными», «такими же». В 3,5 года ориентация на образец в его функции образца практически отсутствует. Отсутствие взглядов на него подтверждает практическое игнорирование образца.

Формирующие эксперименты создавали ситуацию «разрыва» в деятельности. Ребенок был вынужден обращаться к образцу и руководствоваться только образцом, иные средства были исключены.

Стандартными методами «ставь кубик на кубик» мы обучали ребенка строить постройку, в которой он ошибался, а затем вводили куклу бибабо, которая повторяла первоначальные несоответствия в постройке субъекта действия, так же утверждая, что две постройки одинаковые.

Кульминационным моментом выступает мгновение, когда ребенок тянется исправить постройку куклы, а экспериментатор направляет его руку на лист с образцом – вот ваша полянка – там покажи, где у куклы не верно. Ребенок несколько мгновений растерян, он не понимает – напряженно переводит взгляд с образца на неверную постройку и обратно. Яркое недоумение на лицах – как возможно показать ошибку там, где все правильно? Прежний способ деятельности перестает работать.

Экспериментатор, спустя минуту, помогает – крыша у тебя какая? Покажи этот кубик. У Дуняши этот кубик такой же? Покажи кукле, какой кубик у нее неправильно стоит.

Эта помощь помогает детям быстро принять новый способ. Дошкольники, преодолевшие ситуацию «разрыва», поняв, как можно, действуя только со своей эталонной постройкой, показать кукле неверные элементы, начинали действовать по-другому. Количество взглядов на образец увеличивается в шесть(!) раз, для обращения к образцу уже не требуется указательный жест. 70 % детей смогли воспроизвести более сложный образец, с которым до ситуации формирования не справлялись. 30 % детей, не сумевшие выложить более сложную постройку, зафиксировали различие: «у меня не такая».

Поясним эту часть эксперимента на примере действий ребенка трех лет семи месяцев.

1 этап экспериментов. Лейла верно воспроизвела «дорожку», вторую по сложности постройку «воротики» выложила неверно.

На образец посмотрела два раза после указательного жеста экспериментатора.

На вопрос Э. У тебя такие же? Утвердительно ответила: «Такие же»

Следующую более сложную постройку «крылечко» выложила неверно, не в соответствии с образцом, по-прежнему утверждая, что постройки одинаковые.

2 этап. Неигровое поэтапное обучение постройке «воротиков».

3 этап. Кукла «выкладывает» постройку «воротики» с ошибками, которые аналогичны первоначальному.

Лейла: Нет, надо не так (тянется к кубику - крыше, чтобы переложить).

Э.: Нельзя трогать эти воротики. Они не на твоей полянке. Покажи на своих воротиках, где у куклы неправильно.

Л. Смотрит на свой образец, переводит взгляд на «Дуняшин», смотрит на Э. На лице явное недоумение.

Э.: Покажи какой-нибудь кубик у своих воротиков. У Дуняши этот кубик правильно лежит?

Л.: Показывает, переводит взгляд на образец, кивает.

Э.: Следующий кубик покажи, посмотри, у Дуняши так же?

Л. кивает, затем переводит дважды взгляд с образца на постройку и обратно: Нет, не правильно (хочет переложить «неправильный» кубик у куклы).

Э.: Ты покажи у себя и скажи Дуняше, что именно здесь кубик лежит не так, как у тебя.

Л. дважды переводит взгляд: Этот кубик надо переставить.

Дуняша «перекладывает» соответствующий кубик.

4этап. Воспроизведение более сложных образцов. «Крылечко».

Л. Начинает строить, бросив беглый взгляд на образец. Построила неверно, повторив ошибки первого этапа.

Смотрит на образец, переводит взгляд на свою постройку, снова на образец. Смешивает кубики, начинает строить снова, постоянно смотря на образец (10 взглядов на образец).

Э.: У тебя точно такое же?

Л.: Переводит дважды взгляд с образца на свою постройку, пауза: У меня немножко другое. У меня такое не получается.

Скачкообразность развития психических функций проявлена в данном эксперименте в полной мере. Ребенок переживает своеобразный инсайт, что позволяет: во-первых, расчленив целостный объект («в едином процессе развития моментам разделения принадлежит более базисная роль» [5, с. 11]), во-вторых, критично отнестись к своему продукту, что чрезвычайно редко наблюдается у младших дошкольников, в-третьих, осознать образец в его функции образца.

Акт развития при познавательной активности становится более эффективным, чем повторение действий вслед за взрослым. При этом для развития и осознания другого взгляда, важна позиция второго, равного, которым здесь выступает кукла. Ценность описываемого формирования ведет к прекращению глобально целой оценки объекта, к росту децентрации, к преодолению влияния не-

посредственного восприятия, открывая возможность становления предпосылок определенных интеллектуальных операциональных структур.

Список литературы

1. Венгер Л.А. Восприятие и обучение (дошкольный возраст). М.: Просвещение, 1969. 365 с.
2. Обухова Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 191 с.
3. Пантина Н.С. Становление интеллекта в дошкольном детстве. М.: РОССПЭН, 1996. 272 с.
4. Сафонова Н.М. Анализ формирования механизмов произвольного внимания у младших дошкольников: Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. М., 2001.
5. Чуприкова Н.И. Психология умственного развития: Принцип дифференциации. М.: Столетие, 1997. 480 с.

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Туктамышева С.Ф.

Набережночелнинский филиал Института экономики,
управления и права (г. Казань), г. Набережные Челны, Россия

Статья посвящена анализу метафизических аспектов социальной философии. Автор рассматривает философию космизма сквозь призму социальной философии. В статье представлен социально-философский анализ соотношения веры и знания в современной культуре. Автор выявляет источники и механизмы социокультурного изменения и доказывает значимость социальной философии в формировании новых доминант развития.

Ключевые слова: *социальная философия; метафизика; философия космизма; синтез; культурная доминанта; сознание; мировоззрение.*

METAPHYSICAL ASPECTS OF SOCIAL PHILOSOPHY

Tuktamysheva S.F.

Institute of Economics, Management and Law (Kazan),
Naberezhnye Chelny branch, Naberezhnye Chelny, Russia

The article is devoted to the analyses of metaphysical aspects of social philosophy. The author investigates the philosophy of cosmism through

the prism of social philosophy. The socio-philosophic analysis of the correlation of faith and knowledge in modern culture is given in the article. The author revealed the sources and mechanisms of sociocultural change and proved the meaning of social philosophy in formation of new development leitmotifs.

Keywords: *social philosophy; metaphysics; philosophy of cosmism; synthesis; cultural leitmotiv; perception; worldview.*

Философия – особая форма миропознания, так как дает возможность синтезировать данные наук и вненаучных областей знания. Синтез и универсализм понимания – вот ядро философии. Кант утверждал, что метафизика – это и есть философия в точном и строгом смысле слова. В наших предыдущих публикациях мы наметили ряд метафизических проблем, на которые выходит социальная философия [6, с. 248; 5, с. 257].

Цель исследования – выявление метафизических аспектов в общем контексте социально – философского знания. Одна из задач данной работы – показать значимость социальной философии в формировании новых доминант развития.

«Метафизика – наука о сверхчувственных принципах и началах бытия. Метафизические проблемы есть во всех областях знания, везде мы упираемся в то, что недоступно разуму, в некий нерастворимый остаток: в познании человека, истории, природы. [7, с. 134]. Мы придерживаемся концепции Н.А. Терещенко, представленной в монографии «Социальная философия после «смерти социального», суть которой заключается в том, что социальная философия сегодня исполняет роль философской метафизики. Развивая идею метафизичности, мы анализируем философию космизма сквозь призму социальной философии, рассматриваем социально-философский аспект соотношения веры и знания, выявляем источники и механизмы социокультурного изменения.

Философия, являясь синтетическим явлением духовной культуры человечества, выполняет ряд общественных функций. Наряду с мировоззренческой, онтологической, познавательной, методологической и другими мы акцентируем внимание на практической функции как выработке смысла, целей, правил, принципов и механизмов практической жизни человека. Еще одна важнейшая функция – прогностическая. Суть социально-философского прогноза-предостережения – воздействие на сознание и поведение людей, общества в целом с целью предотвращения предполагаемого будущего. Из множества рассматриваемых философами сценариев развития будущего большинство являются пессимистичными, единственный оптимистичный связан с духовным преображением человечества.

Сегодня интуитивно ощущается, что Мы (человечество как единое целое, как определяет этот феномен В.И. Вернадский) проживаем переходный период смены мировоззрения, смены культурно-исторического типа, культурной доминанты. Кто-то может возразить: «Да о чём вы говорите? Человечество стоит на пороге глобальной катастрофы и даже уже нет разницы, какой именно – экологической или техногенной, или всех сразу!». Возразим – если бы не происходящие перемены, а именно «просыпающееся сознание», надвигающаяся катастрофу никто бы не заметил.

Смена мировоззренческих парадигм в истории человечества происходит не впервые: кризис «римской идеи» одновременно с кризисом государственности способствовал распространению новой религии – христианства, создавшей впоследствии новые мировоззренческие и культурные принципы. Идеи элитарного Возрождения оказались ключевыми для эпохи Нового времени.

Смена мировоззрения – не революционный, но эволюционный процесс, это процесс расширения сознания, выход на новый его уровень. Это процесс длительный, возможно относительно «человеческого времени» – это смена нескольких поколений, и мы находимся

внутри него и, одновременно, являемся его движущей силой. Сложно определить, когда он начался, а тем более сложно сказать, когда этот процесс завершится (это зависит, в том числе, и от нашей готовности меняться), он происходит. Совершается переход на уровень синтетического, космического, метафизического сознания, сознания «не от мира сего», переход от пассивного состояния «иметь» к активной позиции «быть».

В работе «Искусство быть» Э. Фромм предостерегает нас: «Быть наивным и легковерным недопустимо именно сейчас больше, чем когда бы то ни было, когда превалирующая неправда может привести к катастрофе, потому что она делает людей слепыми в оценке реальных опасностей и реальных возможностей» [8, с. 43]. А затем предлагает выход из создавшейся ситуации: «Целью... является освобождение человека через развитие оптимального самосознания, достижения благополучия, независимости, способности любить и критически мыслить без иллюзий: быть, а не иметь» [8, с. 120].

Нам близко высказывание В.Д. Жигунина, что «в центре жизни социокультурного организма находится человек как уникальное единство материи и духа и вместе с тем, как субъект общественных отношений» [3, с. 65]. Ключевыми для нас являются идеи, заложенные в философии космизма. Человек – малый космос, микрокосм, как утверждали еще греческие философы, На протяжении всей истории человечества мы наблюдаем две противоположные тенденции: с одной стороны, дифференциацию в самосознании и миропонимании человека, а с другой, стремление к синтезу. Нам ближе идея синтеза и, на наш взгляд, сегодня только на ее основе можно достичь целостности и полноты человека и перейти на новый уровень сознания: «Из разрозненных мелких общностей, бесконечно долго враждовавших между собой, человечество движется к единому всемирному обществу, гармоническая природа которого может быть гарантирована лишь приоритетом в нем духовной культуры. Исторический синтез

возможен, на наш взгляд, лишь в подобном виде, либо вообще ни в каком» [3, с. 4].

Ф.И. Гиренок, рассматривая ключевые проблемы русского космизма, характеризует его как «отчаянную попытку обойти проблему гносеологического разъединения субъекта и объекта и взглянуть на сущее со стороны их изначального онтологического тождества» [2, с. 33]. На наш взгляд, сама попытка не отчаянная, «отчаяние» заключается в неподготовленности сознания к подобной постановке проблемы.

Канадский антрополог и психолог Р.М. Бекк рассматривает три ступени генезиса сознания: 1) простое сознание, которым обладают высшие животные; 2) самосознание, присущее только человеку, способному *отделять* (курсив мой – С.Т.) себя от Вселенной и осознавать себя как обособленное «Я» и 3) космическое сознание, проявляющееся пока лишь у особо одаренных людей (Будда, Иисус Христос, Плотин, Магомет, Данте, Ф. Бэкон и некоторые другие) [1, с. 47–48].

В рамках исследуемой темы для нас представляет интерес феномен «космического сознания». Оно «переживается как преодоление противоположности личности и Вселенной, субъекта и объекта» и далее, как отмечает автор, «наступает великое *расширение сознания* (курсив мой – С.Т.)». По мнению Р.М. Бекка, частота проявлений космического сознания возрастает в ходе человеческой истории. Исследователь приходит к выводу, что грядет эпоха космического сознания, когда его проявления будут становиться все более массовыми среди людей.

Переплетение синтезного мировоззрения и творческого начала находит свое отражение в соотношении (сближении) веры и знания (разума) в современной культуре. В литературе рассматриваются различные аспекты данной проблемы. На наш взгляд, сближение – диалог веры и знания, религии и науки сегодня – это не что-то неизвестно откуда возникшее, это результат долгого пути Человека к по-

стижению Абсолюта. Когда в Средневековье, в эпоху теоцентризма, человечество «механически» (т.е. не творчески), а, зачастую, «принудительно» (не случайно высказывание о философии, как «служанке богословия») пыталось постичь Бога из этого мало, что вышло. Маятник качнулся в сторону антропоцентризма. Творца может постичь только Творящий – развитие науки, это путь не столько путь рационализации и ухода от веры (религиозной), сколько развитие в себе творческого, как приближающего нас к Творцу. В связи с этим вспоминается известное высказывание: «Зачем нужна дорога, если она не ведет к Храму?».

Анализ метафизических аспектов в социальной философии позволяет сделать вывод о том, что, именно, социальная философия может помочь в формировании мировоззрения социального взаимодействия, суть которого заключается в том, что «только человек дает возможность сбыться бытию своим сознательным усилием, а не просто бездумным присутствием в мире. Общество необходимо человеку как условие его реализации, но и человек необходим обществу, как цель и апология его существования» [4, с. 278]. На наш взгляд, идея пандисциплинарности, метафизичности социальной философии сегодня, высказанная Н.А. Терещенко, – это не частный случай, касающийся отдельной дисциплины, это идея, «витающая в воздухе». «...Предметом философского усмотрения становится не просто некий фрагмент, структурный элемент социальной реальности, а бытие как таковое в аспекте активного, действенного отношения человека к общественному целому либо к его индивидуализированной форме. Надо сказать, что такое понимание предмета социальной философии как пространства активного присутствия человека сегодня становится все более распространенным. ...В.А. Конев называет социальную философию... «критикой способности быть», где «способность быть» явно перекликается с известным тиллиховым «мужеством быть» [4, с. 273]. И с фроммовским «быть», а не «иметь».

Список литературы

1. Бекк Р.М. Космическое сознание. М.: «Одиссей», 1995. 344 с.
2. Гиренок Ф.И. Русские космисты. М.: «Знание», 1990. 64 с.
3. Жигунин В.Д. Древность и современность. Человечество на пути к синтезу: Учеб. пос. Казань: «Новое знание», 2000. 234 с.
4. Терещенко Н.А. Социальная философия после «смерти социального». Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2011. 368 с.
5. Туктамышева С.Ф. Все связано со всем // Навстречу XXIII Всемирному философскому конгрессу: Философия как исследование и образ жизни: программа и материалы докладов международной научной конференции. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2013. 312 с.
6. Туктамышева С.Ф. Попытка постановки метафизических проблем в рамках социальной философии // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: материалы VI Российского философского конгресса. Т. V. Нижний Новгород: «Сфера», 2012. 410 с.
7. Философия: Учебник / Под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной, В.П. Филатова. М.: «Русское слово», 1998. 432 с.
8. Фромм Э. Искусство быть: Пер. с англ. М.: «АСТ»: «Астрель»: «Полиграфиздат», 2012. 234 с.

ИСТОРИЯ HISTORY

ГОРОДСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ БАНКИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ В СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ермаков В.В.

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Набережные Челны, Россия

В статье рассматривается вклад городских общественных банков в развитие экономики и благотворительности в регионе Нижнего Прикамья. Во второй половине XIX – начале XX вв. они внесли большой вклад в развитие торговли и промышленности региона. Составной частью деятельности банков было создание и содержание богаделен, учебных заведений, детских приютов.

Ключевые слова: городские общественные банки; торговля; промышленность; кредит; благотворительность.

MUNICIPAL PUBLIC BANKS OF THE NIZHNEE PRIKAMYE IN THE SOCIO-ECONOMIC LIFE OF THE REGION IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

Ermakov V.V.

Naberezhnochelninsky Institute of the Kazan (Volga) Federal University,
Naberezhnye Chelny, Russia

The article discusses the contribution of municipal public banks to the economic development and philanthropy in the Nizhnee Prikamye. In the second half of XIX – early XX centuries they have made a great contribution to the development of trade and industry in the region. Part of the banks' activity was the creation and maintenance of almshouses, schools, orphanages.

Keywords: *municipal public banks; trade; industry; credit; charity.*

Городские общественные банки были неотъемлемой составной частью кредитно-финансовой системы России второй половины XIX – начала XX вв. Созданные в первые пореформенные годы, они должны были содействовать развитию фабрично-заводской промышленности и торговли уездных и губернских городов, а также решению ряда назревших социальных проблем.

Правовые основы деятельности городских общественных банков были заложены в «Положении о городских общественных банках», которое было утверждено Правительствующим Сенатом 27 марта 1862 г. [19, с. 111–125]. В нем, в частности, определялось, что такие банки состоят при местной Городской думе, под ответственностью и наблюдением городского общества. Их основной капитал (не менее 10 тыс. руб.) мог формироваться из взносов городских властей и пожертвований частных лиц.

В «Положении» определялась система управления общественными банками, а также основные направления их деятельности. Городским общественным банкам разрешалось осуществление основных операций – прием вкладов, учет векселей, выдача ссуд (на срок до 12 лет) под залог недвижимости, товаров и ценных бумаг. Прибыль от деятельности банков должна была отчисляться на текущие расходы по их содержанию, на пополнение основного и запасного капитала. Кроме того, по желанию городских обществ или учредителей, часть прибыли могла расходоваться на город-

ские потребности, в т. ч. на решение наиболее острых социальных проблем. В первую очередь банки создавались в городах, отличавшихся быстрым развитием торгово-промышленной деятельности. Предпринимателей банковские кредиты привлекали умеренностью процентных ставок, а вкладчиков – безопасностью размещения своих средств, что гарантировалось ответственностью всего городского общества.

Одним из крупнейших в Нижнем Прикамье муниципальных банковских учреждений был Чистопольский городской общественный банк, основанный в 1864 г. Основной капитал банка (35 тыс. руб.) был составлен путем равных взносов из городского запасного капитала и купца Г.А. Полякова. Поэтому он так и назывался – «Чистопольский общественный и купца Григория Полякова банк». Его самыми активными заемщиками были купцы г. Чистополя, в первую очередь хлебные торговцы. Банковский процент при этом составлял 7-8 % годовых. Так, чистопольский купец Е.Г. Шашин 22 июня 1892 г. подал заявление о выдаче ему ссуды (5 000 руб.), сроком на 3 года, под залог двух деревянных домов, оцененных в 11 943 руб. [12, с. 8, 16, 21]. Кредит был получен и использован для закупки крупной партии хлеба с целью его перепродажи в Рыбинске.

В начальный период Первой мировой войны условия кредитования изменились незначительно. Так, 19 января 1915 г. чистопольский мещанин В.Л. Маклаков подал заявление в Общественный банк о предоставлении ему кредита (11 900 руб.), сроком на 4 месяца, под залог ржаной муки, оцененной в 17 000 руб. Несмотря на военное время, ссуда была предоставлена под довольно умеренные проценты (8,5 % годовых), что позволило заемщику вовремя полностью рассчитаться с банком [13, с. 1 об., 4, 7]. Благодаря успешной коммерческой деятельности основной капитал общественного банка к 1 января 1876 г. возрос до 91 332 руб. [14, с. 28], а к 1 января 1904 г. – до 190 235 руб. [15, с. 1]. По сравнению с 1864 г. он возрос в 5,4 раза.

Чистопольский общественный и купца Григория Полякова банк играл активную роль не только в экономической, но и в социальной жизни города. В 1869 г. на его средства в г. Чистополе была открыта богадельня, рассчитанная первоначально на размещение и содержание 30 человек. Она размещалась в каменном двухэтажном здании, пожертвованном для этой цели Г.А. Поляковым, и действовала на основе Устава, утвержденного 5 февраля 1869 г. Содержаться богадельня должна была за счет 1/3 части прибыли банка [9, с. 28–29].

В период 1876-1879 гг. на средства банка и пожертвования чистопольских купцов строилось здание 2-го отделения богадельни, обошедшееся в 24 934 руб. [10, с. 303 об.]. Это существенно расширило возможности этого учреждения. В 1904 г. в Чистопольской общественной и купца Григория Полякова богадельне призревалося 20 мужчин и 37 женщин. Расходы на их содержание за год составили около 4 600 руб. Капитал, принадлежавший богадельне, исчислялся суммой 31 389 руб., а стоимость движимого и недвижимого имущества – 11 550 руб. [11, с. 15]. Помимо взрослых, в приюте при ней содержалось около 20 девочек из наиболее бедных семей. Правление богадельни регулярно выделяло деньги (от 1 до 3 руб.) наиболее нуждавшимся гражданам г. Чистополя. Кроме того, некоторым из них разрешалось питаться при богадельне.

В г. Елабуге учреждение городского общественного банка было связано с деятельностью купца 1-й гильдии Ф.Г. Чернова. В сентябре 1854 г. в письме к вятскому губернатору он сообщал о наличии капитала, необходимого для открытия и функционирования детского приюта (более 30 тыс. руб. сер.). При приюте Ф.Г. Чернов планировал учредить общественный банк [7, с. 5 об.].

Детский приют в г. Елабуге, получивший название «Александринский», был открыт 23 апреля 1859 г. Ф.Г. Чернов построил и пожертвовал приюту каменный двухэтажный дом с 20 комнатами, домовую церковь с утварью, каменный флигель, надворные строе-

ния, а также яблоневый сад. Все это имущество было оценено в 21 тыс. руб. [2, с. 485].

Общественный банк Александринского детского приюта действовал на основе устава, Высочайше утвержденного 12 октября 1859 г. [19, с. 97–98]. Таким образом, он являлся старейшим городским общественным банком страны. Основной капитал банка, первоначально пожертвованный Ф.Г. Черновым, составлял 58 тыс. руб. Банк стал выдавать торговцам и промышленникам деньги займы под учет товарных векселей из 6 % годовых, на срок от одного до двенадцати месяцев [5, с. 114]. Под более низкие проценты (4 % годовых) кредиты предоставлялись также городским властям.

Собственно городской общественный банк в г. Елабуге был открыт в 1866 г., с основным капиталом 12 тыс. руб. Из них 7 тыс. руб. пожертвовал крупный елабужский купец И.И. Стахеев, а 5 тыс. руб. составил общественный капитал. При учреждении банка было определено: с купеческого капитала 7 тыс. руб. по 2 % дважды в год (перед праздниками Рождества Христова и Святой Пасхи) раздавать бедным жителям города [21, с. 140].

Существование двух общественных банков с примерно одинаковыми функциями в одном городе было излишне. Поэтому по ходатайству учредителя банк Александринского приюта был закрыт, а его капиталы переданы в Елабужский городской общественный банк. Директором Елабужского банка долгие годы являлся купец А.К. Стахеев. Под его руководством успешно развивалась коммерческая деятельность банка. В 1916 г. основной капитал общественного банка составлял 447 173 руб., запасный – 148 530 руб. Возрастала чистая прибыль. В 1915 г. она выразилась в сумме 18 129 руб. [3, с. 8, 16], в 1916 г. – 27 290 руб. [4, с. 6, 9]. Основными клиентами банка были хлебные торговцы, а также владельцы фабрично-заводских заведений.

Неотъемлемой частью деятельности Елабужского городского банка была финансовая поддержка Александринского детского

приюта. Капиталу, выделенному на содержание приюта, производился особый учет, и о расходовании его банк ежегодно докладывал комитету Главного попечительства детских приютов. Проценты с него шли на содержание приюта, на потребности церкви и жалование священнику, на награды воспитанницам, на приобретение материалов для рукоделия и т. д. Банк ежегодно отчислял часть своей прибыли на содержание приюта. С учетом частных пожертвований имевшийся в наличии капитал приюта увеличился с 33 050 руб. в 1864 г. [17, с. 244] до 100 250 руб. в конце XIX в. (рост в 3 раза) [6, с. 42].

Содержалось в приюте от 50 до 60 девочек, преимущественно круглых сирот и детей из бедных семей. Годовой расход на их содержание составлял от 5 500 до 7 000 руб. В приюте дети бесплатно получали пищу, одежду и обувь, обучались по программе начальной школы, а также рукоделиям. При выпуске из приюта воспитанницы, отличившиеся в учебе и поведении, получали от попечительства единовременные выплаты в размере от 20 до 35 руб. Кроме того, проценты с капитала в размере 2 000 руб., пожертвованного в 1903 г. директором приюта А.Ф. Гирбасовым, предназначались в качестве приданого при выходе в замужество нуждающимся выпускницам приюта [1, с. 3–4].

23 апреля 1909 г. в г. Елабуге было торжественно отмечено 50-летие Александринского детского приюта. Неприкосновенный капитал учреждения в это время составлял 214 150 руб. [8, с. 4]. Александринский приют, таким образом, являлся одним из самых обеспеченных денежными средствами детских приютов России, а его капитал намного превышал совокупный капитал всех детских приютов губернского города Вятки (49 тыс. руб.) [18, с. 152].

Благотворительная деятельность Елабужского банка не ограничивалась поддержкой Александринского приюта. Ежегодно около 4 тыс. руб. выделялось на поддержку нуждающихся учениц Елабуж-

ской женской гимназии, 140 руб. – престарелым и увечным жителям города и т. д. [16, с. 20].

Городские общественные банки заметно уступали акционерным коммерческим банкам по размерам капитала и по масштабам деятельности. Тем не менее, они прочно занимали свою нишу кредитного рынка. Деятельность городских общественных банков сыграла большую роль в развитии торговли и промышленности региона, а также в социальной поддержке наименее защищенных слоев общества. Она была прервана Октябрьской революцией 1917 г. и последовавшими за ней событиями.

Список литературы

1. Ведомство учреждений Императрицы Марии, состоящих под непосредственным их Императорских Величеств покровительством. Елабужский Александринский детский приют. Вятка, 1904.
2. Вятские губернские ведомости. 1858. 27 сентября.
3. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 176. Оп. 1. Д. 5932.
4. ГАКО. Ф. 176. Оп. 3. Д. 953.
5. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 110.
6. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 485.
7. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 13319.
8. Камско-Волжская речь. 1909. 1 мая.
9. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 1869.
10. НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9094.
11. НА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 425.
12. НА РТ. Ф. 985. Оп. 1. Д. 174.
13. НА РТ. Ф. 985. Оп. 1. Д. 561.
14. НА РТ. Ф. 985. Оп. 1. Д. 622.

15. НА РТ. Ф. 985. Оп. 1. Д. 657.
16. Отчет о действиях Елабужского городского общественного банка за 1900 год. Вятка, 1902.
17. Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 годы. Вятка, 1866.
18. Памятная книжка Вятской губернии на 1900 год. Вятка, 1899.
19. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2-е. Т. 34. Отделение второе. СПб., 1861.
20. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 37. Отделение первое. СПб., 1865.
21. Шишкин Н.И. История города Елабуги с древнейших времен. Елабуга, 2007.

**ПИСЬМА В.Ф. КУДРЯВЦЕВА К Н.А. ПОПОВУ:
АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Корнилова И.В.¹, Валеева Ю.Н.²

¹Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

²Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Россия

В статье предпринята попытка фрагментарно проследить общественно-педагогическую деятельность члена-сотрудника Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии В.Ф. Кудрявцева по его письмам, адресованным профессору Московского университета Н.А. Попову.

Ключевые слова: Н.А. Попов; В.Ф. Кудрявцев; письма; Славянское училище; Москва.

**V.F. KUDRYAVTSEV'S LETTERS TO N.A. POPOV:
ASPECTS OF PUBLIC AND PEDAGOGICAL
ACTIVITY**

Kornilova I.V.¹, Valeeva Y.N.²

¹Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

²Institute of History Sh. Mardzhani of Academy of Science Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

In the article was attempted fragmentary to track public and pedagogical activities of the member employee of Ethnographic department Societies of fans of natural sciences, anthropology and ethnography of

V.F. Kudryavtsev for his letters addressed to the professor of the Moscow university to N.A. Popova is made.

Keywords: *N.A. Popov; V.F. Kudryavtsev; letters; Slavic school; Moscow.*

В научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в личном фонде профессора Московского университета, историка-слависта Никола Александровича Попова (ф. 239) сохранилась его переписка с членом-сотрудником Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при императорском Московском университете (ОЛЕАиЭ) Василием Филипповичем Кудрявцевым (1843–1910) [10], совмещавшим активную исследовательскую деятельность с общественно-педагогической. Преподавание в учебных заведениях служило для большинства столичных и провинциальных историков основным источником доходов [15, с. 108–109]. В частности, Н.А. Попов, как и большинство профессоров Московского университета, совмещал преподавание в университете с работой в учебных заведениях [1].

При содействии Славянского Комитета во главе с М.П. Погодиным и Н.А. Поповым, в 1871 г. было открыто Славянское училище для сербских и болгарских девочек при Ново-Алексеевском женском монастыре Москвы. Пятилетний срок обучения был рассчитан на то, чтобы ученицы могли получить полноценное образование и воспитание в православном духе. Более того, изучение русского языка должно было расширить представления о славянской культуре, оказавшей огромное влияние на формирование российской цивилизации. Было предусмотрено изучение Закона Божия, церковно-славянского, русского, французского, немецкого, болгарского, сербского языков, арифметики и начал алгебры, физики и общих сведений из естественных наук, истории и географии, чистописания, черчения, рисования, пения и музыки, рукоделия.

Преподаватели в училище набирались в течение 1871–1875 гг. Среди них были как русские, так и зарубежные специалисты. Так, можно отметить Антона Тодорова Теохарова (1840–1914), выпускника Московского университета, кандидата права, впоследствии известного болгарского деятеля.

В Славянское училище приглашали только тех педагогов, которые проявили себя как преподаватели-практики, владеющие методикой преподавания отдельных предметов, а также богатым набором методических приемов, возможностью свободно переходить от одной методики к другой, так как обучались южнославянские девочки разной степени подготовки.

С 1 сентября 1874 г. по протекции Н.А. Попова русский язык в Славянском женском училище преподавал Василий Филиппович Кудрявцев, педагог, этнограф, фольклорист. В письме, датированном 29 сентября 1874 г. В.Ф. Кудрявцев писал: «Прежде всего я благодарю Вас за доставление мне уроков в Славянском училище. К новой своей аудитории я привыкаю, внимательностью и прилежанием их остаюсь доволен» [11, л. 5].

Следует заметить, что Н.А. Попов к моменту приглашения В.Ф. Кудрявцева в Славянское училище учителем русского языка, уже хорошо его знал, причем не только как педагога, но и как сотрудника Этнографического отдела ОЛЕАиЭ при Московском университете [3]. Василий Филиппович, по всей видимости, соответствовал высоким требованиям, предъявляемым к учителям в этом учебном заведении. Он был человеком думающим, способным к самосовершенствованию. Об этом свидетельствовала его педагогическая деятельность в г. Василе Нижегородской губернии и активное участие в общественно-педагогической работе [2, 4–8]. Уровень знаний Василия Филипповича к этому времени был уже выше того, что он получил в духовной семинарии. К тому же, он был уже достаточно хорошо известен и как этнограф русской провинции, автор

ряда историко-этнографических статей и работ, в том числе и по детскому фольклору [9]. Несомненно, что немаловажную роль сыграло и наличие у него духовного образования, так как ученицы должны были получить православное воспитание. В его работах по детскому фольклору просматриваются качества, весьма важные для педагога – это природный дар учителя и любовь к детям.

В.Ф. Кудрявцев, имея свидетельство учителя уездного училища, получил возможность преподавать русский язык (по одному уроку в неделю). Еще одним подтверждением признания его педагогических заслуг была просьба Нила Александровича принять участие в подборе квалифицированных специалистов: «По вашему письму я предлагал своим товарищам взять уроки арифметики, физики и естественных наук, но никто из них не решается один взять на себя преподавание всех этих предметов. Двое из сослуживцев изъявляют согласие взять уроки: один – уроки арифметики, и если нужно, начало алгебры и геометрии, а другой – уроки физики и естественных наук. Последний преподает у нас ботанику и зоологию. Его имя Франц Иванов. Мендерозь. Он состоит лаборантом при Военном госпитале. На всякий случай я справился во 2 Московской гимназии об учителях естественных наук. В адресной книге учителя таковых предметов не имеется. Математику же преподает Павел Андреевич Фалеев» [11, л. 5–5 об.].

Курс обучения славянских девочек был рассчитан на пять лет. Если они доучивались в России, то монастырь и Славянский комитет финансировали их обучение и в дальнейшем, создавая условия для получения высшего образования и возвращения на родину в качестве учителей славянской истории, литературы, языка. Однако, как следует из письма В.Ф. Кудрявцева Н.А. Попову, это не всегда удавалось и зависело не от желания девочек и их родителей, а от сложившейся ситуации на их родине: «Отчет мой по занятиям в Славянском училище представлен игумену еще на следующей неделе. Жаль, что ученицы уезжают, не закончив, как следует курса» [13, л. 9 об.].

Разнообразный талант и накопленный педагогический опыт В.Ф. Кудрявцева в качестве учителя русского языка в Нижегородском крае оказались востребованными и в Москве. Н.А. Попов, высоко ценивший его педагогические способности, неоднократно давал ему поручения присутствовать на экзаменах в женском Мариинском училище и высказывать свои впечатления и замечания об уровне знаний выпускниц. Так, Василий Филиппович, в сохранившемся кратком письме-отчете Нилу Александровичу, отмечал: «Мне не удалось после экзамена видаться с Вами, чтобы передать мое мнение о ходе дела. Скажу, обстановка Мариинского училища такова, что может радовать педагога. Симпатичность начальницы и ее видимое участие в питомницах долго будут для меня памятными. Как посторонний посетитель, я нашел успехи учащихся блестящими, но, как педагог, я не мог не заметить некоторых пробелов в самом ведении дела преподавания. Я сообщу лишь краткие замечания, которые я сделал тотчас после первого экзамена...» [14, л. 13–14]. Следует отметить обстоятельность замечаний, касающихся методики преподавания географии и полученных ученицами знаний. В.Ф. Кудрявцев, обратив внимание на характер преподавания географии, рекомендовал отойти от традиционных шаблонов в обучении этому предмету, и большее внимание уделять устной речи воспитанниц, их умению грамотно излагать прочитанное, делать свои выводы, и самое главное – знанию географической карты, посредством умения работать с контурными картами. В этом небольшом письме-заметке просматривается знание педагогом основ преподавания предмета и его желание кардинально изменить взгляды учителя на методику преподавания географии России.

По сути дела В.Ф. Кудрявцев в этом небольшом отчете выразил суть тех проблем, которые активно обсуждались педагогическим сообществом на периодически созываемых педагогических съездах. Как учитель-практик, он был в курсе всех новаторских идей, и стре-

мился на основе своего педагогического опыта, а также идей, высказанных передовыми педагогами, улучшить процесс преподавания школьных предметов. Решение написать эти замечания Н.А. Попову – свидетельство того, что интерес обоих к педагогике и образованию был действительно серьезным.

Список литературы

1. Валеева Ю.Н. «Казанские письма» историка Н.А. Попова как источник общественной и культурной жизни Казани дореформенного периода // Вестник архивиста. 2013. № 2. С. 15–28.
2. Корнилова И.В. В.Ф. Кудрявцев – педагог и этнограф Нижегородского края // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4–3. С. 60–64.
3. Корнилова И.В. В.Ф. Кудрявцев – член-сотрудник этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013. Т. 27. № 1. С. 102–110.
4. Корнилова И.В. Василий Филиппович Кудрявцев: Этнограф и просветитель // Россия и современный мир. 2009. № 2. С. 212–221.
5. Корнилова И.В. Русская провинция XIX века в ранних работах В.Ф. Кудрявцева // Вопросы истории. 2011. № 10. С. 149–156.
6. Корнилова И.В. Труды В.Ф. Кудрявцева как источники по истории русской провинции. Вторая половина XIX – начало XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 49–64.
7. Корнилова И.В., Магсумов Т.А. Съезд учителей русского языка Нижегородской губернии 1869 г. // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 11. С. 115–116.
8. Корнилова И.В., Магсумов Т.А. Циркуляры попечителей учебных округов как исторический источник // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 11. С. 117.

9. Кудрявцев В.Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии: Этнографические материалы // Нижегородский сборник / Под ред. А.С. Гацкого. Нижний Новгород, 1871. Т. IV. С. 167–238.
10. Письма В.Ф. Кудрявцева к Н.А. Попову (1874–1876 гг.) // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 239. П. 11. № 44. 8 писем. 15 л.
11. Письмо В.Ф. Кудрявцева Н.А. Попову. Москва. 1874 год. 29 сентября // НИОР РГБ. Ф. 239. П. 11. № 44. Л. 5.
12. Письмо В.Ф. Кудрявцева Н.А. Попову. 1875 год. 21 ноября // НИОР РГБ. Ф. 239. П. 11. № 44. Л. 7 об.
13. Письмо В.Ф. Кудрявцева Н.А. Попову. 1876 год. 11 апреля // НИОР РГБ. Ф. 239. П. 11. № 44. Л. 9 об.
14. Письмо В.Ф. Кудрявцева Н.А. Попову. Москва. 1876 год. 17 мая // НИОР РГБ. Ф. 239. П. 11. № 44. Л. 13–14.
15. Сидорова Л.А. Стиль жизни и научного творчества историков России на рубеже XIX–XX вв. // История и историки. Историографический вестник. 2007. М., 2009.

**МИР ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОВИНЦИИ
В ФОКУСЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ:
ПО СТРАНИЦАМ РАБОТ СОЧИНСКИХ КРАЕВЕДОВ**

Корнилова И.В.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье представлен обзор краеведческих работ по истории дореволюционного Сочинского края, богатого историческими событиями разного масштаба. Одновременно определена историографическая ценность опубликованных статей, свидетельствующих о формировании научной школы.

***Ключевые слова:** Сочинский край; краеведы; локальная история; провинция.*

**THE WORLD OF THE PRE-REVOLUTIONARY
PROVINCE IN FOCUS OF LOCAL HISTORY:
ACCORDING ON PAGES OF WORKS OF THE SOCHI
REGIONAL SPECIALISTS**

Kornilova I.V.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The review of local history works on history of the pre-revolutionary Sochi edge rich with historical events of different scale is presented in the article. The historiographic value of the published articles testifying to formation of scientific school is at the same time determined.

***Keywords:** Sochi edge; regional specialists; local history; province.*

Сочинский край, богатый историческими событиями, представляет большое поле для краеведческих изысканий. Об этом свидетельствуют разноплановые работы сочинских ученых-краеведов, занимающих одно из ведущих мест, как по количеству, так и по качеству исследовательского материала. С целью осмысления накопленного опыта, изучения традиций и современного состояния краеведческой деятельности в регионе, вклада сочинских исследователей, облегчения поиска и последующего применения информации предлагается краткий историографический обзор опубликованных материалов по июнь 2013 г.

Общая хронология пяти войн на территории Сочинского края, а также различная интенсивность боевых действий показана в обобщающей статье А.А. Черкасова «Сочи в войнах: историко-статистическое исследование» [19]. Черноморская береговая линия, созданная в 1830–1845 гг. для решения геополитических задач России также является объектом исследовательских интересов сочинских коллег. На основе архивного материала в контексте событий Кавказской войны 1836–1854 гг. ими рассмотрены воздействие внешних факторов в лице иностранных эмигрантов на население территорий Черноморской береговой линии. Авторы пришли к выводу, что, несмотря на финансирование и значительное число эмигрантов, они не смогли выполнить своей задачи, т.е. не помешали утверждению русских на Северо-Западном Кавказе [3]. Продолжена тема обороны русского Причерноморья авторами в публикации [4], посвященной истории создания форта Головинского, являвшегося составной частью Черноморской береговой линии. В статье авторы уделили внимание одному из аспектов обороны от контрабандных действий со стороны турок. Эта же тема противодействия контрабандным сношениям с Турцией, но в несколько ином ракурсе А.А. Черкасовым в соавторстве с В.И. Меньковским рассмотрена в публикациях [7, 27], освещающих события самого

громкого дела, связанного с Черноморской береговой линией в период Кавказской войны 1848–1851 гг. – кражей мин вокруг форта Навагинского. Главному командиру Черноморским флотом, адмиралу М.П. Лазареву посвящена статья [2], касающаяся организации в первой половине XIX в. пяти успешных десантных операций на Черноморское побережье Кавказа. На основе сохранившихся разнохарактерных документов личного происхождения подробно проанализированы подготовка и проведение десантной операции 13 апреля 1838 г. в районе реки Сочи-Пста [12]. А.А. Черкасов выявил все факторы, обусловившие минимальные потери русских при проведении данной операции.

Продолжает военную тематику статья [11] об одном из нереализованных планов захвата Россией черноморского пролива Босфор в 1897 г., разработанного министром иностранных дел М.Н. Муравьевым и Военным министром П. Ванновским и изложенного в условной телеграмме «Давно без известий».

Нельзя не отметить разнообразие тематики публикаций по истории первой мировой войны на Кавказском фронте. Мозаика исследований чрезвычайно разнообразна – поведение национальных меньшинств и иностранноподданных, проживающих на местной территории (армяне, грузины, греки, чехи) и крушение попыток раскола Российской империи по национальному признаку [14]; беспрецедентная атака военнослужащих 13-й роты 226-го Землянского пехотного полка во время обороны крепости Осовец, известная как «атака мертвецов» [26]; зарождение первой госпитальной базы в Сочи и военно-санитарная деятельность Российского общества Красного Креста [1, 13]; деятельность благотворительных обществ русской провинции на примере Сочинского комитета помощи жертвам войны [16]; правовое регулирование питейного дела в годы первой мировой войны [24, 25]. События гражданской войны рассмотрены А.А. Черкасовым в ракурсе исследования массового третьего

альтернативного движения на Черноморье под руководством председателя Главного штаба Черноморского крестьянского ополчения Н.В. Вороновича [10].

На материалах губернской периодической печати (газеты «Черноморское побережье», «Черноморский край», «Сочинский листок») история России рассмотрена через локальную историю Сочинского края. Прежде всего, реконструирована картина социальной жизни посада Сочи в годы русско-японской войны [23]; забытый патриотизм русских войск [22] и участие сочинцев в первой мировой войне [20]; транспортная система Сочи (наземный и морской транспорт) [18]; питейный вопрос, обусловленный проблемой сохранения городского порядка в Сочи [15]. О.А. Якушенко и А.А. Черкасов события первой русской революции 1905–1907 гг. показали в рамках характеристики революционного брожения в кавказских гимназиях и начальных школах [28].

Не менее ценны материалы публикаций, охватывающих вопросы периода царствования Николая II – процесс административного управления Сочи [9]; вопросы облегчения условий труда и жизни сочинских рабочих [17]; проблема обеспечения товарами первой необходимости посада Сочи [21]; становление курортной зоны в районе Сочи [8]; деятельность сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции [5, 6].

Факт существования сочинского краеведения сомнения уже не вызывает – свидетельством тому являются продолжающиеся научные изыскания историков и краеведов, что позволяет говорить о научной исторической школе, созданной под руководством доктора исторических наук А.А. Черкасова.

Список литературы

1. Ерошенко А.П., Черкасов А.А. Россия в первой мировой войне (1914–1918 гг.): военно-санитарная деятельность Российского Об-

- щества Красного Креста // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 60–72.
2. Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Взгляд в эпоху: десантные операции адмирала Лазарева // Былые годы. Российский исторический журнал. 2006. № 2. С. 33–35.
 3. Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Деятельность иностранных эмиссаров на территории Черноморской береговой линии 1836–1854 гг. // European researcher=Европейский исследователь. 2011. № 2. С. 143–146.
 4. Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Форт Головинский: от десантной операции до создания укрепления (1839 г.) // Известия Сочинского государственного университета. 2008. № 1–2. С. 178–182.
 5. Маркелова Н.Е., Черкасов А.А. Деятельность Сочинской опытной станции: дореволюционный период // Былые годы. Российский исторический журнал. 2008. № 3. С. 3–6.
 6. Маркелова Н.Е., Черкасов А.А. Деятельность Сочинской опытной станции: дореволюционный период // Былые годы. Российский исторический журнал. 2008. № 3. С. 7–13.
 7. Меньковский В.И., Черкасов А.А. Неизвестные страницы Кавказской войны (1848–1851 гг.): Черноморская береговая линия и минное дело // European researcher=Европейский исследователь. 2010. № 2. С. 152–157.
 8. Рожко Е.Э., Черкасов А.А. Курорт Сочи в дореволюционный период: социальные черты локальной истории // Былые годы. Российский исторический журнал. 2007. № 4. С. 26.
 9. Черкасов А.А. Административное управление Сочи в период царствования императора Николая II (1894–1917 гг.) // Известия Сочинского государственного университета. 2009. № 2. С. 192–198.
 10. Черкасов А.А. Н.В. Воронович «Народное ополчение – армия третьей силы» // Былые годы. Российский исторический журнал. 2009. № 1. С. 34–47.

11. Черкасов А.А. «Давно без известий»: о проекте захвата Босфора русскими войсками в 1897 г. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2011. № 3. С. 5–10.
12. Черкасов А.А. Десантная операция в устье реки Соча-Пста (13 апреля 1838 г.): подготовка и проведение // Былые годы. Российский исторический журнал. 2011. № 1. С. 10–16.
13. Черкасов А.А. К истории научных и благотворительных обществ посада Сочи в начале XX в. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2008. № 3. С. 3–6.
14. Черкасов А.А. Национальные меньшинства Российской империи в годы первой мировой войны: некоторые аспекты // Былые годы. Российский исторический журнал. 2009. № 4. С. 20–27.
15. Черкасов А.А. Провинциальный город Российской империи (1894–1917 гг.): проблема сохранения городского порядка (на примере города Сочи) // Клио. 2011. № 1. С. 62–67.
16. Черкасов А.А. Провинция в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.): деятельность благотворительных обществ (на примере посада Сочи) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 1. С. 59–61.
17. Черкасов А.А. Промышленность и рабочий вопрос в период царствования императора Николая II (1894–1917 гг.) (на примере посада Сочи) // Известия Сочинского государственного университета. 2009. № 4. С. 222–224.
18. Черкасов А.А. Транспортная система провинциального города в начале XX в. (на примере посада Сочи) // European researcher=Европейский исследователь. 2011. № 1. С. 38–43.
19. Черкасов А.А. Сочи в войнах: историко-статистическое исследование // Былые годы. Российский исторический журнал. 2006. № 2. С. 3–7.
20. Черкасов А.А. Сочи в первой мировой войне: провинция глазами региональной периодической печати // Известия Сочинского государственного университета. 2008. № 3–4. С. 202–208.

21. Черкасов А.А. Центр и окраины: обеспечение товарами первой необходимости посадка Сочи (1902–1917 гг.) // История и историки в контексте времени. 2010. № 6. С. 56.
22. Черкасов А.А. Центр и окраины: патриотизм в годы первой мировой войны // Былые годы. Российский исторический журнал. 2009. № 2. С. 4–12.
23. Черкасов А.А. Центр и окраины: русско-японская война глазами провинциальной периодической печати // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1. С. 188–191.
24. Черкасов А.А., Бекман Й. К истории питейного дела в России в конце XIX – начале XX вв. // Известия Сочинского государственного университета. 2010. № 2. С. 116–120.
25. Черкасов А., Меньковский В. Правовое регулирование питейного дела в России в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Научный журнал Власть и общество (История, теория, практика). 2011. Т. 2. № 18. С. 56–67.
26. Черкасов А.А., Рябцев А.А., Меньковский В.И. «Атака мертвецов» (Осовец, 1915 г.): миф или реальность // Былые годы. Российский исторический журнал. 2011. № 4. С. 5–11.
27. Черкасов А.А., Рябцев А.А., Меньковский В.И., Тараканов В.В., Навроцкий А.В. По высочайшему повелению (материалы следственного дела о краже мин в форте Навагинском Черноморской береговой линии. 1851 г.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013. Т. 27. № 1. С. 5–15.
28. Якушенко О.А., Черкасов А.А. Наместничество кавказское в революционных событиях 1905–1907 гг.: политическая и криминогенная ситуации // Известия Сочинского государственного университета. 2010. № 2. С. 121–124.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ШКОЛЫ

Магсумов Т.А.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье презентуется анализ справочных изданий как источников по истории среднего профессионального образования в России на рубеже XIX–XX вв. Источниковедческое исследование справочников сфокусировано на попытке показать их разнообразие, дать представление об их содержании, систематизировать справочники для облегчения их использования и снабдить методикой работы с ними.

Ключевые слова: образование; справочник; энциклопедия; Российская империя.

REFERENCE MEDIA AS A SOURCE ON HISTORY OF PRE-REVOLUTIONARY SCHOOL

Magsumov T.A.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

In article the analysis of a reference media as sources on stories of secondary professional education in Russia at a boundary of the XIX–XX centuries is presented. Source study research of directories is focused on attempt to open their variety, to give an idea of their contents, to systematize directories for simplification of their use and to supply with a work technique with them.

Keywords: education; directory; encyclopedia; Russian empire.

Справочные издания, несмотря на существенность, выверенность и обобщенность содержащейся в них информации хоть и являются базой для современных исторических, и, в частности, историко-образовательных исследований, но занимают, как правило, последние места в источниковедческих обзорах историко-педагогических работ, а в самом исследовании используются лишь как вспомогательное средство.

В процессе исследования необходимо привлекать разнообразные универсальные и отраслевые центральные и региональные справочные издания: словари, указатели, энциклопедии, справочники [15]. Они оказывают существенную помощь в историческом поиске, систематизации больших объемов информации [31] и библиографическом разыскании [12], поскольку справочники для профессионального историка есть «инструмент исторического познания, при помощи которого разнообразная и многочисленная информация тематически представлена в концентрированной, формализованной словесной форме, облегчающей нахождение и пользование этой информацией» [30, с. 6]. Позволим себе развить мысль недавно ушедшего от нас Ярослава Николаевича Щапова об особой источниковедческой и историографической роли справочников – их вторичности в информационном плане, «так как их цель – указать, где можно найти необходимую историческую информацию (в источниках, документах и исследованиях, в литературе, в архивах и т.д.)» [30, с. 9]. Это весьма логичное мнение ставит справочные издания в отдельную и от источников [9], и от историографии группу. Поэтому предлагаемое нами помещение дореволюционных справочников в источники, а советских и современных – в литературу является очень условным, и обосновывается скорее авторством справочных статей, принадлежащих перу ведущих специалистов по рассматриваемым проблемам.

Энциклопедические издания этого периода являются весьма важным источником и вполне правомерно определение Я.Н. Щаповым

конца XIX – начала XX в. «золотым веком русских энциклопедических изданий» [30, с. 22]. Стоит отметить, что на дореволюционный период разграничение дефиниций «словарь» и «энциклопедия» не делалось, определяющим был алфавитный подбор материала, и оба обозначения употреблялись параллельно.

В первую очередь используется по сей день являющийся одним из лучших «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», содержащий в себе максимальное количество материала, персоналий, сведений о деятелях науки, истории, культуры [6; 14]. Безусловно, привлекается дореволюционное издание «Энциклопедического словаря» братьев А. и И. Гранат, превратившееся на рубеже веков из чисто справочного пособия в образовательную книгу, преимущественно по общественным наукам, предназначенную для широких кругов населения. Наряду с основным текстом, в словаре есть так называемые текстовые приложения более мелким шрифтом с самостоятельной нумерацией страниц, в которых даются дополнительные материалы и статьи, посвященные отдельным проблемам. Например, таковым приложением является статья «Коммерческое образование». В целях изучения роли религии в образовании [8] значимо привлекать важное научное издание исследуемого периода по православию – «Православная богословская энциклопедия» [23].

Обозначим характерную специфику справочников как видовой группы источников. Во-первых, мы считаем, что отдельные регионы приблизительно одинаково насыщены справочными изданиями. Во-вторых, это особенности хронологического характера. Интенсификация деятельности по изданию справочников становится заметной с середины XIX в., но это в основном справочники, которые представляют для нас лишь историографический интерес. Примерно с 1849–1851 гг. на местах начинается издание серий «Адрес-календарь» для каждой губернии. Во второй половине XIX в., особенно в 70-е гг. наблюдается значительное увеличение числа справочных из-

даний. Появляются справочники, посвященные отдельным городам. Расцвет наблюдается с 90-х гг. XIX в. до 1916 г. Ежегодно каждая губерния, почти каждый город выпускают справочники о своем состоянии. В них указаны улицы, учебные заведения, градоначальники, полицейские управления, гимназии, университеты и т.п. Первая мировая война, революция и гражданская война принесли временное, но резкое падение интереса к такого рода изданиям.

Губернские памятные книжки, выпускавшиеся под различными названиями («Справочная книжка...», «Адрес-календарь...», «Памятная книжка...», «Календарь...»), начинают издаваться с конца 1840-х гг. (Ковенская губерния, 1848 г.), по большинству же губерний – с 1850–1860-х гг. К сожалению, содержание всех этих публикаций заметно различалось как по административным территориям, так и годам изданий. В наиболее совершенном варианте они состояли из четырех больших блоков: адрес-календарь, административный справочник, статистический обзор и научно-краеведческий сборник. В губернские памятные книжки включены различные экономико-географические и статистические сведения. В «Адрес-календарях» [1] содержится информация о должностных лицах губернии, в частности, о директорах [7], инспекторах и преподавателях (штатных и внештатных) [32] учебных заведений. В них указывается фамилия, имя, отчество, звание, статус, занимаемая должность, место проживания. О справочной функции издания свидетельствуют его структура (сведения расположены по ведомствам, а не по лицам) и содержание (для каждого служащего указываются только чин и должность, а также имя-отчество).

Среди городских справочников следует особо выделить работы П.Л. Мартынова [21] и Н.П. Загоскина [29]. Оба справочника, составленные местными историками, являются не просто изданиями, в которых можно навести справку, но и своеобразными энциклопедиями городской жизни, в которых представлен исторический очерк

и современное авторам состояние городов. Материалы разделены на крупные тематические блоки, важнейшим из которых для нас является «Народное образование». Дано краткое описание истории и сводка текущего состояния каждого отдельного учебного заведения, причем справочный характер «Спутника» Н.П. Загоскина заметнее: им даны сведения о руководстве, адрес и телефон учебных заведений.

Количественный состав, территориальное распределение и профиль профессиональных школ позволяют уточнить списки учебных заведений. Они были всероссийскими, региональными ведомственными и межведомственными. Первым из них стал подготовленный к реформе 1888 г. алфавитный указатель профессиональных школ страны по всем ведомствам [2]. В списках по губерниям содержалась более точная и полная информация: так, в списке ремесленных училищ Казанской губернии [26] присутствуют сведения о них [10] и о ремесленных классах при общеобразовательных школах. Среди ведомственных списков-справочников преобладают издания МНП, а с 1910-х гг. увеличивается их поток со стороны МТП [27; 28], причем указывались средние и начальные казенные и частные учебные заведения.

Весьма интересным источником являются близкие к спискам справочники для поступающих – общероссийские и конкретных учебных заведений.

Пожалуй, одними из самых полных и популярных руководств были справочники, составленные инженером Давидом Семеновичем Марголиным, – «Справочник по среднему образованию» в трех частях, «Студенческий справочник» (начиная со второго издания в 1911 г. – «Справочник по высшему образованию»), «Справочник по медицинскому образованию» [19; 20; 18]. Содержание разделов этих книг в большинстве своем мало отличается от современных справочников для абитуриентов: присутствуют краткие очерки типов школ и отдельных учебных заведений страны, полезная информация о по-

становке учебно-воспитательного процесса, «программы конкурсного испытания с указанием различных экзаменационных требований», перечень учебников, рекомендованных для приготовления к вступительным экзаменам по соответствующим дисциплинам [16] и множество других сведений. Причем это не холодные данные с вовлечением материалов статистики по рейтингу учебных заведений, информации о конкурсном отборе, это, лучше сказать, беллетристика о выборе школы. Менее популярным и сильно сокращенным справочником был «Полный сборник правил приема и программ» всех типов учебных заведений Н.И. Воротинцева [3], который предвараля статья проф. Н.И. Кареева «Выбор высшей школы».

Одним из первых справочников для абитуриентов средних и низших профессиональных школ был «Сборник сведений об условиях поступления и содержания...», составленный И. Переверзевым. Составитель попытался указать все средние и часть низших учебных заведений, но фактически не рассмотрел условия поступления в них, обосновывая это тем, что они «слишком просты и программы их слишком известны; ... передача их заняла бы слишком много места» [24], сведения в сборнике ограничиваются краткой характеристикой конкретных учебных заведений – адресом, наличием стипендий, стоимостью и сроками обучения. Издание подобных справочников продолжалось и в начале XX столетия [22], причем к сведениям об учебных заведениях добавилась информация о курсах, что говорит о росте интереса к получению дополнительного образования.

Справочники конкретных учебных заведений [5; 25] содержат краткие сведения о данной школе: ведомственную принадлежность, юридический статус, историческая справка, структура учебного заведения, указываются специальности, сроки и стоимость обучения, квалификационная характеристика выпускника, его права и преимущества (профессиональные и сословные). Вторая часть справочников включала условия приема, программы вступительных испы-

таний, образцы документов. Своеобразный «рекламный» характер этого источника, направленного на привлечение абитуриента, потребовал осторожного с ним обращения [11], но было выявлено, что содержащаяся в нем информация отличается достоверностью, хотя и раскрывает только положительные стороны школы.

Интересным видом кратких биографических справочников являются многочисленные списки лиц, которые закончили то или иное учебное заведение или служили в каком-либо ведомстве. Это достаточно распространенный вид справочников, они издавались обычно к юбилеям учреждений (вследствие чего большая часть таких списков отпечатаны в составе юбилейных очерков учебных заведений в качестве приложений), или регулярно. В «Списках окончивших курс», как правило, перечисляются окончившие учебное заведение по годам, с указанием имен и званий (профессиональных и специальных), которые были присвоены выпускникам [13]. Кроме всего прочего указывается дальнейшая карьера человека, что придает изданию особую ценность, позволяя выявить вопросы трудоустройства выпускников или продолжения ими образования. В справочнике есть общий алфавитный указатель, по которому можно определить год окончания учебного заведения тем или иным лицом.

Справочная информация отдельным блоком в форме приложений содержится и в первых исторических обзорах по профобразованию. В «Историко-статистическом очерке» под ред. А.Г. Неболсина (1884) дан перечень учебных заведений всех ведомств, во многих случаях присутствуют сведения об их штатах и числе учеников [4]. «Очерк промышленного образования» И.М. Максина (1909) содержит список технических вузов и промышленных училищ МНП, в нем указаны даты их открытия и преобразования, имеющиеся в них отделения [17].

В целом справочные издания помогают уточнить количество профессиональных учебных заведений в конкретных губерниях во

второй половине XIX – начале XX в., выяснить время их основания или преобразования, получить сведения о численности учащихся и педагогов, финансировании школ и составить картину распределения учебных заведений в пределах отдельных губерний, учебных округов и страны в целом.

Список литературы

1. Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 год / Под ред. П. Малова. Казань, 1905.
2. Алфавитный указатель местонахождения в Российской Империи реальных, технических специальных и профессиональных учебных заведений всех ведомств. СПб., [1888].
3. Воротинцев Н.И. Полный сборник правил приема и программ высших, средних и низших общеобразовательных, специальных и профессиональных учебных заведений России, мужских и женских, правительственных и частных: [На 1915–1916 учеб. г.]. 4-е изд. Петроград, [1915].
4. Историко-статистический очерк общего и специального образования в России / Под ред. А.Г. Небольсина. СПб., 1884.
5. Краткие сведения о Казанском промышленном училище и условия приема. Казань, 1907.
6. Магсумов Т.А. Вклад И.А. Стебута (1833–1923) в теорию и практику профессионального образования // Человек и Вселенная. 2011. № 2. С. 19–23.
7. Магсумов Т.А. Директор в системе управления средней профессиональной школой России рубежа XIX–XX веков // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2010. № 5. С. 41–49.
8. Магсумов Т.А. «Закон Божий» и «Основы православной культуры»: pro et contra // Преподавание истории в школе. 2010. Т. 7. С. 18–22.
9. Магсумов Т.А. Источники по истории российской средней профессиональной школы рубежа XIX–XX вв. // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 69–78.

10. Магсумов Т.А. Казанское ремесленное училище в конце XIX – начале XX века: проблемы функционирования ремесленного образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 10. С. 41–46.
11. Магсумов Т.А. Кому и как открывались двери колледжей сто лет назад // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4–5. С. 50–54.
12. Магсумов Т.А. Личные дела преподавателей как исторический источник // Успехи современного естествознания. 2011. № 4. С. 176.
13. Магсумов Т.А. Правовые акты как источник по истории среднего профессионального образования в дореволюционной России // Вопросы правоведения. 2011. № 3. С. 353–362.
14. Магсумов Т.А. «Прометей» российского профессионально-технического образования А.Г. Неболсин (1842–1917) // Международный научный журнал «Витязь». 2011. № 6. С. 23–29.
15. Магсумов Т.А. Среднее профессиональное образование в Казани в конце XIX – начале XX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 253 с.
16. Магсумов Т.А. Экзамены в средних профессиональных учебных заведениях Казани в конце XIX – начале XX вв. // Вестник развития науки и образования. 2008. № 4. С. 30–32.
17. Максин И.М. Очерк развития промышленного образования в России 1888–1908. СПб., 1909.
18. Марголин Д.С. Справочник по медицинскому образованию. СПб.; Киев, 1913.
19. Марголин Д. Справочник по среднему образованию: В 3 ч. СПб.-Киев, 1912.
20. Марголин Д.С. Студенческий справочник: Руководство для поступающих во все высш. учеб. заведения за границей / Сост. инж. Д. Марголин. Киев, 1909.

21. Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования: систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске. Симбирск, 1898.
22. Подробный сборник сведений об учебных заведениях, подготовляющих к практической (профессиональной) деятельности: Средние и низшие казен. учеб. заведения; частные учеб. заведения и курсы. 4-е изд., доп. СПб., 1914.
23. Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь: Прил. к журн. «Странник» за 1900–1910 гг. СПб., 1900–1911. Т. 1–12.
24. Сборник сведений об условиях поступления и содержания в сельскохозяйственных, технических, ремесленных и иных профессиональных средних и низших учебных заведениях, мужских и женских. Издание неофициальное / [Сост.] И. Переверзев. СПб., 1897.
25. Сведения о Казанском среднем сельскохозяйственном училище и правила для поступления в него. Казань, 1913.
26. Список ремесленных заведений и ремесленных училищ Казанской губернии. Казань, 1886.
27. Список ремесленных и технических учебных заведений ведомства Министерства торговли и промышленности. Петроград, 1914.
28. Список художественно-промышленных, ремесленных и горно-технических учебных заведений и учреждений, подведомственных Учебному отделу Министерства торговли и промышленности (по II отд-нию). Петроград, 1915.
29. Спутник по Казани : ил. указ. достопримечательностей и справ. кн. города / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 2005.
30. Щапов Я.Н. Справочный инструментарий историка России. М., 2007.
31. Magsumov T.A. Statistic material as a source of education history // European Journal of Natural History. 2011. № 4. С. 27–27.
32. Magsumov T.A. Konstantin Oleshkevich (1873–1935): outstanding life of a kasan pedagogue // European Journal of Natural History. 2012. № 3. С. 34–35.

**КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В ФОКУСЕ
ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ПО СТРАНИЦАМ РАБОТ
СОЧИНСКИХ КРАЕВЕДОВ**

Магсумов Т.А.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье презентуются наиболее существенные интеллектуальные достижения плеяды сочинских историков в области локальной истории в условиях коренных преобразований российской исторической науки и необходимости проведения комплексной аналитики региональных процессов. Историкографический анализ регионального локуса сфокусирован на создании учеными образа культурно-образовательной среды дореволюционного Сочи.

***Ключевые слова:** локальная история; краеведение; Сочи; Российская империя.*

**THE CULTURAL AND EDUCATIONAL
ENVIRONMENT OF A COUNTRY TOWN IN FOCUS
OF LOCAL HISTORY: ACCORDING TO PAGES
OF WORKS OF THE SOCHI REGIONAL SPECIALISTS**

Magsumov T.A.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The most significant intellectual achievements of the Pleiades Sochi historians in the area of local history in conditions of radical transforma-

tion of the Russian historical science and the need to carry out complex analytic regional processes are presented in article. Historiographical analysis of regional locus focuses on making the scientists' image cultural-educational environment of pre-revolutionary Sochi.

Keywords: *local history; regional studies; history; Sochi; Russian Empire.*

Рубеж XX–XXI веков стал знаковым в развитии краеведения. Именно в это время к проблемам провинциальной истории, которой занимались краеведы-любители, обратилось множество профессиональных ученых. Энциклопедическое повествовательное рассказывание краеведов дополняется комбинированием историками-профессионалами микро- и макро-подходов в изучении местной старины сквозь призму новой локальной истории, позволяющей исследовать с междисциплинарных позиций региональные сообщества как субъекты истории, но в русле общероссийских исторических процессов.

Само название города «Сочи» имеет столетнюю связь с курортом, местом отдыха колоссального числа наших соотечественников, что, естественно, сказалось на доминировании этой темы в проблематике работ местных историков. Ими были локализованы природно-климатические и социально-экономические факторы превращения небольшого селения в известный курорт [12], выявлены и изучены объекты курортной и туристской индустрии, деятельность первых градостроителей [4]. Без внимания не осталась и главная достопримечательность посада Сочи – собор Архангела Михаила, историки выделили основные вехи и проблемы строительства храма, определили его роль в общественной жизни [2]. Более того, специалисты сделали вывод о том, что территория горцев Черноморья являлась исконно христианской, с богатейшим христианским историко-культурным наследием [13]. На материа-

лах периодики рассматривается повседневная культура и культурно-просветительская деятельность в посаде Сочи николаевской эпохи [18]. В области истории курортологии доказано, что врачи сочинского курорта активизировали применение лечебной гимнастики, однако массового применения среди жителей города ЛФК не нашла; развитие же спорта шло медленно вследствие слабости материальной базы и нехватки кадров [3]. В период подготовке к Олимпиаде историками также была проведена серьезная работа – рассмотрено историко-культурное наследие зоны проведения Олимпийских игр Сочи – 2014, акцентировано внимание на полинациональной представительности на данной территории, внесено уточняющее понятие – коренного жителя относительно временному пространству [1].

Была рассмотрена деятельность сочинского комитета одной из крупнейших общественных организаций – Российского Общества Красного Креста [14], отдельные страницы были посвящены росту масштаба его деятельности в годы Первой мировой войны [5; 16], когда Общество пользовалось широчайшей поддержкой населения, самоотверженно трудившегося во имя победы [19]. Среди других организаций довольно оживленную и успешную деятельность проводила Сочинская опытная сельскохозяйственная станция [9], специалисты которой сумели внедрить ряд высокоурожайных плодовых растений.

История потребления алкоголя вследствие злободневности вопроса неоднократно поднималась на страницах научных работ. Сочинские историки подвергли эту проблему многогранному изучению, рассмотрев правовые аспекты питейного дела, эволюцию государственной политики в этом направлении [23], выявили четкую связь между государственными финансами и виноторговлей [20]. Ими была поднята тема социокультурной специфики потребления алкоголя, в частности, особенности потребления спиртных

напитков разными группами населения, отношение общественности к пьянству и алкогольной проблеме, ее влияние на рост социальной напряженности и на сохранение городского порядка в городе Сочи [15].

Периодика, особенно газетная, является одним из специфических и очень важных источников истории повседневности, поэтому закономерен был ее анализ сочинскими краеведами [11], активно привлекающими материалы дореволюционных местных газет – «Сочинского листка» и «Сочинского курьера».

Одним из любимых направлений на протяжении последнего двадцатилетия остается история образования. Сочинские краеведы не остались в стороне от этого вопроса. Значительная часть их работ посвящена начальной школе дореволюционного периода [17; 21; 25], что является вполне обоснованным. Дело в том, что проблема всеобщей грамотности стояла в ряду самых насущных проблем развития страны. Примечательно, что сочинцами история школы последовательно была рассмотрена в трех срезах: всероссийском, региональном и локальном. В историко-образовательных работах был поставлен и вполне обоснованно решен принципиальный вопрос – роль личности в истории, в прогрессе, или, наоборот, в регрессе школы [6; 21], а также дан микросредовой социально-психологический портрет школьника начала XX века [10].

Приятно, что развитие образования привело к появлению в городе крупного университета, студенты которого успешно продолжают заложенные научные традиции в области региональной истории [8]. Особая заслуга в этом деле принадлежит почину сочинских педагогов [7], которые в рамках внедрения компетентностного подхода [22] разработали инновационные курсы [24].

Уровень и содержание трудов сочинских историков заявляют о начале нового периода в развитии краеведения, связанного с реа-

билитацией традиционных способов историописания, но на новой методологической базе с целью уберечь национальные историографические традиции и попытаться преодолеть существующие в науке барьеры. Это дает возможность преодолеть периферийность в научном творчестве и позволяет историкам, занимающимся историей края, базируясь на опыте минувшего, привлекая местные данные, привнести свою лепту в становление новых направлений исторической науки.

Список литературы

1. Гусева А.В., Мамадалиев А.М., Натолочная О.В., Черкасов А.А. Зона Олимпийских объектов Сочи – 2014 и ее историко-культурное наследие // European researcher = Европейский исследователь. 2010. № 1. С. 17–22.
2. Демирчян А.А., Меньковский В.И., Черкасов А.А. Собор Архангела Михаила в дореволюционный период (1874–1917 гг.): основные события и повседневность // История и историки в контексте времени. 2012. № 9. С. 64–71.
3. Ермачков И.А., Черкасов А.А. К вопросу о становлении и развитии физкультуры и спорта в Сочи в конце XIX – первой половине XX вв. // История и историки в контексте времени. 2007. № 5. С. 75–82.
4. Ермачков И.А., Черкасов А.А. Сочи-курорт (1874–1917 гг.): объекты курортной и туристической индустрии // Известия Сочинского государственного университета. 2007. № 1–2. С. 227–230.
5. Ерошенко А.П., Черкасов А.А. Россия в первой мировой войне (1914–1918 гг.): военно-санитарная деятельность Российского Общества Красного Креста // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 60–72.
6. Закаря Э.И., Черкасов А.А. Народное просвещение на Кавказе в период наместничества графа И.И. Воронцова-Дашкова (1905–1915 гг.) // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 36–43.

7. Куклина Е., Черкасов А. Профессиональное становление преподавателей ВУЗов // *Education Sciences and Psychology*. 2011. № 1. С. 17–22.
8. Куклина Е.Н., Черкасов А.А. Студенческое научное общество СГУ-ТИКД: пути развития // *European researcher = Европейский исследователь*. 2010. № 2. С. 212–216.
9. Маркелова Н.Е., Черкасов А.А. Деятельность Сочинской опытной станции: дореволюционный период // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2008. № 3. С. 7–13.
10. Меркулова Л.К., Черкасов А.А. К формированию социально-психологического портрета учащегося первой трети XX века (1900–1930 гг.): некоторые черты // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2008. № 3. С. 32–34.
11. Полякова Л.Г., Черкасов А.А. К 100-летию сочинской периодической печати: становление // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2006. № 1. С. 26–27.
12. Рожко Е.Э., Черкасов А.А. Курорт Сочи в дореволюционный период: социальные черты локальной истории // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2007. № 4. С. 26.
13. Рябцев А.А., Черкасов А.А. Христианство как основная религия горцев Черноморья (первая половина XIX в.) // *Известия Сочинского государственного университета*. 2011. № 1. С. 154–161.
14. Черкасов А.А. К истории научных и благотворительных обществ посада Сочи в начале XX в. // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2008. № 3. С. 3–6.
15. Черкасов А.А. Провинциальный город Российской империи (1894–1917 гг.): проблема сохранения городского порядка (на примере города Сочи) // *Клио*. 2011. № 1. С. 62–67.
16. Черкасов А.А. Провинция в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.): деятельность благотворительных обществ (на примере посада Сочи) // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2010. № 1. С. 59–61.

17. Черкасов А.А. Русская начальная школа в России (1894–1917 гг.): проблемы и перспективы // Веснік Віцебскага Дзяржаўнага ўніверсітэта. 2011. Т. 2. № 62. С. 118–123.
18. Черкасов А.А. Центр и окраины: культурная жизнь посада Сочи в 1894–1917 гг. (по данным периодической печати) // Известия Сочинского государственного университета. 2009. № 1. С. 179–185.
19. Черкасов А.А. Центр и окраины: патриотизм в годы первой мировой войны // Былые годы. Российский исторический журнал. 2009. № 2. С. 4–12.
20. Черкасов А.А., Бекман Й. К истории питейного дела в России в конце XIX – начале XX вв. // Известия Сочинского государственного университета. 2010. № 2. С. 116–120.
21. Черкасов А.А., Куклина Е.Н. Деятельность церковно-приходской школы в Российской империи: теория и практика // Известия Сочинского государственного университета. 2011. № 4. С. 141–145.
22. Черкасов А.А., Мельников В.М. Теоретические и прикладные проблемы внедрения компетентностного подхода в системе высшего профессионального образования // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 1. С. 146–149.
23. Черкасов А., Меньковский В. Правовое регулирование питейного дела в России в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Научный журнал Власть и общество (История, теория, практика). 2011. Т. 2. № 18. С. 56–67.
24. Черкасов А.А., Натолочная О.В., Мамадалиев А.М. Инновационный курс «Черноморское побережье г. Сочи и мировые цивилизационные процессы» как реализация локального подхода к изучению г. Сочи // В мире научных открытий. 2010. № 2–1. С. 90–94.
25. Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894–1917): developmental milestones // Social Evolution & History. 2011. Т. 10. № 2. С. 138–149.

ВЛАСТЬ И ЗЕМСТВО: ОПЫТ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

Низамова М.С.

Набережночелнинский филиал института экономики,
управления и права (г. Казань), г. Набережные Челны, Россия

Статья посвящена рассмотрению земских контактов по обмену опытом работы по разным вопросам в условиях запрещения межземской организации. Раскрывается правительственная политика по отношению к земским учреждениям.

Ключевые слова: *земское самоуправление; переписка земств; земские инициативы; земская медицина; межземские связи.*

POWER AND COUNTRY COUNCIL: VOLGA REGION AND URAL'S EXPERIENCE

Nizamova M.S.

Institute of Economics, Management and Law (Kazan),
Naberezhnye Chelny branch, Naberezhnye Chelny, Russia

This article is devoted to investigate country council's contacts of sharing experiences in different ways under conditions of forbidding the inter-country council's organization. Government policy to country council's institutions is developed.

Keywords: *country council's self government; country council's correspondence; country council's initiative; country council's medicine; country council's contacts.*

Рассматриваемая тема предполагает освещение широкого круга вопросов. В настоящей статье затрагивается лишь часть из них. Ос-

новой для данной работы послужили историко-статистические материалы, справочные издания, делопроизводственная документация земств.

Цель исследования – рассмотреть соотношение и взаимовлияние хозяйственной и политической сторон органов земского самоуправления Поволжского и Уральского регионов дореволюционной России. Одна из задач данной работы – выявить и раскрыть межземские контакты по разным вопросам в условиях запрещения общеземской организации, рассмотреть переписку земств и обмен печатной продукцией, иные шаги к консолидации земского движения, а также правительственную политику по отношению к земским учреждениям.

Особенностью земства было его введение только на двух уровнях: уездном и губернском. Земство не имело своих структур ни на низших уровнях (волость, селение), ни на общероссийском уровне (общеземский съезд). Такая практика сохранялась и после земской контрреформы 1890 года.

В компетенцию земского самоуправления входило только решение хозяйственных вопросов на местах. Под строжайшим запретом оставалась политическая деятельность и обсуждение политических вопросов на земских собраниях. Правительственная политика по отношению к земским учреждениям характеризовалась стремлением к ограничению их деятельности или к удержанию в определенных рамках. Запрещалось сотрудничество с земствами других губерний. Долгое время межземские контакты фактически сводились лишь к обмену информацией. Министерство внутренних дел до конца 1890-х годов жестко сдерживало любые попытки земств выйти за рамки своей губернии и создать предпосылки для общеземского объединения. Для руководителей земств устанавливалась административная и уголовная ответственность за выход из рамок своей компетенции. Однако с самого начала земства претендовали на расширение круга

своих полномочий и имели тенденцию к вторжению в область политики [13; 14].

Со стороны правительства в итоге была проведена земская контрреформа 1890 года, целью которой было усиление административного контроля над местным самоуправлением. Права земских учреждений были существенно урезаны. Все это способствовало еще большему вовлечению земцев в политику. К началу XX века усилились оппозиционные настроения, появилось земское либеральное движение. Многие зависело от социального состава земств, от уровня образования и просвещенности земских гласных и от их гражданской и жизненной позиции. Соотношение и взаимовлияние хозяйственной и политической сторон земских учреждений можно проследить на примере земств Поволжского и Уральского регионов.

На протяжении всех лет существования местного самоуправления земцы прибегали к практике подачи ходатайств для расширения их деятельности. В 1902 году Самарская губернская земская управа ходатайствовала перед МВД о разрешении печатания без предварительной цензуры под ответственность председателей управ изданий земства. Однако это ходатайство было отклонено. МВД посчитало, что обсуждаемое ходатайство не дает никаких оснований создавать для земства какие-либо льготные условия [8, лл. 72–72 об.].

Несмотря на то, что общеземской организации не существовало и губернским земствам запрещалось поддерживать связи, архивные источники наглядно свидетельствуют, что земства изыскивали разные способы для установления контактов и обмена опытом работы по разным вопросам. Земские губернские управы, несмотря на определенные ограничения, организовали переписку по наиболее важным вопросам социально-экономической деятельности. Так, например, Самарское губернское земство переписывалось по вопросам народного образования со следующими земствами: Саратовским, Симбирским, Пензенским, Вятским, Полтавским, Харьковским,

Витебским, Таврическим, Тамбовским, Смоленским, Тверским, Нижегородским, Московским, Ярославским, Курским, Воронежским, Олонецким, Новгородским, Елисаветградским [4, лл. 2, 4, 8, 11, 14, 20, 22–23, 30–31, 34, 38, 47, 49–50, 56–57, 66, 68; 6, л. 24]. Приходила корреспонденция и из Читы, от директора народных училищ Забайкальской области.

В переписке с Саратовским земством поднимались вопросы о введении всеобщего начального обучения, об отношении к церковно-приходским школам [4, л. 4]. Смоленское земство, в поисках наиболее действенных средств внешкольного просвещения предлагало наладить обмен опытом работы и картинками для устройства народных чтений с «волшебным фонарем» [8]. Харьковская губернская земская управа просила поделиться опытом двухсменной системы обучения в школе [9]. В очередном своем послании Харьковская губернская земская управа просила познакомить ее с отчетностью, в библиотечном деле [6, л. 2]. Нижегородская губернская земская управа любопытствовала о постановке и развитии вопроса улучшения материального положения учителей [4, л. 20]. Воронежское земство интересовалось участием Самарского губернского земства в расходах по устройству школьных и народных библиотек, народных чтений, воскресных и повторительных классов и библиотек для учителей. Также было обращено внимание к вопросу о выдаче денежных пособий учителям для приобретения книг [4, л. 31]. Московское земство хотело ознакомиться с мероприятиями по улучшению быта учителей, а также просило выслать земские издания [4, л. 47].

Переписка с земствами по самым разнообразным вопросам продолжалась и в начале XX века. В число корреспондентов Самарского земства входили также: Бессарабское, Киевское, Златоустовское, Уфимское, Казанское, Калужское, Подольское, Тираспольское, Одесское, Спасское уездное земство Казанской губернии, Юрьевское уездное земство Костромской губернии, Кунгурское уездное земство

Пермской губернии [5, лл. 1–2, 4, 6–7, 9–10, 13, 15–18, 21–23, 26]. Замечаем активный интерес земцев к вопросам проведения педагогических курсов для учителей, устройства центральных, районных и пришкольных библиотек, снабжения школ наглядными пособиями, организации музеев, книжной торговли и др. [5, л. 1]. Саратовская губернская земская управа интересовалась устройством санаториев для учителей [5, л. 26]. Кунгурское земство привлекли внимание мероприятия по повышению квалификации фельдшеров [5, л. 21]. Как свидетельствует информация из архивных документов, уже через 10 лет после контрреформы в связи с сокращением крупных землевладельцев, многие земские собрания ходатайствовали об изменении земского представительства [2, 3, 7, 10, 15].

Из переписки 1913 года Самарской губернской земской управы с аналогичными управами Бессарабской, Владимирской, Вологодской, Казанской, Екатеринославской, Костромской губерний, узнаем, что было решено возбудить ходатайство перед МВД о скорейшем созыве съезда по пересмотру «Положения о земских пенсионных кассах» [9, лл. 1, 9–10].

Об активном общении и взаимодействии руководства местного самоуправления может поведать не только переписка земств. Земства также пересылали друг другу свои печатные издания. В губернские земские библиотеки Поволжья и Урала переправлялись из других регионов доклады, отчеты, постановления губернских съездов, сборники статистических материалов, ежегодники и другая земская печатная продукция. Об этом свидетельствует, например, список печатных изданий, поступивших в библиотеку Симбирской губернской земской управы за время с 1 по 15 марта 1909 года [11, лл. 3–4, 6–12, 31]. В указанном списке представлены «Казанская газета» № 8, 9 за 1909 год; «Пермская земская неделя» № 8, 9 за 1909 год; «Вестник Псковского губернского земства» № 8, 9, 10 за 1909 год; Журналы Вятской губернской оценочной комиссии за 1908 год;

Материалы по оценке фабрик, заводов и промышленных заведений Вятской губернии; Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии; Отчет по содержанию Вятских губернских земских благотворительных заведений за 1907 г.; Статистический ежегодник 1908 года Харьковской губернской земской управы; Отчет о состоянии врачебных участков и деятельности медперсонала, находящегося в ведении Киевского земства за 1907 год и др. [11, л. 3–4]. Из Казанской губернской земской управы были присланы опубликованные «Отчеты по техническому отделу за 1907 г. и за 1908 г.»; «Материалы по народному образованию» в губернии; «Крестьянское землевладение Казанской губернии» [11, лл. 6, 6 об.]. От Саратовского земства были получены доклады: «По экономическому отделению»; «По народному образованию»; «По оценке городских недвижимых имуществ»; «По отделению народного здравия»; «По строительным работам»; «Об устройстве водоснабжения»; «О благотворительной помощи населению». С земствами Симбирской губернии переписывались Вологодская, Костромская, Черниговская, Харьковская, Владимирское земство, Полтавское, Псковское, Тульское, Самарское, Олонецкое, Ярославское, Саратовское, Смоленское, Киевское, Таврическое, Екатеринославское, Уфимское, Московское, Тамбовское, Казанское, Нижегородское, Пермское [11, лл. 7, 8, 9, 10, 10 об., 11, 12, 31].

Органы земского самоуправления наладили практику обмена опытом в развитии кумысного дела. Так, например, Уфимское земство в 1905 году выделило 300 рублей на командирование врача по урегулированию кумысолечебного дела в Самарской губернии [17, с. 36].

Координации работы земств способствовали также профессиональные съезды: учителей, врачей, фельдшеров и других земских служащих. Земской контрреформой 1890 года правительство стеснило земства и, в том числе, создало препятствия для созыва подобных съездов, поэтому в 1890-е годы их было относитель-

но немного. Однако, наиболее передовые представители земской интеллигенции, рискуя попасть в список политически неблагонадежных, поднимали социальные вопросы того времени: о всеобщем начальном образовании, о внешкольных формах просвещения и др., что приобретало политическое звучание и способствовало сплочению сил, оппозиционных самодержавию. Земские ходатайства и конкретная большая деятельность в области развития народного образования привели к введению закона 1908 года о всеобщем начальном обучении.

В начале 1890-х годов заметно возросла общественная активность медиков, которая встречала настороженное отношение со стороны властей. Уже в то время считалось, что медики в своей деятельности выходят за отведенные им рамки. Земские медики Казанской губернии принимали самое активное участие по ликвидации голода 1891-1892 гг. и его последствий. Составляя списки голодающих, врачи не просто отправляли их в уездные и губернские управы, но и, в пояснительных записках к ним, анализировали трудности крестьянского быта и социальные причины голода. Прежде всего, врачами отмечалась связь между крестьянской бедностью и крайне неблагоприятными санитарно-бытовыми условиями: теснотой в избах, грязью, неудовлетворительным качеством питьевой воды и, нередко, питанием суррогатами (хлеб с примесью лебеды и т.п.). Все это, как отмечали медики, создавало благоприятную почву для всевозможных заболеваний, в том числе и эпидемического характера.

Несмотря на то, что в 1901 году правительством были приняты антиземские правила о съездах врачей, последние сыграли значительную роль в развитии межгубернских земских связей [1, с. 30]. Иногда земцы игнорировали правительственные запреты и созывали съезды без разрешения властей. Как указывал дореволюционный исследователь Жбанков Д. Н., в период с 1871 по 1913 гг. в Поволж-

ском регионе состоялось 52 съезда губернских врачей и в Уральском регионе 26 съездов [12, с. 10–11; 192–194]. Мы подсчитали, что в Самарской губернии проведено 16 съездов – больше чем в других губерниях Поволжского и Уральского региона. Губернским съездам принадлежит важная роль в консолидации земских врачей для решения не только профессиональных, но и общегосударственных задач. Выделим основные направления деятельности съездов: развитие системы земской медицины; обмен опытом практической врачебной работы; обсуждение мер по борьбе с эпидемиями.

В 1904 году, во время русско-японской войны у земств появилась возможность заявить о себе участием в ней своими конкретными делами, объединившись в общегосударственном масштабе. По инициативе Московского губернского земства возникла общеземская организация помощи больным и раненым воинам во время войны. Был образован общеземский комитет, в который вошло 13 земств, внесших взносов более одного миллиона рублей. Однако министр внутренних дел В.К. Плеве усмотрел в объединении земств серьезную опасность. 17 апреля 1904 года МВД запретило дальнейшее присоединение других губерний к общеземской организации. Но именно тогда был накоплен первый опыт взаимодействия губернских земств по их совместному участию в общероссийских акциях по оказанию помощи больным и раненым воинам, который с успехом использовался в годы Первой мировой войны. В целом правительству не удалось полностью устранить земства от общественно-политической жизни России. Как указывает историк земств Г.А. Герасименко, «бюрократия не сумела также заглушить земскую оппозицию. Земства все чаще выходят за пределы чисто хозяйственных вопросов и обращают внимание властей на необходимость некоторого расширения их политических прав» [1, с. 26].

В обстановке нарастания политического кризиса и революционной волны происходила консолидация земского движения. Важным

этапом в истории земского общественного движения явился земский съезд, состоявшийся в ноябре 1904 года в С.-Петербурге. На съезде присутствовали представители большинства земских губерний. Земцы требовали созыва народного представительства с законодательными функциями, гражданских свобод, равноправия сословий, расширения полномочий местного самоуправления [1, с. 30]. В период первой российской революции 1905–1907 гг. земская интеллигенция активно выступала за демократизацию земского самоуправления, увязывая это с переустройством государственного строя на основе представительной формы правления.

Необходимо отметить, что в дальнейшем, отдельные земские инициативы находили поддержку у правительства. Уже в самом начале Первой мировой войны, 4 августа 1914 г. Бугурусланское уездное собрание Самарской губернии выступило с предложением о запрещении винной продажи в губернии на весь период боевых действий. Губернское земское собрание поддержало данное ходатайство, посчитав, что продажа спиртных напитков в военное время не способствует росту патриотического сознания населения. Правительство пошло навстречу пожеланиям земств. 16 сентября императорским указом казенная торговля водкой была прекращена [16, л. 72].

Созданные как хозяйственные органы на местах, земства в целом справлялись с поставленными перед ними культурно-хозяйственными задачами, однако также не оставались в стороне и от политической жизни страны. Губернскими управами и передовыми земцами был накоплен большой опыт по выстраиванию межземских связей и обмену опытом работы. Требуя создания общеземской организации, обращаясь к острым социальным проблемам, органы местного самоуправления стали заметным фактором политической жизни России, превратились в определенную влиятельную силу, с мнением которой правительство вынуждено было считаться.

Список литературы

1. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М.: Наука, 1990. 264 с.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 615.
3. ГАПО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 97.
4. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 6. Д. 36.
5. ГАСО. Ф. 5. Оп. 6. Д. 76.
6. ГАСО. Ф. 5. Оп. 6. Д. 88.
7. ГАСО. Ф. 5. Оп. 8. Д. 328.
8. ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 763.
9. ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 832.
10. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 199.
11. ГАУО. Ф. 46. Оп. 18. Д. 4.
12. Жбанков Д.Н. О деятельности санитарных бюро и общественно-санитарных учреждений в земской России: Краткий исторический обзор. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1910. 71 с.
13. Магсумов Т.А. Современное состояние историко-педагогических исследований // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 5. С. 35-35.
14. Магсумов Т.А., Корнилова И.В. Традиции изучения географии, истории и культуры Прикамского края // Приволжский научный вестник. 2013. № 6. С. 57-61.
15. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). Ф. 119. Оп. 1. Д. 832.
16. Российской Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1247.
17. Смета расходов и доходов Уфимского губернского земства на 1905 г. Уфа, 1905.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ УЧАЩИХСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КАЗАНИ

Низамова М.С.

Институт экономики, управления и права (г. Казань),
Набережночелнинский филиал, г. Набережные Челны, Россия

Дается положительная рецензия на монографию историка, краеведа, доцента Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов Т.А. Магсумова «Казанские школяры на рубеже XIX–XX веков: облик, повседневность, среда» (LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 268 с.), в которой на богатом документальном материале представлен целостный образ учащейся молодежи дореволюционной Казани.

Ключевые слова: история образования; среднее профессиональное образование; повседневность; Казань.

SOCIO-CULTURAL IMAGE AND DAILY LIFE OF VOCATIONAL SCHOOLS STUDENTS IN PRE-REVOLUTIONARY KAZAN

Nizamova M.S.

Institute of Economics, Management and Law (Kazan),
Naberezhnye Chelny branch, Naberezhnye Chelny, Russia

The positive review of the monograph of the historian, the regional specialist, the associate professor of the Naberezhnye Chelny institute of social and pedagogical technologies and the T.A resources is given. Magsumova «The Kazan schoolboys at a turn of the XIX–XX centuries:

appearance, daily occurrence, environment» (LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 268 pages) in which on a rich documentary material the integral image of studying youth of pre-revolutionary Kazan is provided.

Keywords: *history of education; secondary vocational education; daily; Kazan.*

Одна из актуальных на сегодняшний день тем – повседневность в ее молодежном аспекте – пополнилась новым научным изданием Т.А. Магсумова «Казанские школяры на рубеже XIX–XX веков: облик, повседневность, среда», опубликованным за рубежом. Автором представлена комплексная характеристика учащейся молодежи Казани конца XIX – начала XX века в контексте ее повседневной жизни. Современный период развития отечественной науки представляет настоящий расцвет истории повседневности [12; 26]. Интерес историков, социологов, философов к изучению повседневности не случаен, так как область быденного раскрывает жизненный мир рядового человека в истории и соотносится с социальными процессами. Повседневность – особая сфера социокультурной реальности. Мир повседневности – это реальный человеческий мир с его заботами, это быт, который втягивает в орбиту повторяемости смыслы человеческого бытия. Только в рамках повседневного мира рождается и растет человек, расцветает культура, искусство, наука и религия. На повседневную жизнь влияют социальные условия развития общества [34, с. 175]. Специалисты, занимающиеся этим направлением, используя определенные оригинальные исследовательские методики, доказали, что без изучения специфики повседневной жизни невозможно приблизиться к относительно адекватному описанию прошлого [33]. В свете вышесказанного изучение повседневности молодежи на различных этапах развития российского общества является проблемой актуальной и научно значимой [30; 32; 36].

Рецензируемая работа отличается научной новизной, постановкой и исследованием недостаточно изученного пласта истории образования дореволюционной России – проблемы социокультурного облика учащейся молодежи, ее повседневности и проявлений социальной активности [18, с. 8]. Сфокусировано внимание на мало отраженных вопросах, связанных с характеристикой настроений молодежи, влияния городской культуры, интеллигенции на формирование потребностей молодого поколения [5; 6; 8; 13].

В современный период развития российской науки, в эпоху «методологического вольнодумства и безответственности», исследователю Т.А. Магсумову удалось выделить и применить из большого количества методологических подходов и методов исследования [1] именно те, которые наиболее полно, непротиворечиво и объективно помогли составить целостный образ объекта и предмета исследования [10; 27]. В основу методологической базы изыскания была положена совокупность общенаучных и специально-исторических методов и подходов научного исследования [18, с. 11–12].

К достоинствам монографии следует отнести яркость фактических сведений, достигнутую благодаря скрупулезной работе, проведенной исследователем по изучению обширного поля источников [4; 17; 31]. Совокупность использованных источников документального и нарративного характера позволила исследователю Т.А. Магсумову многогранно отразить все основные характерные черты учащейся молодежи и представить реальную картину ее повседневности.

Издание состоит из предисловия, шести глав, выводов по каждой главе, заключения и обширного библиографического списка. Структура монографии отличается четкостью, логичностью, доступностью и наглядностью восприятия материала, продуманно раскрывает содержание поставленной проблемы. Выводы находятся в соответствии с заявленной целью научного исследования.

Первая глава посвящена анализу бытовых условий работы средних школ и жизни учащихся. Качество подготовки специалистов в профессиональных учебных заведениях во многом определялось их финансированием и состоянием материальной базы [23; 38]. Автор пришел к выводу, что материальная база профессиональных школ дореволюционной Казани находилась в неплохом состоянии, однако ее развитие осуществлялось сравнительно медленными темпами [18, с. 52–53].

Важными и для современного развития российского общества являются проблемы, рассмотренные во второй главе «Учащиеся профессиональных школ: комплектование, состав, положение». Веление времени было таково, что общество и государство, испытывали насущную потребность в квалифицированных кадрах, обладающих особыми личностными и профессиональными характеристиками [3; 9; 16]. Автор раскрывает насколько ответственно подходили училища к набору учащихся профессиональных школ, какие проблемы и затруднения испытывали. Качество подготовки было первоочередным. Отмечается, что, несмотря на высокие требования, предъявляемые к базовому образованию абитуриентов, наблюдался большой отсев учеников до окончания курса обучения. Исследователем найден интересный материал о выдающихся выпускниках Казанских училищ дореволюционной России, крупных специалистах – математиках, механиках, физиках, драматургах, писателях – прославивших отечество. Автор пришел к выводу, что в целом профессиональные учебные заведения справлялись с задачей подготовки квалифицированных кадров для удовлетворения потребностей региона.

В третьей главе монографии анализируются формы и методы теоретического обучения учащихся, практика и инновационные методы подготовки к трудовой жизни [21; 22; 29]. Проведенное исследование показывает, что были созданы оригинальные методики и система производственного обучения, используемые по настоящее время

[11]. Выпускники профессиональных школ были подготовлены к самостоятельной работе не только как хорошие специалисты, но и как менеджеры.

Четвертая и пятая главы посвящены вопросам воспитательной политики в школе [2; 20] и религиозно-нравственному образованию [14; 15]. Раскрывается уже заложенное в то время представление о лично-ориентированном подходе в содержании образования [7; 28].

Несомненно, актуальными являются проблемы, рассмотренные в шестой главе «Дети-инвалиды в системе специального образования дореволюционной Казани». Отмечается, что создание и функционирование училищ для глухонемых и слепых детей в Казани стало результатом частной и общественной инициативы в деле филантропической помощи детям-инвалидам [19; 25]. По мнению автора, изучение прошлого опыта функционирования специальных школ отчасти позволит подойти к решению этой проблемы сегодня [18, с. 205].

В целом, в предлагаемой работе на основе богатого фактического материала представлен целостный образ не просто казанского школьника дореволюционной эпохи. Отражено влияние специфики провинциально-столичной жизни с ее определенными духовно-материальными установками на трансформирование сознания молодых людей. Предпринята попытка рассмотреть обуславливавшие школьную жизнь повседневные практики, описать компоненты повседневной субкультуры учащейся молодежи, проследить ее развитие и определить уровень воздействия на нее культурно-образовательной среды и властных структур в условиях имперско-бюрократического режима. Большое внимание уделено быту дома и в школе, взаимоотношениям воспитанников между собой и с учителями, дисциплине учащихся, правилам поведения, форме, праздникам [24] и режиму дня. Особое внимание сфокусировано на изучении настроений, нравственно-бытового облика и общественной активности юношей и девушек.

Собранный и обобщенный в исследовании материал имеет несомненную научно-практическую значимость. Основные положения и сформулированные выводы могут быть использованы при создании региональных работ по истории отечественной культуры, истории образования и повседневности [35; 37]. Книгу можно рекомендовать преподавателям, студентам, аспирантам, широкому кругу читателей. Выводы, содержащиеся в работе, могут быть информативными для работников сферы управления профессионального образования.

Анализ работы Т.А. Магсумова дает основание сделать вывод о злободневности поднятых в ней проблем, научной новизне и практической значимости исследования. Рецензируемая работа представляет собой самостоятельное, оригинальное научное исследование с привлечением широкого круга источников и высоким теоретическим уровнем изложения, вносит большой вклад в изучение темы на региональном уровне.

Список литературы

1. Аминов Т.М. Теоретические и методологические основы историко-педагогического исследования // Педагогический журнал Башкортостана. 2007. № 2. С. 42–62.
2. Закаря Э.И., Черкасов А.А. Народное просвещение на Кавказе в период наместничества графа И.И. Воронцова-Дашкова (1905–1915 гг.) // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 36–43.
3. Корнилова И.В. Василий Филиппович Кудрявцев: этнограф и просветитель // Россия и современный мир. 2009. № 2. С. 212–221.
4. Корнилова И.В. Воспоминания учащихся духовных учебных заведений как исторический источник // Успехи современного естествознания. 2012. № 11. С. 67–69.
5. Корнилова И.В. История дореволюционной российской провинции на страницах журнала «В мире научных открытий» // Современные

- исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 6. С. 22–22.
6. Корнилова И.В. Литературные вечера в уездных училищах Вятской губернии в 1860–е гг. // *Современные наукоемкие технологии*. 2010. № 11. С. 72–73.
 7. Корнилова И.В. Подготовка педагогов в Казанской губернии в до-революционный период. Saarbrucken: Lambert Academic Publishing, 2012. 211 с.
 8. Корнилова И.В. Ренессанс елабужского краеведения // *В мире научных открытий*. 2011. Т. 16. № 4. С. 120–124.
 9. Корнилова И.В. Русская провинция XIX века в ранних работах В.Ф. Кудрявцева // *Вопросы истории*. 2011. № 10. С. 149–156.
 10. Корнилова И.В. Т.А. Магсумов Средняя профессиональная школа Казани в конце XIX – начале XX века // *Вопросы истории*. 2011. № 12. С. 163–164.
 11. Корнилова И.В., Магсумов Т.А. Съезд учителей русского языка Нижегородской губернии 1869 г. // *Международный журнал экспериментального образования*. 2011. № 11. С. 115–116.
 12. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования (Вместо предисловия) // *История повседневности: Сборник научных работ*. СПб., 2003. С. 7–14.
 13. Магсумов Т.А. Библиотеки и библиотечное дело в средних профессиональных учебных заведениях Казани на рубеже XIX–XX вв. // *Библиотековедение*. 2009. № 2. С. 98–103.
 14. Магсумов Т.А. «Закон Божий» и «Основы православной культуры»: pro et contra // *Преподавание истории в школе*. 2010. Т. 7. С. 18–22.
 15. Магсумов Т.А. Законоучителя средних школ дореволюционной России: опыт истории в контексте современности // *Перспективы науки*. 2012. № 33. С. 63–65.
 16. Магсумов Т.А. И.В. Корнилова. В.Ф. Кудрявцев как исследователь истории российской провинции // *Вопросы истории*. 2012. № 11. С. 173–175.

17. Магсумов Т.А. Источники по истории российской средней профессиональной школы рубежа XIX–XX вв. // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 69–78.
18. Магсумов Т.А. Казанские школяры на рубеже XIX–XX веков: облик, повседневность, среда. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 268 с.
19. Магсумов Т.А. Казанское училище для слепых детей (историческая зарисовка на фоне эпохи) // Специальное образование. 2010. № 4. С. 50–56.
20. Магсумов Т.А. Образовательная политика в средней школе в Казанской губернии в 80–90 гг. XIX в. // Человек и Вселенная. 2005. № 10. С. 93–98.
21. Магсумов Т.А. Образовательные экскурсии в средней профессиональной школе дореволюционной России // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013. Т. 27. № 1. С. 52–60.
22. Магсумов Т.А. Отметка в дореволюционной школе // Преподавание истории в школе. 2012. № 9. С. 44–48.
23. Магсумов Т.А. Постройка здания Казанского промышленного училища (1890–1899) // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 11. С. 70–72.
24. Магсумов Т.А. Празднование столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. // Вопросы истории. 2012. № 9. С. 137–142.
25. Магсумов Т.А. Система образования в Казанском училище глухонемых детей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 34. С. 172–177.
26. Магсумов Т.А. Современное состояние историко-педагогических исследований // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 5. С. 35–35.
27. Магсумов Т. А. Среднее профессиональное образование в Казани в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 253 с.
28. Магсумов Т.А. Школа купцов: Подготовка коммерсанта в провинциальной России начала XX века // Российское предпринимательство. 2007. № 4–1. С. 169–172.

29. Магсумов Т.А. Экзамены в средних профессиональных учебных заведениях Казани в конце XIX – начале XX вв. // Вестник развития науки и образования. 2008. № 4. С. 30–32.
30. Магсумов Т.А., Корнилова И.В. Традиции изучения географии, истории и культуры Прикамского края // Приволжский научный вестник. 2013. № 6. С. 57–61.
31. Магсумов Т.А., Корнилова И.В. Циркуляры попечителей учебных округов как исторический источник // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 11. С. 117.
32. Меркулова Л.К., Черкасов А.А. К формированию социально-психологического портрета учащегося первой трети XX века (1900–1930 гг.): некоторые черты // Былые годы. Российский исторический журнал. 2008. № 3. С. 32–34.
33. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1–2. СПб., 2000. 548+568 с.
34. Складар Л.Н. Повседневность как предмет микроистории. Уральские бирюковские чтения: Сб. науч. и научно-популярных статей / Науч. ред. С.С. Загребин. Вып. 5. Ч. II. Челябинск, 2008. С. 175–177.
35. Черкасов А.А. Русская начальная школа в России (1894–1917 гг.): проблемы и перспективы // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2011. Т. 2. № 62. С. 118–123.
36. Черкасов А.А. Центр и окраины: культурная жизнь посада Сочи в 1894–1917 гг. (по данным периодической печати) // Известия Сочинского государственного университета. 2009. № 1. С. 179–185.
37. Черкасов А.А., Куклина Е.Н. Деятельность церковно-приходской школы в Российской империи: теория и практика // Известия Сочинского государственного университета. 2011. № 4. С. 141–145.
38. Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894–1917): developmental milestones // Social Evolution & History. 2011. Т. 10. № 2. С. 138–149.

СОСЛОВНО-СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГЛАСНЫХ УЕЗДНЫХ ЗЕМСКИХ СОБРАНИЙ ПОВОЛЖСКОГО И УРАЛЬСКОГО РЕГИОНОВ (1864–1914 гг.)

Низамова М.С.

Институт экономики, управления и права (г. Казань),
Набережночелнинский филиал, г. Набережные Челны, Россия

Статья посвящена анализу состава уездных земских гласных Казанской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской, Вятской, Пермской, Уфимской губерний. Автор доказывает, что земская контрреформа 1890 года, несомненно, повлияла на изменение сословно-социального состава уездных земских собраний. Однако в земствах Поволжья и Урала по итогам первых выборов по «Положению...» 1890 года не наблюдалось значительного преобладания представителей поместного дворянства.

Ключевые слова: земское самоуправление; курия; земельный ценз; дворянство; избирательная система; «Положение 1864 г.»; земская контрреформа.

SOCIO-ESTATE STRUCTURE OF PUBLIC DISTRICT ESTATE ASSEMBLIES OF VOLGA AND URAL REGIONS (1864–1914)

Nizamova M.S.

Institute of economics, management and law (Kazan),
Naberezhnye Chelny branch, Naberezhnye Chelny, Russia

The article is devoted to the analysis of district public estate assemblies in Kazan, Penza, Samara, Saratov and Simbirsk, Vyatka, Perm, Ufimian governments. The author proved that the estate counter-reform

in 1890 had undoubtedly influenced the change in socio-estate structure of district estate assemblies. But according to the results of the first elections based on «Regulation...» 1890 in Volga and Ural regions a measurable domination of local nobility representatives had not been noticed.

Keywords: *estate self-government; curia; land qualification; nobility; electoral system based; «Regulation 1864»; estate counter-reform.*

Демократические преобразования последних десятилетий во всех областях общественной жизни поставили на повестку дня вопрос о необходимости обращения к полувековому опыту многоплановой социально-экономической деятельности органов земского самоуправления. Земская проблематика становится все более популярной [1; 11; 12]. В ранних наших статьях мы уже отмечали, что до настоящего времени выполнено значительное количество разрозненных исследований по отдельным губерниям или по уездам по разным периодам истории земств [20, с. 38-43; 18, с. 114–120]. Работы отечественных исследователей, безусловно, очень важны. Однако, содержащийся в них скрупулезно рассмотренный материал и анализ с использованием разных методологических подходов, сложно объединить в систему и использовать при написании обобщающих трудов. В изучении проблемы земского самоуправления особое значение приобретает вопрос о сословно-социальном составе земских собраний и его влиянии на становление и развитие направлений культурно-хозяйственной политики. До сих пор не представлено комплексного исследования, в котором бы содержался сравнительный анализ сословно-социального состава гласных земских собраний двух очень важных регионов России – Поволжья и Урала.

Изучение сословно-социального состава гласных уездных земских собраний Поволжского и Уральского регионов (1864–1914 гг.) является целью данного исследования. Рассмотрение эволюции количественного соотношения дворян и крестьян в уездных земских

собраниях, определение значительно ли повлияла земская контрреформа 1890 г. на изменение сословно-социального состава уездных земских собраний – одна из задач, решение которой позволит достигнуть цель исследования.

На принятие тех или иных решений и экономическую эффективность проводимых мероприятий влияли социальное происхождение, образование, гражданская позиция, а также личностные качества земских гласных. Анализ различных групп гласных, входящих в состав земских собраний, позволяет беспристрастно, всесторонне и наиболее полно проследить динамику земской деятельности, раскрыть в сравнении результаты земских мероприятий, ярче высветить достижения местного самоуправления дореволюционной России.

Территориальные рамки нашего исследования охватывают Поволжский и Уральский регионы (76 уездных земств). Для достижения поставленной цели был привлечен широкий круг источников, как опубликованных, так и неопубликованных. При сборе списков земских гласных в основном использованы материалы периодики. Нами задействована максимальная совокупность данных, цифр, фамилий земских гласных за 50-летний период, в рамках которого периодически через каждые три года проводились выборы в уездные земские собрания. Всего найдено 3 009 списков по восьми губерниям.

Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных и специально-исторических методов. В качестве основного научного подхода при исследовании данного вопроса нами избран структурно-синхронный подход. На его основе оказалось возможным дать анализ состава уездных земских гласных указанных выше регионов.

Изучение земств началось еще в царской России, продолжилось в советское время и в постсоветский период. Советские исследователи больше внимания уделяли рассмотрению фактической стороны

земской деятельности. К анализу социально-сословного состава подходили с идеологических позиций. Отмечалось, что «избирательная система по “Положению...” 1864 г. призвана была обеспечить количественное преобладание в земствах поместного дворянства» [27, с. 44]. Те же выводы прослеживаются и относительно избирательной системы по «Положению...» 1890 г. Так, исследователь Л.Г. Мамулова (Захарова) указывала, что «в середине 80-х гг., спустя 20 лет после введения земских учреждений, на повестку дня был поставлен вопрос о пересмотре Положения 1864 г. и, в частности, избирательной системы, утвердившей в свое время господство дворян, с целью усиления представительства этого привилегированного сословия» [13, с. 7].

Исследователи земств постсоветского периода стараются отбросить политическую составляющую вопроса [18, с. 114–120] и беспристрастно взглянуть на земскую реформу, контрреформу, на социальный состав органов местного самоуправления и на роль дворянства в земстве.

Примеры из истории земского самоуправления являют нам образец налаженной и четко функционирующей системы. Просматривается следующая тенденция: чаще всего там, где у власти в земствах Поволжья преобладали дворяне, социально-экономическая работа местного самоуправления была поставлена на порядок выше. Там намного больше строилось школ, больниц, активно развивалось библиотечное дело, чего не наблюдалось в так называемых «мужицких» земствах Поволжья, где во главе самоуправления находились крестьяне, подходившие к управлению в земстве бережливо, прижизненно. Эти выводы подтверждаются анализом смет доходов и расходов [19, с. 87–134]. Исключение составляют земства Уральского региона, где дворянства было немного. Там, «предприимчивые земские гласные, в основном из купцов и крестьян, в большей степени осознавали выросшую потребность в грамотных людях, необходимых для промышленности, торговли, для модернизации сельскохо-

зяйственного производства. Вятское и Пермское земства занимали лидирующие позиции по расходам на народное образование и здравоохранение среди 34-х земских губерний» [19, с. 178–223].

Обратившись к земскому законодательству, мы выяснили, что не все желающие дворяне получали право на участие от первой курии в избирательных собраниях для выбора уездных гласных. Законом был установлен земельный ценз – определенное количество земли в десятинах (одна десятина – основная дOMETрическая русская мера площади, равная 1,0925 га) [22], необходимое для участия в избирательных собраниях. Нормативы земельного ценза отражены в специальной ведомости, прилагавшейся к «Положению... 1864 года» [29]. Размер участка земли в большинстве случаев различался не только по губерниям, но и по уездам. Самый высокий земельный ценз среди 47 изучаемых нами уездов Поволжского региона включал 650 десятин земли и был в Новоузенском уезде Самарской губернии, а самый низкий – 200 десятин. В среднем в Поволжском регионе земельный ценз составлял 254,2 десятины. В Уральском регионе земельный ценз был выше и в среднем составлял 343,1 десятину. Самый высокий земельный ценз среди 29 уездов Уральского региона равнялся 475 десятин земли и наблюдался в Глазовском и Слободском уездах Вятской губернии, Верхотурском и Соликамском уездах Пермской губернии, а самый низкий содержал 250 десятин. Таким образом, дворянин мог стать земским гласным, имея не менее 200 десятин земли. Считаем, что изначально при создании земства нормативы ценза были высокие, особенно в условиях просматривающейся возрастающей динамики обеднения и разорения дворянства. Поскольку по «Положению...» 1864 г. курии были сословными, нецензовые дворяне, желающие быть земскими гласными, могли выдвигать свои кандидатуры на выборах от сельских обществ. Это подтверждают данные списков. И в этом случае, можно говорить, что куриальная система позволяла правительству обеспечивать преобладание

в земских учреждениях дворянства. Также дворяне могли работать на службе в земстве как специалисты в качестве так называемого «третьего элемента».

Далее мы устремились к расписанию количества гласных земских учреждений по «Положению...» 1864 г. [29, с. 5–7]. Представительность земских собраний определялась социально-экономической ситуацией в каждом уезде. Установленные цифры по всем трем куриям мы перевели в проценты. В Поволжском регионе расписанием от первой курии (крупные землевладельцы) предусматривалось от 40,3 % до 49,5 % мест от общего числа гласных губернии, а более конкретно: в Казанской губернии – 40,3 % [29, с. 5], в Пензенской – 46,6 % [29, с. 7], в Самарской – 46,2 % [29, с. 7], в Саратовской – 48,6 % [29, с. 8], в Симбирской – 49,5 % [29, с. 8]. В Уральском регионе представителям поместного дворянства расписанием выделялось от 35 % до 47 % мест: в Вятской губернии – 35,8 % [29, с. 5], в Пермской – 41,9 % [29, с. 7], а в Уфимской – 46,7 % мест [29, с. 7]. Остальные места отдавались представителям от купцов, прочих городских сословий и сельских обществ.

Из собранных списков земских гласных и анализа сословного состава, избранных на первое трехлетие, нами выявлено следующее. В Казанской губернии в первую курию было избрано 121 человек (126 по расписанию) [8], в Пензенской – 179 человек (187 по плану) [24], в Самарской – 181 (186 по плану), Саратовской – 249 (258 по плану) [32], Симбирской – 177 (190 по плану) [34]. По результатам выборов от крупных землевладельцев на этапе становления земств в Поволжских губерниях очевиден недобор сорока гласных – 907 избрано (947 по плану), что на 4,2 % менее необходимого. Таким образом, мы подсчитали, что в губерниях Поволжья представителей от крупных землевладельцев в земстве насчитывалось от 39,4 % до 50,1 %.

В Уральском регионе в первое трехлетие деятельности земств от землевладельцев по первой курии было избрано следующее количе-

ство гласных. В Вятской губернии – 56 (78 по плану) [23, с. 101–102, 112, 122, 132, 142, 152, 163, 182, 196, 208], в Уфимской губернии – 81 (86 по плану) [7, с. 221–233], в Пермской губернии – 108 (129 по плану) [26]. В указанном регионе также как и в Поволжье, на этапе становления земств в уездах прослеживался недобор сорока восьми гласных – 245 (293 по плану), что на 16,4 % менее, предполагаемого комплекта представителей первой курии. Всего в земствах Урала представителей от привилегированного сословия наблюдалось от 28,3 % до 46,9 %.

Рассмотрев «Расписание количества гласных земских учреждений» по «Положению...» 1864г. и сравнив с численностью гласных по итогам первых выборов, мы пришли к следующему. Во-первых, расписанием рассчитывалось крупным землевладельцам от 28,3 % до 50,1 % мест в земских собраниях. Заложено ли здесь преобладание? Если отсчитывать от общего установленного объема земских гласных, то 50 % – это никак не доминирующее большинство, а только половина. Во-вторых, указанное расписание практически не выполнялось с момента становления земств и представители от дворянства не набирали даже необходимого числа мест. Уже первые выборы в земства показали недобор по первой курии 88 человек по двум регионам. Эти данные не подтверждают точки зрения исследователя А.П. Корелина, о том, что во всех уездных земствах 93 % гласных составляли владельцы имений от 200 до 3–4 тыс. десятин [10, с. 215].

К началу 1890-х гг. процентное соотношение дворянства в земстве изменилось. Наблюдался процесс сокращения дворянского землевладения. Например, только в Казанской губернии за 22 года дворянское сословие потеряло около 100 тыс. десятин земли [21, с. 255]. Задолженность Дворянскому и Крестьянскому банкам охватила 47,8 % площади частновладельческой земли. [21, с. 316]. Постепенно дворяне утрачивали принятый в 1864 г. имущественный ценз, необходи-

мый для участия в земствах, и уменьшался их удельный вес в составе земских собраний. Была проведена земская контрреформа 1890 г. Как указывал дореволюционный исследователь земств М.И. Мыш, «с целью привлечения в земские учреждения большего количества среднепоместных и мелкопоместных дворян, размер земельного ценза в большинстве уездов был понижен» [14, с. 285–290]. Нами проведен сравнительный анализ нормативов земельного ценза по губерниям по «Положению...» 1864 г. и «Положению...» 1890 г. [30]. В Поволжском регионе самый высокий земельный ценз сохранялся в Новоузенском уезде Самарской губернии – 550 десятин. Наименьший земельный ценз составлял 175 десятин. В Уральском регионе по новому расписанию наивысший ценз в 475 десятин был установлен в Вятской и Пермской губерниях, а наименьший – 225 десятин земли только в одном уезде и только в Вятской губернии.

В среднем в Поволжском регионе по «Положению...» 1890 г. земельный ценз понизился с 254,2 до 235,6 десятины. В Уральском регионе земельный ценз также уменьшился, в среднем с 343,1 десятины до 329,3 десятин, однако в целом был выше, чем в Поволжье. Считаем, что земельный ценз по новому «Положению...» сохранялся довольно высоким и не давал возможности привлечь к работе уездных земств большее количество дворян.

По новому «Положению...» куриальная система была заменена. Вместо двух курий были введены два избирательных собрания, в первом из которых участвовали дворяне, потомственные и личные, а во втором – прочие избиратели, кроме лиц крестьянского сословия [28]. Гласных от крестьян избирали волостные сходы (ст. 51) [14, с. 279–285]. Нас интересует состав первых избирательных собраний. В Поволжском регионе расписанием по «Положению...» 1890 г. от первого избирательного собрания (крупные землевладельцы) предусматривалось от 45,2 % до 59,4 % мест от общего числа гласных губернии, а более конкретно: в Казанской губернии 45,2 % [30,

с. 371], в Пензенской – 59,4 % [30, с. 376], в Самарской – 56,2 % [30, с. 378], в Саратовской – 55,8 % [30, с. 378], в Симбирской – 58,7 % [30, с. 379]. В Уральском регионе представителям поместного дворянства новым расписанием выделялось от 47,3 % до 55,9 % мест: в Вятской губернии – 47,3 % [30, с. 371], в Уфимской – 55,9 % мест [30, с. 379]. Не предусматривалось гласных во второе избирательное собрание в земствах Вятской и Пермской губерний, и в двух уездах Казанской губернии: Козмодемьянском и Ядринском [30, с. 369, 371, 376, 378, 379]. Таким образом, подтверждается вывод отечественных исследователей о том, что законодатель стремился увеличить привилегированное сословие в земстве. Как в земствах Поволжского региона, так и в земствах Уральского, это увеличение было запланировано примерно на 10 %. По новому «Положению...» представителей от дворян в указанных земствах могло быть максимально до 60 %. Менее всех предполагалось в Казанской губернии. Заметим, что в Казанской губернии дворянство никогда не было преобладающим в земстве [17, с. 16]. Понимаем, что в целом увеличение в земском самоуправлении представителей привилегированного сословия планировалось не за счет появившихся новых крупных землевладельцев, поскольку разорение дворянства правительство не могло остановить. Земской контрреформой 1890 г. был значительно урезан общий состав гласных уездных земских собраний. Если по «Положению...» 1864 г. численность гласных в Поволжье колебалась от 12 до 82 человек, то по «Положению...» 1890 г. новый предел объема гласных в уездных земских собраниях составил от 15 до 40 человек. Всего уездные земства Поволжья по «Положению...» 1890 г. потеряли 610 мест в собраниях. В Уральском регионе по «Положению...» 1864 г. представительство гласных в земствах находилось в пределах от 10 до 60 человек, а по новому расписанию было потеряно 123 места, и численность гласных была установлена в таких же пределах, как и в земских собраниях соседнего региона – от 15 до 40 человек.

Обратившись к рассмотрению результатов земских выборов в первое трехлетие по новому «Положению...» 1890 г. мы подсчитали следующее. В Казанской губернии от крупных землевладельцев было избрано 109 человек (124 по расписанию) [30, с. 371; 9; 13], в Пензенской – 155 человек (174 по плану) [25], в Самарской – 102 (122 по плану) [31], Саратовской – 110 (177 по плану) [33], Симбирской – 141 (152 по плану) [35]. Очевиден недобор 132 гласных – 617 избрано (749 по плану), что на 17,6 % менее необходимого. Аналогичная картина и в земствах Уральского региона. Было избрано следующее количество гласных: в Вятской губернии – 80 (90 по плану) [2], в Уфимской губернии – 62 (100 по плану) [7, с. 221–233]. По Пермской губернии списков не найдено. По результатам выборов в первое избирательное собрание в Вятской и Уфимской губерниях недосчитывалось 48 гласных, что составляло 25,2 %. Таким образом, в земствах Урала представителей от привилегированного сословия наблюдалось от 44,9 % до 51,7 %. А в земских губерниях Поволжья представители от крупных землевладельцев составляли от 44,2 % до 58,6 %. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что увеличение представителей от крупных землевладельцев в уездных земских собраниях, по новому «Положению...» было незначительным (менее 9 %). В последующие годы на выборах численность гласных от первого избирательного собрания сокращалась. Как свидетельствует информация из архивных документов [3, 4, 5, 6, 16], уже через 10 лет после контрреформы практически все изучаемые нами земские органы самоуправления стали ходатайствовать об изменении земского представительства.

Итак, в рамках небольшой статьи мы частично показали результаты нашего исследования сословно-социального состава гласных уездных земских собраний Поволжского и Уральского регионов (1864-1914 гг.). Анализ расписания и списочного состава избранных депутатов в органы земского самоуправления позволяет сделать

вывод об эволюции количественного соотношения дворян и крестьян в уездных земских собраниях. Земская контрреформа 1890 г. изменила сословно-социальный состав уездных земских собраний. Сократилось представительство от второго избирательного собрания и от сельских обществ. В изучаемых нами земствах среди уездных гласных крупных землевладельцев по новому положению уже насчитывалось более 50 %, но менее 60 %. Земская контрреформа 1890 г., несомненно, повлияла на изменение сословно-социального состава уездных земских собраний. Однако в земствах Поволжья и Урала по итогам первых выборов по «Положению...» 1890 г. не наблюдалось значительного преобладания представителей поместного дворянства. В последующие годы на выборах количество гласных от первого избирательного собрания сокращалось.

Идеологические препоны, стоявшие на пути советских исследователей, не позволили им во всей мере высветить роль дворянства в земстве. Мы не умаляем роли крестьянства в земском самоуправлении, однако считаем, что из всех сословий, представленных в земстве, именно дворяне были более подготовлены к выполнению обязанностей земского гласного. Более образованные гласные были способны шире понимать культурно-хозяйственные интересы уезда и задачи местного самоуправления. Возможно, правительство по той или иной причине предприняло попытку укрепить ведущую роль дворянства в земстве, проведя земскую контрреформу. Однако понижение земельного ценза для Поволжья и Урала было несущественным и не способствовало значительному увеличению дворянских гласных в уездных земских собраниях.

Список литературы

1. Валеева Н.Г., Корнилова И.В. Елабужское земство в 1906–1908 гг. // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 3–2. С. 39–48.

2. Вятские губернские ведомости. 1891. 30 марта; 4, 11, 15, 25 мая; 5, 29 июня; 3 июля.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 615.
4. ГАПО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 978.
5. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 8. Д. 328.
6. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 199.
7. Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств 1875–1914. Уфа, 1915. 445 с.
8. Казанские губернские ведомости. 1865. 8 октября.
9. Казанские губернские ведомости. 1892. 14 июля; 15, 22 августа; 8, 29 сентября.
10. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. Состав, численность корпоративная организация. М. «Наука», 1979. 303 с.
11. Корнилова И.В., Магсумов Т.А. «Символ эпохи капитализма». Рец. на кн.: Низамова М.С. Земства Поволжья и Урала (1864–1914 гг.): социально-экономический аспект. Казань: Казанский гос. ун-т, 2009. 500 с. // В мире научных открытий. 2010. № 3–3. С. 94–96.
12. Магсумов Т.А., Корнилова И.В. Традиции изучения географии, истории и культуры Прикамского края // Приволжский научный вестник. 2013. № 6. С. 57–61.
13. Мамулова Л.Г. Земская контрреформа 1890 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962. 18 с.
14. Мыш М.И. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. Расписание количества земли, дающего право на участие в избирательных собраниях для выбора уездных гласных. Изд. 5-е. Т. 1. СПб., 1910. 939 с.

15. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). Ф. 119. Оп. 1. Д. 600.
16. НА РТ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 832.
17. Низамова М.С. Казанское земство в конце XIX начале XX вв. (Местное самоуправление и земское общественное движение). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 93 с.
18. Низамова М.С. Земская проблематика Волго-камского региона в трудах исследователей постсоветского периода // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4–1. С. 114–119.
19. Низамова М.С. Земства Поволжья и Урала: социально-экономический аспект (1864–1914 гг.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. 500 с.
20. Низамова М.С. Земская проблематика в трудах дореволюционных исследователей // Современные гуманитарные исследования. 2010. № 2. С. 38–43.
21. Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1896. С. 355.
22. См.: Десятина, поземельная мера // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
23. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. Вятка, 1870. 240 с.
24. Пензенские губернские ведомости. 1865. 6, 13, 20 января.
25. Пензенские губернские ведомости. 1892. 11, 12 августа; 2, 24, 30 сентября; 6, 8 октября.
26. Пермские ведомости. 1873. 20 июня; 1, 4, 8, 11, 22, 25, 29 августа; 12 сентября.
27. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. М.: Наука, 1977. 287 с.
28. Полное собрание законов Российской империи. (3-е собр.). Т. XLI. № 6297. ст. 26.

29. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. [Собр. 2-е.] Т. 39. Отд. 3-е. 1864. № 40457. Прил к ст. 33 и 52. СПб., 1867.
30. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными распоряжениями // Полное собрание законов Российской империи. [Собр. 3-е.] Т. 10. Отд. 2-е. 1890. № 6927. Прил. к ст. 14. СПб., 1895.
31. Самарские губернские ведомости. 1892. 6 июня; 7, 21 октября; 30 декабря.
32. Саратовские губернские ведомости. 1866. 17,19 февраля.
33. Саратовские губернские ведомости. 1891. 1 сентября.
34. Симбирские губернские ведомости. 1865. 2 октября; 4, 6, 9, 11 ноября
35. Симбирские губернские ведомости. 1892. 18, 25 июля; 5, 12, 19 августа, 2 сентября.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ «КАЗАНСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Уткин А.А.

Институт социальных и гуманитарных знаний,
Елабужский филиал, г. Елабуга, Россия

Статья посвящена анализу либеральных общественно-политических идей, которые нашли свое выражение на страницах «Казанских губернских ведомостей» на рубеже 1850–1960-х гг. Рассматриваются взгляды редактора газеты А.Ф. Михайлова в вопросах гласности, подготовки крестьянской реформы, состояния народного хозяйства, развития просвещения.

Ключевые слова: Губернские ведомости; город Казань; А.Ф. Михайлов.

IDEOLOGICAL AND POLITICAL POSITION OF «THE KAZAN PROVINCIAL SHEETS» ON THE EVE OF SERFDOM CANCELLATION

Utkin A.A.

Institute of social and humanitarian knowledge,
Yelabuga branch, Yelabuga, Russia

Article is devoted to the analysis of liberal political ideas which found the expression on pages «Kazan provincial sheets» at a boundary of the 1850–1960 th. Views of the editor of the newspaper of A.F. Mikhaylova in questions of publicity, preparation of country reform, a condition of a national economy, education development are considered.

Keywords: Provincial sheets; city of Kazan; A.F. Mikhaylov.

Проведение модернизации социально-экономической жизни России в царствование Александра II (1855–1881), начавшееся отменой крепостного права в 1861 г., ознаменовалось крупными сдвигами в общественной жизни. Одним из важных факторов формирования общественного мнения и его проявления становится периодическая печать. Наиболее наглядно подобные изменения нашли свое выражение в условиях российской провинции.

В отличие от столичных центров, где уже в конце XVIII – первой половине XIX вв. периодическая печать получила свое развитие, в российской провинции в рассматриваемый период она переживала этап становления. Прежде всего, это находило свое отражение в крупных административных и образовательных центрах страны, в частности в Казани.

Одним из популярных и массовых изданий середины XIX в. являлись «Губернские ведомости», которые издавались в каждом губернском центре [2, с. 236–252]. Газета состояла из двух частей: официальный отдел, где публиковались распоряжения центральной и местных властей, казенные объявления, и неофициальный, который по своему характеру тяготел к литературно-общественным изданиям. Здесь могли печататься местные новости, статьи о сельском хозяйстве и промышленности, произведения публицистического жанра, историко-краеведческие материалы. Во второй трети XIX в. «Губернские ведомости» оставались единственной в Казани газетой, наряду с единичными журналами официального и научно-специального характера [10, с. 40–41].

В большинстве случаев «Губернские ведомости» являлись скучным изданием справочного характера. Однако ситуация менялась, когда редакторами неофициальной части газеты становились не чиновники, а прогрессивно мыслящие местные деятели. Данная ситуация сложилась с «Казанскими губернскими ведомостями», когда их редакцию в 1856–1861 гг. возглавлял выпускник Казанского

университета, учитель русской словесности Александр Филиппович Михайлов (ум. 1861 г.), тяготевший по своим воззрениям к либеральным взглядам. Он смог сделать вверенное ему издание интересным, отражающим общественные настроения.

На страницах «Казанских губернских ведомостей» А.Ф. Михайлов выступал как сторонник гласности и свободы слова. Он считал, что «Ведомости» должны служить не столько занимательности, сколько быть «отражением и органом общественной жизни во всех ее проявлениях и потребностях» [1, с. 22]. В одной из редакторских заметок он писал: «Одна из главнейших целей нашей редакции – развить в нашем обществе публичность, вызвать мысль и слово из той апатии, в которую погружены они, и внимание людей, которые могут мыслить и писать, направить к изучению разнообразных явлений нашей местной жизни» [8, с. 439].

«Губернские ведомости», будучи изданием, доступным широким слоям общества, находилась под бдительным контролем местной администрации, в частности, казанского губернатора. Довольно жестко регламентированный характер программы издания не допускал публикации политических материалов [9, с. 215]. Однако интерес общества к общественно-политическим вопросам во второй половине 1850-х гг. был велик. Основным способом, позволявшим избегать преследований цензуры, являлась перепечатка материалов уже разрешенных и опубликованных в других газетах и журналах, преимущественно центральных. За счет фактического расширения программы «Губернских ведомостей», газета стала выражать стремления и настроения передовых кругов общества.

На страницах «Казанских губернских ведомостей» А.Ф. Михайлов публиковал сведения о ходе подготовки крестьянской реформы, в том числе знакомил читателей с работой губернских дворянских комитетов по крестьянскому делу, размещал перепечатки статей из столичных изданий по отдельным вопросам социальных и аграрных

отношений в деревне, а также с ходом реализации реформы в Казанской губернии.

Отрицательно относился А.Ф. Михайлов к праздному образу жизни большинства поместного дворянства, осуждал сословные предубеждения в среде чиновничества. Так, в одном из обозрений местных известий он отмечал: «Как и прежде, общественные собрания наши поражают пустотою. Политика, великое современное развитие науки, искусства, промышленности – все это, в чем заключены высшие интересы цивилизованного человечества, остается лишь достоянием правительства да некоторых исключительных личностей; большинству же оно чуждо и дико. Нас, как и прежде, продолжают занимать только сплетни да карты» [6, с. 51]. Появляются в газете материалы, в которых рисуется тяжелая и безотрадная картина жизни низших сословий – крестьянства, мастеровых в городах.

Не был удовлетворен редактор «Казанских губернских ведомостей» положением отечественной промышленности, особенно мелкого и среднего производства, отмечая его отсталость. «Нельзя не сознаться, что наша промышленность, особенно та, которая производит в малых размерах, не владея большими капиталами, совсем не знакома с современной наукой, и свои производства ведет по старым и часто ложным преданиям». А.Ф. Михайлов с сожалением отмечал: «Наш промышленный класс все еще неприязненно смотрит на науку, упрямо держится старых преданий, и насмешливо слушает, когда говорят ему о новых заграничных изобретениях» [5, с. 1–2]. Анализ отобранных для публикации материалов позволяет сделать вывод, что редактор «Казанских губернских ведомостей» выступал за свободу развития хозяйства, за устройство широкой сети железных дорог, за распространение в среде промышленников и купцов общего образования и специальных знаний.

А.Ф. Михайлов придерживался мнения, что широкое просвещение простого народа является одним из основных средств, благодаря кото-

рому улучшится его благосостояние. «Вопрос о народном образовании для нас есть самый вопиющий вопрос; средство для решения этого вопроса одно: школы и школы... – писал он. – Образование, образование нужно массе народа! Все добрые начала, скрывающиеся в богато одаренной натуре русского человека, глоснут, гибнут бесплодно в этой страшной глуши невежества» [7, с. 4]. Обращаясь к теме образования, редактор не делал исключений для каких-либо категорий, он считал, что просвещение необходимо для всех сословий и состояний народа [3, с. 249]. Его особенно удручала безграмотность и отсутствие стремления к образованию среди таких категорий городского населения, как купцы и мещане, у которых было куда больше возможностей, чем у крестьян дать законченное образование своим детям, повысить свой уровень знаний. Как отмечал А.Ф. Михайлов в одной редакторской заметке, «большинство этого сословия не понимает еще образования в смысле изучения известных наук и соединенного с этим развития новых понятий в уме человека; для него все образование состоит в одной грамоте, т. е. в умении читать и писать» [4, с. 354].

Теме развития просвещения в «Казанских губернских ведомостях» отводилось довольно много места. А.Ф. Михайлов интересовался состоянием начального и среднего образования в губернии, обращал внимание на существующие в Казани библиотеки. На страницах газеты ее редактор уделял большое внимание открытию и условиям существования бесплатных воскресных школ для обучения грамоте детей малообеспеченных и беднейших слоев населения, выступал за развитие женского образования. Большой интерес уделяется вопросам развития культурной жизни Казани во второй половине 1850-х гг. Так, например, широкая дискуссия развернулась на страницах газеты в 1857–1858 гг. вокруг казанского театра. От него зрители ожидали таких постановок, которые были бы созвучны идеям и настроениям того времени, отвечали их эстетическим запросам. Регулярное освещение получала тема развития благотворительности.

А.Ф. Михайлов призывал общественность оказывать пожертвования детским приютам, различным учебным заведениям.

Таким образом, анализ идейно-политических воззрений редактора неофициального отдела «Казанских губернских ведомостей» А.Ф. Михайлова показывает, что он находился на позициях, близких к либеральным взглядам, выражал эти идеи на страницах подведомственного ему издания. Он выступал как сторонник гласности и свободы слова. Значительно больше на страницах издания стало уделяться внимания социально-политическим вопросам, в том числе связанным с предстоящей отменой крепостного права. Редактор отмечал отсталость отечественного производства, особенно мелкого и среднего, выступал за распространение общего образования и специальных знаний. Регулярное освещение получали вопросы развития просвещения, культурной жизни и благотворительности.

Список литературы

1. А.М.[Михайлов А.Ф.]. По поводу «Казанской хроники», напечатанной в «Русском дневнике» // Казанские губернские ведомости. 1859. 17 января.
2. Дейч Г.М. Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9.
3. Женские учебные заведения в Тобольской губернии // Казанские губернские ведомости. 1858. 16 августа.
4. М. Торжественный акт Казанских гимназий // Казанские губернские ведомости. 1857. 21 октября.
5. [Михайлов А.Ф.]. Местные известия // Казанские губернские ведомости. 1857. 7 января.
6. [Михайлов А.Ф.]. Местные известия // Казанские губернские ведомости. 1859. 9 февраля.
7. [Михайлов А.Ф.]. Местные известия // Казанские губернские ведомости. 1860. 4 января.

-
8. [Михайлов А.Ф.]. Объяснение от редакции по поводу предыдущей статьи // Казанские губернские ведомости. 1857. 30 декабря.
 9. Положение об издании Губернских Ведомостей // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 5. Отд. 2.
 10. Уткин А.А., Ратникова О.Г. Периодическая печать города Казани как источник изучения либеральных идей на рубеже 50–60-х гг. XIX в. // Приволжский научный вестник. 2012. № 12. С. 38–42.

СУФИЗМ В ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Халиуллин Р.Р., Нигаматов А.З.

Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Елабуга, Россия

Статья посвящена анализу начала распространения в Поволжье и Приуралье одного из наиболее ранних мистико-дидактических суфийских учений – ясавия. Сопоставляя данные исторических и литературных памятников, используя археологический материал, авторы доказывают присутствие в духовной системе мусульманского населения Волжской Болгарии суфийских воззрений еще в домонгольскую эпоху.

Ключевые слова: суннизм; суфизм; тарикат; муришиды; мюриды; факихы; хикметы; салафизм.

SUPHISM IN VOLGA BULGARIA

Haliullin R.R., Nigamaev A.Z.

Yelabuga state Institute of Kazan (Volga region)
federal University, Yelabuga, Russia

Article is devoted to the analysis of the distribution of the mystic-didactic suphi doctrines – yasavi on the territory of Volga region and Urals. Comparing data of historical and literary monuments, using archaeological materials the authors prove the presence of suphi views at spiritual system in the Muslim population of the Volga Bulgaria during a domongolsky era.

Keywords: sunnism; sophism; tarikat; murshids; murids; fakihis; hikmets; salaphism.

Одной из наиболее интересных проблем в отечественной историографии с точки зрения религиоведческого аспекта является процесс

исламизации Среднего Поволжья и Приуралья. К сожалению, научная полемика по данной проблеме не выходит за рамки споров о ранней дате знакомства болгар с исламом и значения события 922 г. для болгарского общества. После работ Е.А. Халиковой [10], Г.М. Давлетшина [3] специальных исследований по началу мусульманизации населения региона нет. В то же время, не менее интересным периодом является начало II тыс., чем то схожее с серединой I тыс., когда почти во всех уголках цивилизованного мира шла ожесточенная борьба за умы мирян между различными религиозными течениями и школами. С особой ожесточенностью эта борьба проходила на окраинах крупных религиозных систем. Для Европы это вылилось в крестовые походы на Ближний и Дальний Восток, восточную часть Великой Степи, во вторую волну распространения буддизма и ее борьбу с христианством, манихейством и исламом [2]. В пределах старого Халифата она выразилась сменой привычного противостояния между суннитами, шиитами и хариджитами на их непримиримую войну мистико-дидактическим течением – суфизмом (ат-тасавуф). Среди всего прочего, культура суфизма исходит из внутреннего развития мусульманской общины как реакция определенной части мусульман на забвение изначальных канонов ислама в угоду безудержной погоне за материальными благами.

Проникновение и начало распространения суфистских воззрений в Поволжье, в том числе и на территории Волжской Болгарии, традиционно связывают с деятельностью среднеазиатского мистика Ходжа Ахмеда Ясави. Данное утверждение может быть верным лишь с определенной условностью. Дело в том, что к тому времени, когда имя А. Ясави стало популярным среди тюркских племен и народов Восточной Европы, ат-тасавуф глубоко пустил свои корни в мусульманском Востоке и структурно начал оформляться в несколько орден (тарикатов). И это несмотря на то, что в значительной степени суфизм воспринимался в арабо-персидском мире как отступничество

от ортодоксального ислама и оппозиция к исламу официальному (две последние не всегда представляли одно и то же). Недаром именно в борьбе с суфизмом формируется салафитское мировоззрение в исламе, ориентированное на возврат к чистой религии времен сахабов и табигинов. В XII в. в мусульманских странах Востока сформировались тарикаты кадирия, рифайа, чиштия. Учитывая, что уже с конца X в. выходцы из Волжской Болгарии стали частыми гостями в наиболее крупных духовно-образовательных центрах Востока, исключать возможность привнесения суфийских воззрений на родину этими пилигримами нельзя. Недаром средневековый персидский поэт Хаким Санайи (1048–1141) в одном из своих стихотворений писал о болгарском принце, ставшем дервишем [4, с. 356–366]. Другое дело, существуя в некомплементарной среде, персидский суфизм, как и арабский, был слишком законспирирован. Чужакам было сложно попасть в тайный орден, еще сложнее было понять суть философской основы школы без постоянного руководства учителем. Поэтому в арабо-персидском суфизме значение муршида (пира, шейха), в котором полностью должны были «раствориться» его мюриды по мере духовного роста, было огромно.

Заслуга основоположника тюркского суфизма Ахмеда Ибрахима Ясави (1093 (1103) – 1166) заключается в том, что он сумел сделать суфийскую философию доступной для более широкой аудитории. Ученик знаменитых суфийских миссионеров Арслан Баба и Юсуфа ал-Хамадани А. Ясави существенно сблизил позиции ат-гасавуф и официального ислама благодаря умелому применению в своих проповедях одного из завещаний пророка – распространять ислам среди народов, которое ему когда-то передал Арслан баба [7, с. 27]. Уже при его жизни, во второй половине XII в., начинает оформляться тарикат, получивший название «ясавия». Согласно преданиям А. Ясави отправил 990 самых верных своих учеников к многочисленным языческим тюркским племенам и как факихов-мугаллимов,

и как суфиев. Мистико-дидактические взгляды А. Ясави изложены не в виде сложных и мало кому доступных трактатах, а понятных для широких кругов стихотворений – хикметов (удивительное, поучительное), написанных на караханидском языке и впоследствии собранных в «Диване хикмет» [1, с. 258–259]. Хикметы шейха становятся очень популярными среди тюркоязычных народов, а с ними распространяется и его суфийское учение. Выражение «в Мекке – Мухаммад, Туркестане – Ходжа Ахмад» показывает степень популярности и непогрешимости этой личности в религиозном сознании тюркских народов.

Оседлое население Волжской Болгарии, пестрое по своему этническому составу и жившее своей внутренней жизнью, будучи на более высоком уровне культурного развития, чем окружающие его с юга и востока кочевники, севера и запада лесовики, сохранило следы своего развития не только в памятниках материальной культуры и искусства, но и в художественных письменных памятниках, которые создавались уже на наддиалектном городском койне (огузо-кыпчакского типа) [9, с. 56]. Тесные экономические, идеологические связи Волжской Болгарии со странами и городами Средней Азии дают все основания, что учение А. Ясави проникло в Среднее Поволжье уже в конце XII в.

Успехи тариката ясавия среди кочевников – неофитов и даже в среде традиционных мусульман – болгар объясняются тем, что он не выходит за рамки официального ислама. Большинство основных проблем, поднятых этим учением, соответствует нравственным нормам Корана и хадисов пророка. Порой сложно определить границы между этим суфийским учением и официальным исламом. С другой стороны укоренение в Поволжье суфизма связано с тем, что он богаче представляет само понятие «святость» и тем самым расширяет доступ в получении сверхъестественной помощи верующему. Также упор делается уже на обрядовую сторону – культ святых (аулие, арва-

хов) и святых мест (родников, кладбищ, гор). Безусловно, появление нескольких объектов поклонения противоречило к основному постулату ислама – таухиду (единобожию) и должно было рассматриваться официальной религией как ширк (многобожие). А это автоматически вывело бы суфийскую идеологию за рамки существующей общественно-идеологической системы. Но этого не произошло. Более того в Поволжье среди мусульман-татар суфизм или тасавуф в виде мусульманской этики возведены на уровень акиды (догмата веры) и фикха (исламского права). Пришедший из Средней Азии тюркский суфизм, не оставив места для какого бы то ни было продвижения в Поволжье иррационального суфизма, экспансии арабского и персидского языка и литературы, распространившись среди широких масс, становится народным мусульманством. Причем привлекательным этот тарикат был не только для горожан, но и для сельского населения благодаря своему аскетизму, способному противостоять идеологическому давлению со стороны власти имущих [11, с. 31]. В целом, в Поволжье суфизм развивался в границах тюркоязычной среды на мировоззренческой основе преемственности тюркских культов, модифицированных исламской культурой. Он был легко воспринимаем практически, нес в себе не только идею совершенного человека (ал-инсал ал-камил) с его способностью жить в обществе вместе с Богом-Истиной (Хаком), но и своеобразную форму протеста против социального и этнического неравенства – социально-оппозиционный элемент идеологии суфизма. В то же время наличие в идеологической структуре государственной практики ислама, довлеющей над индивидуальной практикой, не давало суфизму расширить поле деятельности за пределы установленных границ.

Наибольшее влияние суфизм оказал на духовную культуру болгар, прежде всего на такую высокопрофессиональную сферу как поэзия. Это объясняется широким распространением среди болгар произведений суфийских поэтов Ахмеда Ясави и его ученика Сулей-

мана Бакыргани (ум. 1186 г.). Учитель (остаз) крупнейшего болгарского ученого и поэта первой половины XII в. Сулеймана ибн Дауда ас-Саксини ас-Суварии Абу-л-Аля Хамид ибн Идрис ал-Болгари также считался приверженцем суфийского учения [3, с. 145]. Наиболее ярким произведением, пронизанным суфийскими идеями, безусловно, является поэма Кул Гали «Кыйсса-и Йусуф» (1212–1233). В отличие от «Йусуфа и Зулейхи» великого Фирдоуси, у Кул Гали основной идеей является не любовь между мужчиной и женщиной, а любовь человека к Богу. Смирение главного героя с невзгодами, его всепрощение, красота внешняя и внутренняя, осуждение тщеславия, самолюбования, терпение и самоотречение Зулейхи, на фоне многочисленных мистических сцен – все это может служить обоснованием суфийского характера поэмы. Здесь можно увидеть не только среднеазиатские, но и арабо-персидские истоки творения Кул Гали, прежде всего в суфийских сочинениях Абдаллаха Ансари и ат-Табари, пропагандирующего в массах ислам не как мертвую доктрину, свод указаний и запретов, а как «религию сердца».

Проникновение суфизма в болгарское общество нашло отражение и в материальной культуре. Общеизвестно, что для суфийской культово-обрядовой практики характерна традиция почитания святых мест или зиарат (с араб. почитание умерших), подготовившая болгаро-татарское население к осознанию необходимости обозначения мест погребений [8, с. 12]. Таким образом суфизм реанимировал протоболгарский (древнетюркский) обычай ставить «бэлюг» – надмогильный знак, временно прекращенный с началом активной исламизации, т.к. ортодоксальный ислам с осуждением относится к установке над могилой какого-то сооружения. Общеизвестно, что широкое распространение традиции установки надмогильных камней относятся к концу XIII–XIV вв. В то же время, по некоторым данным первые такие памятники в крае появились еще в предмонгольское время [5, с. 20]. Из всего вышесказанного следует констатировать,

что Волжская Болгария, вошедшая в мусульманскую умму в IX–X вв., даже будучи ее самым северным форпостом, не была отрезанной от центральных мусульманских областей и переносила все изменения, происходящие в сфере духовной культуры.

Список литературы

1. Гогиберидзе Г.М. Исламский толковый словарь. Р.-на-Дону, 2009. 266 с.
2. Гумилев Л.Н. Чтобы свеча не погасла. М.: Айрис-пресс, 2002. 560 с.
3. Давлетшин Г.М. Волжская Болгария: духовная культура. Казань, 1990. 191 с.
4. История татарской литературы: В 6 т. Т. I. Казань, 1984. 566 с. (на тат. яз.).
5. Мухаметшин Д.Г., Хакимянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Болгара. Казань: Таткнигоиздат, 1987. 128 с.
6. Нигамаев А.З. О налоге ушр в Волжской Болгарии // Сборник научных трудов Sworld. 2013. Т. 36. № 1. С. 15–18.
7. Сибгатуллина А.Т. По тропам влюбленных в бога (очерки по суфизму). Казань: «Кыйбла», 1999. 144 с. (на тат. яз.)
8. Суворова А.А. Мусульманские святые Южной Азии XI–XV вв. М., 1999.
9. Татары / Отв. ред. Р.К. Рамазанова, С.В. Чешко. М.: Наука, 2001.
10. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии. Казань, 1986. 122 с.
11. Юзеев А. Философская мысль татарского народа. Казань, 2007. 214 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTUROLOGY

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ПОЛИМОРФИЗМ КАК ПРОГНОЗИРУЕМАЯ ИДЕОЛОГЕМА БУДУЩЕГО

Пономарев Е.С., Андреева Н.П.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье рассматриваются аспекты урбанистики с точки зрения современной философии и культурологии. Авторы вводят понятие «форма жизни», обсуждают идеологему будущего в контексте социокультурных проблем. Статья содержит рассуждение об изменяемости формы жизни в онтогенезе как урбанистическом полиморфизме.

Ключевые слова: *урбанистический полиморфизм; идеологема будущего; форма жизни; e-хомус.*

URBAN POLYMORPHISM AS PREDICTABLE IDEOLOGEM OF THE FUTURE

Ponomaryev E.S., Andreeva N.P.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article examines the aspects of urban planning in terms of philosophy and culturology. The authors introduce the term «life form», discuss

ideologem of the future within the context of social and cultural problems. The article contains reasoning about the variability of life forms in ontogenesis as urban polymorphism

Keywords: *urban polymorphism; ideologem of future; life form; e-homus.*

Продиктованное современностью интенсивное развитие глобализма качественно влияет на изменение формата как материально-технического, так и социокультурного аспекта жизни общества. Исследования показывают, что необходимо «переосмысление накопленного опыта с учетом современных реалий информационного общества» [4, с. 12].

Материально-техническая сторона жизни общества, конечно, более наглядна и объективна, но ее фундамент базируется во многом на социокультурных признаках этого общества. Синтез этих двух важнейших составляющих мы можем наблюдать в *форме жизни* людей, – это их принцип расселения (семейный, групповой, индивидуальный и пр.), взаимоотношения между собой (качество и степень социальных контактов) [5, с. 9] и реакция на связь с внешним миром (агрессия, степень изоляции или интеграции, диалог культур и пр.). Изменяемость формы жизни людей на протяжении времени, можно назвать *урбанистическим полиморфизмом* [2, с. 190], характерным для современных городов любой части света.

Потеря духовности, снижение культурного уровня и нравственности в социуме, примитивный прагматизм общества материального потребления стали основными темами научно-статистических исследований, в том числе в области социальной психологии, культурологии, урбанистике. Перечисленные отрицательные свойства характерны для целого ряда современных общественных устройств и являются сегодня нормой в любом социуме. Очевидные противоречия, характеризующие менталитет российских граж-

дан, провоцируют создание некой «новой» культуры общества, отрицающей ценность знания, мешающей развитию, пропагандирующей рационализм во всем как жизненную философию. В то же время, насаждается европейское «унифицированное» гуманитарно-толерантное начало, противостоящее традиционному этнографическому социокультурному укладу, многообразию форм которого исторически сформировали неоднородную культурно-этническую картину мира и сегодня, во многом, представляют собой тот самый *урбанистический полиморфизм* как систему биологического и антропологического выживания различных социумов и формирование образа жизни человека.

В этой связи широко обсуждается проблема взаимодействия сфер образования и культуры в конкретно взятом обществе для создания определенной *формы (образа) жизни*. Все чаще культурные программы прибегают к использованию понятия «е-хомус» вместо «хомосапиенс», актуализируя человека как носителя информации, а не личностного духовного опыта, тем самым обесценивая его внутренние убеждения, его идентификации, принадлежность к этносу как к определенной социально-культурной группе.

Широкое коммуникативное пространство, обусловленное взаимопроникновением культур в условиях мировой глобализации, касающейся в первую очередь социокультурной среды, создает ситуацию диалога, в результате которого человек или принимает или отвергает различные модели осознания и поведения, при этом изменяя *форму жизни* социума. Такой процесс дает нам право утверждать, что *урбанистический полиморфизм* – основа биологической и социальной жизни человека: с одной стороны происходит некая «унификация» привилегированной формы жизни (европейский стиль, мода, тенденции в архитектуре, трендовый урбанизм и пр.); с другой стороны, возникает *урбанистический полиморфизм*, т.е. возникновение новых, изменение и исчезновение старых *форм жизни*. Государство,

республика, область, кантон или штат пытается обеспечить себе социокультурную индивидуальность (в том числе и историческую), наряду с внедрением новых современных технологий, использованием новейших достижений глобальной экономики и общепризнанной материальной базы.

Межкультурные коммуникации, продиктованные глобализацией, меняют ментальность, расширяют горизонты познания, ломают устаревшие стереотипы, изменяют характер социализации. Но защита собственного социокультурного ядра от внешних угроз (возникающих при диалоге культур) и обеспечение межэтнического культурного обмена (этноцентризм), а также создание благоприятных условий для развития разнообразных субкультур внутри общества (субкультурная стратификация) – задачи культурной политики современного государства. В их числе важнейшие взаимосвязи, основанные на экономических, геополитических, экологических, урбанистических аспектах глобализации, вызывающие последствия в культурных, психологических, нравственных, эстетических, конфессиональных стандартах современного мира.

Таким образом, *урбанистический полиморфизм* это эволюционный процесс развития форм человеческой жизни в обществе. Как-то:

1) уникальность этнической культуры. Каждый этнос обладает своим языком, юмором, нормами общения, семейными ценностями, фольклором, нравственными ценностями, аутентичными по своей сущности. По этим ключевым признакам мы, порой определяем принадлежность к определенному этносу вполне схожих внешне людей;

2) необходимость функционирования социума как открытой системы. Взаимодействие этнических культур между собой как проявление биологического принципа доминирования [3, с. 74], т.е. необходимости демонстрации своих особенных качеств другим социумам. Такие взаимодействия носят либо мирный характер (торговые

пути, межнациональные браки и пр.), так и открыто агрессивный характер, проявляемый в форме конфликтов и войн;

3) территориальная зависимость, связанная с географией, климатом и геоморфологией, которая проявляется в использовании и создании технологий, присущих только этому конкретному социуму:

– трансформируемость жилья (Япония), как средство выживания в условиях сверхплотности населения;

– широкое применение деревянного строительства (Россия), при избытке лесных массивов;

– одноэтажная щитовая Америка в условиях огромного количества территорий и умеренного климата и т.д.

В данном контексте необходимо отметить, что результатом взаимодействия культур может быть сохранение аутентичности, основанное на интеграции культур, потеря самой культуры (ассимиляция), отказ от контактирования между собой (сепаратизм), маргинальность.

Исследования данных вопросов констатируют развитие энтропии в результате экспансии всеобщей англофонной мировой культуры. Развитая внутренняя дифференцированность культуры является ответом на ее унификацию, ведет к уменьшению рисков не только для отдельно взятой личности, но и для общества в целом. *Известно, что чем примитивнее внутренняя (социальная) структура общества, тем меньше средств у него для защиты и развития и тем ниже его общий культурный уровень.*

Эволюционный характер культурного и технологического взаимодействия социумов наглядно является доказательством наличия *урбанистического полиморфизма* как устойчивой системы взаимоотношения этносов. Однако именно технологические достижения (интернет, мобильная связь, системы навигации) стали основой активного взаимодействия различных этносов в аспекте социально-культурных норм и традиций (например, транслируемая празд-

нично-обрядовая культура) [1, с. 118]. Таким образом, возникают возможности сопоставления нравственных, этических и других общественных норм различных этносов в ходе научно-аналитического эксперимента, таких как степень гуманизации общества, рассматриваемую в качестве ограничителя глобализационного процесса синтезирования социокультурной среды.

Производство и распространение информации носит планетарный характер диалога культур. Безграничное навязывание однообразных стандартов потребления обусловлено наличием монопольной позиции индустриальных стран в области мировоззрения, претендующих на право исключительного, и часто определяющего голоса. Одинаково уважаемый исторический, культурный и религиозный опыт различных народов и государств только теоретически присутствует в глобальных СМИ. Можно говорить о наличии «империализма средств массовой информации», то есть «культурном империализме» – навязывании однотипной культурной модели вместо конструктивного диалога культур, обеспечивающего их равноправие и равноценность.

В череде глобализационных процессов особо выделяется технологический аспект, состоящий из достижений науки и техники, развития искусства и дизайна, редуцировать который практически невозможно. Техномир стал условием экономии времени и энергии, единым хозяйственным механизмом, диктующим и управляющим. Право на труд и отдых, охрана здоровья, техника безопасности, повышение производительности труда, развитие высоких технологий, нанопроизводство, координация общественного разделения труда, – инструментом такой координации становятся мощные транснациональные финансовые и экономические корпорации. Деятельность этих гигантских образований в XXI веке несет ответственность за цивилизационное и этнокультурное многообразие мира. *Урбанистический полиморфизм* при этом является одной из форм влия-

ния на формирование социокультурной среды (например, создание сверх-городов или, наоборот, коттеджных поселков).

Современную цивилизацию сопровождает эволюционный процесс изменения существующих этносов, создание новых, исчезновение старых. Налицо активный процесс взаимодействия культур, процесс обмена технологиями наряду с попытками сохранить свою самобытность. Изменение мировоззренческих представлений, картин мира, и, как следствие, создание нового мирового социокультурного паттерна, прогнозируют суть идеологемы будущего.

Список литературы

1. Андреева Н.П. Педагогические и информационные ресурсы формирования социокультурного пространства детского творчества. Набережные Челны, 2012. 166 с.
2. Пономарев Е.С., Андреева Н.П. К вопросу о проектном эксперименте в области анализа городского пространства // Перспективы преемственности и взаимосвязи многоуровневого художественно-проектного образования в условиях информационного общества: материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Ступени 2012» (Набережные Челны, 27–29 декабря 2012 г.) / Под ред. В.И. Хаймана. Наб. Челны: НИСПТР, 2013. С. 187–193.
3. Савельев С.В. Изменчивость и гениальность. М.: ВЕДИ, 2012. 128 с.
4. Сукало А.А. Моральное инверсирование в средствах массовой информации и насильственные практики в подростково-молодежной досуговой среде // Вестник НГПИ. 2012. № 23. С. 9–13.
5. Хейдметс М. Пространственный фактор в межличностных отношениях: попытка построения концепции // Человек Среда Пространство. Тартурский Государственный Университет Кафедра философии. Исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды / Ред. коллегия: П. Кенкманн, Ю. Круусваль, М. Лауристин, П. Тульвисте. Тарту, 1979. С. 8–12.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГОРОЖАН

Ахметова Э.Ш.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье рассматривается воздействие промышленных предприятий на окружающую природную среду и здоровье человека.

***Ключевые слова:** окружающая среда, промышленность, качество жизни.*

REGULATION OF THE SOCIO-ECOLOGICAL ENVIRONMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISES AS A CONDITION FOR ENHANCING THE QUALITY OF URBAN LIFE

Akhmetova E.Sh.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article considers the impact of industrial enterprises on the environment and human health.

***Keywords:** environment, industry, life quality.*

Рост технического прогресса резко усиливает негативное воздействие промышленности на окружающую среду и здоровье человека в условиях монопромышленного города. Субъективное состояние здоровья, есть то, что ощущает каждый человек без приборов и медицинских обследований, это и является индикатором состояния экосистемы и адаптивности человека к среде. Исследования сотрудников Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН подтверждают, что жители тесно связывают качество окружающей среды с состоянием своего здоровья [4].

Значительная часть воздействий в условиях монопромышленного города ложится на промышленные предприятия. В г. Набережные Челны действует более 2000 предприятий промышленности и строительства. Среди них такие крупные, как АО «Татэлектромаш», «Картонно-бумажный комбинат», Нижнекамская ГЭС мощностью 1248 МВт, Набережнечелнинская ТЭЦ, АО «Камгэсэнергострой», предприятия строительной индустрии.

Основными источниками загрязнения компонентов окружающей среды, в городе Набережные Челны, являются предприятия таких отраслей, как машиностроение – 52,2%, энергетическая – 36,9%, строительная – 4,0%, пищевая – 1%, транспорт – 0,8%, ЖКХ – 0,8%. Основными веществами, загрязняющих воздух экосистемы города являются: оксид азота, оксид углерода 27,9 ПДВ, пыль неорганическая 223 ПДВ, пыль абразивная 23,6 ПДВ и др. в целом по городу уровень загрязнения оценивается как повышенный [5].

Как показывают исследования, особую неудовлетворенность населения вызывают факторы техногенного характера, связанные с функционированием промышленных предприятий, согласно нашим исследованиям, по оценкам горожан, таковым является автотранспорт – доля респондентов, выделяющих данный фактор как наиболее значимый, заметно возрастает – с 34 до 46%. Увеличивается доля негативно оценивающих влияние массового отдыха

горожан на природе, роль применения химикатов в сельском хозяйстве.

По экспертным оценкам, до 80% всех химических соединений, поступающих во внешнюю среду, рано или поздно попадают в водные источники. По данным ВОЗ около 80% всех инфекционных болезней связано с неудовлетворительным качеством питьевой воды и нарушением санитарно-гигиенических норм [9].

Основными загрязняющими веществами поверхностных вод р. Кама у города Набережные Челны в августе 2013 г. являлись соединения марганца (превышения ПДК 7.7), меди (2.5 ПДК) и сульфатов (1.1 ПДК). [5]

Несмотря на увеличение затрат на охрану окружающей среды, ситуация с экологией не улучшается. Так, атмосферные выбросы загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, в 2012 году составили 17,25 тыс. тонн, в то время как в 2009 году – 13,67 тыс. тонн.

Наибольший вредный вклад в загрязнение водных объектов вносят недостаточно очищенные сточные воды предприятий машиностроения, ливневые городские стоки, сбрасываемые без очистки, и аварийные ситуации на производстве (прорыв магистрального шламопровода ОАО «КамАЗ-Металлургия» значительно ухудшило качество воды в р. Шильна в 2005 году).

Основными загрязняющими веществами остаются нефтепродукты и ионы тяжелых металлов: железо, медь, алюминий, марганец и цинк. Так, в 2012 г. суммарная масса загрязняющих веществ, сброшенных в водные объекты г. Набережные Челны, составляет: БПК – 9478,6 т., взвешенные вещества – 3,4 т., фосфаты – 110,5 т., сульфаты – 5,036 т., хлориды – 4,581,8 т., азот аммония – 2,722,8 т., нитраты – 311,3 т., нитриты – 15,5 т., СПАВ – 6,3 т., хром – 0,11 т., цинк – 0,113 т., медь – 0,027 т.[2]

В 2003–2012 годы экспертами отмечается тенденция подщелачивания почв в городской черте: если в 2003 году показатели кислотности почв составляли 7,6 рН, то в 2012 году – 9,0 рН. Самыми загряз-

ненными, по содержанию свинца, являются жилые комплексы, наиболее приближенные к заводам ОАО «КамАЗ». ТЭЦ, промышленная зона ОАО «КамАЗ», Литейного завода создают постоянную угрозу почвозагрязнения тяжелыми металлами, притом, что самоочищение почв на данных территориях фактически невозможно.

Озеленение и охрана существующих зеленых насаждений, произрастающих на территории города – одно из приоритетных направлений, поскольку зеленые насаждения способствуют улучшению микроклимата и играют важную роль в деле оздоровления окружающей среды, в особенности крупные участки зеленых насаждений – парки, сады, бульвары, скверы.

Согласно п.4.1. СНиП 2.07.01-89 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» уровень озелененности территории застройки населенного пункта должен быть не менее 40 %, а в границах территории жилого района – не менее 25 % (включая суммарную площадь озелененной территории микрорайона). Общая площадь зеленых насаждений в городе Набережные Челны составила в 2013 году – 4,8 тыс. га (2006 году – 5,2 тыс. га), озеленение в 2013 – 32% (в 2006 году – 35,5%) [3].

Состояние окружающей среды г. Набережные Челны превышает ПДК, установленные государственными органами, специально уполномоченными в сфере охраны окружающей природной среды. Это, в свою очередь, является неблагоприятным фактором, отражающимся на показателях здоровья горожан.

Из таблицы 1 видно, что при сравнении структуры заболеваемости по городу и по предприятию имеются заметные различия, что связано с техногенным воздействием производства на здоровье человека (т.е. на степень расстройств и восприимчивость к заболеваниям). К сожалению, это в целом соответствует структуре большинства предприятий машиностроения города, и связано со спецификой данных предприятий и особенностями труда.

Таблица 1.

**Заболееваемость работников ОАО «КИСМ» и жителей
г. Набережные Челны [1]**

Ранг по заболеваемости	Болезни	Кол-во случаев на 100 работников	Кол-во случаев на 100 жителей
1	Болезни органов дыхания, в т.ч. ОРВИ, грипп, фарингит	44,79	23,2
2	Болезни костно-мышечной системы	17,70	11,0
3	Травмы и несчастные случаи в быту	10,26	8,7
4	Органы кровообращение, внутричерепное давление	8,97	6,5
5	Органы пищеварения	7,12	5,9
6	Заболевание мочеполовой системы	4,14	7,3
7	Заболевание нервной системы	2,90	4,0
8	Новообразования	1,02	2,5

По мнению известного ученого Д.Фостера, «качество жизни» определяется уровнем стрессовых ситуаций, плотностью населения, качеством питания и уровнем загрязнения окружающей среды. Автор считает, что чем выше уровень развития промышленности и национального дохода в расчете на душу населения, тем больше плотность населения и уровень загрязнения окружающей среды. Это ведет к росту стрессовых ситуаций и к более низкому уровню качества жизни. Решение экологических проблем способствует сохранению и улучшению окружающей среды. Охрана и развитие окружающей среды должны осуществляться таким способом, чтобы создавались условия для существования человека как биологического вида и его всестороннего развития [7].

Как отмечают ученые, исследующие проблемы экологизации производств, современные промышленные предприятия усиленно используют ресурсы окружающей природной среды. Принцип же инновационной активности реализуется в том, что предприятия

внедряют в свою деятельность новации в экологической сфере. Исследования показывают, что в Республике Татарстан новации носят преимущественно технический характер (72,6%) и направлены на сокращение затрат энергии как природного ресурса (34%).

Согласно проведенным в городе Набережные Челны исследованиям основные проблемы промышленности города жители видят в устаревшем оборудовании и низкой оплате труда (58,8% и 52%). Треть жителей беспокоит нехватка кадров и специалистов (33,6%). Четверть опрошенных источник проблем видит в недостаточной помощи государства (25%), в отсутствии как продуманной политики руководства (24%), так и денежных вложений (22%) [8].

Акцентирование разрушительных последствий производств и городской инфраструктуры без анализа причин – методологически односторонний подход, где результативность краткосрочна и минимальна. Формирующийся в промышленных городах техногенный потенциал не используется в должной мере, пробуждая проблемы увеличения издержек на природоохранные мероприятия. К сожалению, низкими темпами идет внедрение малоотходных и безотходных технологий, большая часть средств расходуется на очистные сооружения. Не разработана обоснованная классификация отходов производства и потребления, учитывающая специфику городского хозяйства.

В социально-экономических планах развития городов эти аспекты фактически не отражены, что не позволяет планировать мероприятия по более рациональному и комплексному использованию техногенных ресурсов. Возможности вовлечения этих ресурсов в хозяйство определяются отраслевой спецификой производства, видами технологических процессов, объемами перерабатываемого сырья, выпускаемой продукции и потребления, качеством сырья, уровнем производств и т.д. Учитывая требования развития хозяйства, ресурсосбережения и охраны окружающей среды, целесообразна организация межведомственных городских природоохранных подсистем [6].

Список литературы

1. Анализ заболеваемости временными трудовыми потерями за 12 месяцев 2005 года по ОАО «КИСМ», О состоянии здоровья населения и деятельности лечебно-профилактических учреждений здравоохранения города Набережные Челны по итогам 2005 г. // Управление здравоохранения города Набережные Челны, 2006.
2. Государственный доклад о состоянии основных показателей окружающей среды Прикамского региона. Текущий архив. 2012.
3. Государственный доклад о состоянии природных ресурсов и об охране окружающей среды Республики Татарстан. [Электронный ресурс] // www.eco.tatarstan.ru (дата обращения 31.08.2013).
4. Докторов Б.З., Сафронов В.В., Фирсов Б.М. Уровень сознания экологических проблем: профили общественного мнения // Социологические исследования. 1992. №12. С. 53.
5. Ежемесячная справка о состоянии окружающей среды республики Татарстан (август 2013г). – По данным Управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды Республики Татарстан. 2013.
6. Литовка О.П., Новиков Э.А. Природно-ресурсный потенциал региональных социально-экономических комплексов. Л.: Наука, 1991. С. 62.
7. Маркович Д.Ж. Социальная экология и экономическое образование // Ученые записки Московского ун-та. 1998. № 3. С. 12–18.
8. Общественное мнение о социально-экономической ситуации в г. Набережные Челны [Электронный ресурс] // www.marketing-research2002.ru/2011/02/28/obshhestvennoe-mnenie-o-socialno-yeconomicheskoy.html (дата обращения 30.08.2013).
9. Доклад ВОЗ о состоянии здравоохранения в мире. [Электронный ресурс] // www.who.int/whr/2008/ru/index.html (дата обращения: 30.08.2013).

ЭКОСИСТЕМА МОНОПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: МЕХАНИЗМ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Ахметова Э.Ш.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье рассматриваются показатели качества жизни городского населения, предлагается модель, описывающая взаимодействие качества жизни населения и экосистемы монопромышленного города. Делается вывод о том, что воздействие экосистемы на качество жизни населения происходит посредством влияния на отдельные параметры качества жизни.

***Ключевые слова:** качество жизни; интегральные показатели; экосистема монопромышленного города; модель взаимодействия.*

ECOSYSTEM OF THE MONOINDUSTRIAL CITY AND QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION: INTERFERENCE MECHANISM

Akhmetova E.Sh.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

In the article figures of merit of life of urban population are considered, the model, opisyyuyushchy interference of quality of life of the population and an ecosystem of the monoindustrial city is offered. The output that impact of an ecosystem on quality of life of the population happens by means of influence on separate parameters of quality of life is drawn.

***Keywords:** quality of life; integral indexes; ecosystem of the monoindustrial city; interference model.*

Понятие «качество жизни» широко освещается как социологическая категория, которая выражает степень и качество удовлетворения определенных материальных и духовных потребностей людей.

На наш взгляд наиболее полно содержание термина «качество жизни» раскрывается в определении, данном В.П. Кондратовым. Последний понимает его как системное образование, сочетающее в себе как объективные компоненты (образ жизни), так и субъективные (духовность, раскрываемую в системе ценностей, в направленности развития) [1, с. 22].

В настоящее время имеется достаточное количество разнообразных методик оценки качества жизни, использующих не одну сотню показателей жизнедеятельности человека в обществе и в отдельных его сферах, именно поэтому данное понятие носит расплывчатый характер.

Обобщив имеющийся опыт, считаем целесообразным контекстуально для исследования ввести следующие интегральные показатели качества жизни городского населения: здоровье (продолжительность жизни, заболеваемость, состояние психического и физического здоровья населения), уровень жизни и материального благополучия (уровень дохода и материальной обеспеченности, уровень потребления благ и услуг), безопасность (экологическая чистота в районе проживания, качество питания, воздуха, правовая защищенность, защита личности и прав собственности), уровень свобод (экономической, политической, правовой, идеологической, культурной). К уровню свобод также контекстуально относим возможность населения интеллектуально и культурно развиваться, трудиться, получать образование. Данные интегральные компоненты имеют как объективное, так и субъективное измерение. В субъективном аспекте они представляют собой степень удовлетворенности населения каждым из выделенных интегральных показателей.

К факторам, определяющим состояние качества жизни населения, относится экосистема города, которая оказывает воздействие на

все перечисленные компоненты системы качества жизни, и это влияние проявляется через различные компоненты экосистемы.

В целом экологическая структура современного города и формы его сочленения с природным окружением отражают противоречия господствующих ценностных ориентацией на современном этапе развития общества: стремление к расширению, развитию универсализации деятельности, с одной стороны, и присвоению его результатов – с другой.

Рис. 1. Структура экосистемы города

Учитывая сложившиеся теории в области структурирования экосистемы города, считаем целесообразным выделить следующие ее

элементы. Во-первых, это единство природной и антропогенной среды, тесно взаимодействующих между собой. Если природная среда относительно автономна, то среда антропогенная полностью зависит от природной и обусловлена ею. Все изменения, происходящие в природной среде, непременно оказывают воздействие на протекание процессов в антропогенной среде. Следовательно, управление экосистемой непосредственно связано с управлением, в том числе, условиями природной среды.

На рис. 2 представлена модель влияния экосистемы на качество жизни населения через отдельные компоненты.

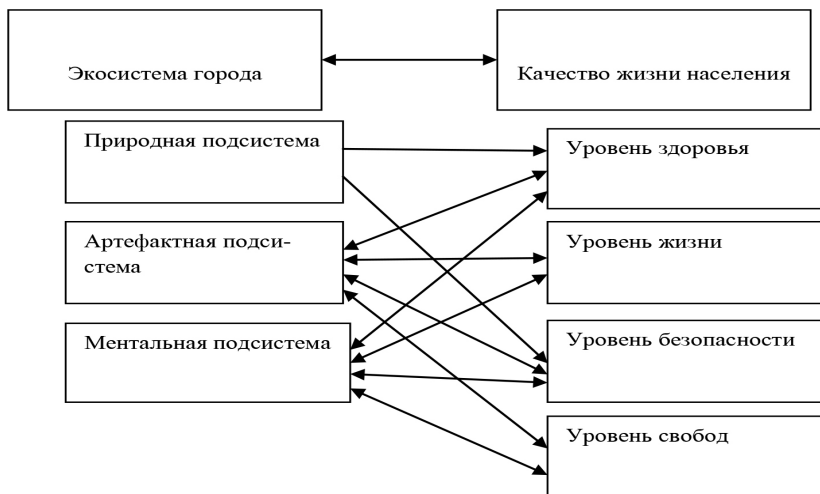

Рис. 2. Взаимовлияние экосистемы и качества жизни населения

Воздействие экосистемы на качество жизни населения происходит посредством влияния на отдельные его параметры. Так, природная среда воздействует на здоровье и безопасность человека; артефактная среда – на здоровье, уровень жизни, безопасность, уровень свобод; ментальная среда – на здоровье, безопасность, уровень жизни и уровень свобод человека. В ходе проведения исследования встала задача составления эмпирической модели данного механизма взаимовлияния.

Влияние экосистемы города на качество жизни населения – вопрос неоднозначный и не поддающийся простой оценке. Данный процесс оцениваем через влияние экосистемы на отдельные группы элементов (критериев) качества жизни городского населения. Среди множества критериев качества жизни населения выделены и систематизированы базовые. Рассмотрение Механизма взаимовлияния экосистемы и системы качества жизни населения позволяет выделить ключевые звенья этой цепи.

По результатам проведенного исследования, население города Набережные Челны оценивает состояние окружающей среды как небезопасное, уровень беспокойности жителей состоянием экологии города в последние годы заметно возрастает. Общей тенденцией является снижение доли безразличных к состоянию окружающей среды горожан, увеличение доли, обеспокоенных ее состоянием, а также рост экологической просвещенности и информированности граждан. Так, к примеру, исследования, проведенные нами, позволяют констатировать, что население города видит в качестве окружающей среды один из главных и определяющих факторов, влияющих на развитие среди населения сердечно-сосудистых, онкологических заболеваний, и лишь менее 1 % отмечают, что экология никак не влияет на рост подобных заболеваний.

Исследования показывают, что удовлетворенность горожан базовыми компонентами качества жизни довольно низка. Горожане отмечают низкую возможность самореализации в экономическом поле, культурном поле, профессиональном поле. В этой связи, заметная роль отводится городской экосистеме как фактору, влияющему на качество жизни населения.

Список литературы

1. Кондратов В.П. Качество жизни горожан (влияние социальной инфраструктуры). Казань, 2004.

ВАЖНЕЙШИЕ ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЗДОРОВЬЯ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Хуснутдинова В.Ш.

Институт экономики, управления и права (г. Казань),
Набережночелнинский филиал, г. Набережные Челны, Россия

Представлен новый взгляд на системно организованный подход в развитии, поддержке и укреплении здоровья населения. Намечены пути оптимизации влияния здоровья на качество жизни. Выявлена необходимость коррекции и разработки законов и принципов укрепления, организации, мониторинга контроля здоровья населения и ресурсов здоровья.

Ключевые слова: здоровье; качество жизни; социальное благополучие; ресурс общества.

THE MOST IMPORTANT WAYS OF OPTIMIZE THE IMPACT OF HEALTH ON QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION IN MODERN CONDITIONS

Husnutdinova V.Sh.

Institute of Economics, Management and Law (Kazan),
Naberezhnye Chelny branch, Naberezhnye Chelny, Russia

Presented new point of view on systematically organized approach in developing, supporting and strengthening the health of the population. The ways of optimization of health effects on quality of life. Identified the necessity for correction and development of laws and guidelines to strengthen, organization, monitoring of population health and health resources.

Keywords: health; the quality of life; social welfare; public resource.

Автор данной работы занимается разработкой путей оптимизации влияния здоровья на качество жизни. Всестороннее изучение здоровья населения является основой для разработки политики и определения приоритетов в системе охраны и укрепления здоровья населения Российской Федерации и его социального развития. Для преодоления негативных последствий в будущем необходимы социальные, обеспеченные в полной мере ресурсами и организационными возможностями, общегосударственные и региональные программы экстренных действий. В связи с этим возникает необходимость определения важнейших путей оптимизации воздействия здоровья на качество жизни населения.

Анализ источников и специальной литературы [3; 4; 5] по изучаемому вопросу не позволяют целостно и комплексно определить сущность современного общественного здоровья и его связи с другими сторонами общественного бытия в пределах одной лишь медицинской науки.

Современная Концепция развития здравоохранения РФ до 2020 г. [9] является бесспорным прогрессом для медицины. Однако она не позволяет на широком уровне прогнозировать здоровье населения и общества в целом, так как концепция ориентирована на повышение качества медицинской помощи населению, а не на здоровье и качество жизни людей. То есть понимание здравоохранения более направлено не на охрану здоровья, а на преодоление последствий многочисленных рисков здоровью.

К числу наиболее актуальных задач, ранее предлагаемых [2; 6; 7] в области здравоохранения и социального развития относятся: устранение негативных тенденций в демографической ситуации; снижение смертности населения; модернизация системы управления, планирование и финансирование отрасли; дальнейшее формирование системы государственных гарантий в сфере охраны и укрепления здоровья населения; обеспечение качественной медицинской

помощи, ее основных звеньев. Необходимо рассмотреть задачи, связанные с повышением качества жизни населения: развитие системы активного укрепления, сохранения и восстановления здоровья граждан страны; целенаправленное формирование мотивации к здоровому образу жизни с рождения ребенка и привитие ему более ответственного отношения к своему здоровью и др.

Использование принципов системного и факторного анализа в решении проблемы оптимизации влияния здоровья на качество жизни, открывает ряд направлений деятельности, далеких от оптимизации современной системы здравоохранения, так как даются в отрыве от других сфер жизнедеятельности, где недостаточно раскрывается возможность использования собственной активности индивида по поводу собственного здоровья.

В результате теоретического анализа источников, а также проведенных социологических исследований автору данного исследования представилась возможность по-новому взглянуть на системно организованный подход в развитии, поддержке и укреплении здоровья населения. Нами предлагается подход к определению направлений оптимизации влияния здоровья на качество жизни населения, отраженный в схеме (см. рис. 1).

Деятельность по оптимизации влияния здоровья на качество жизни населения предложено разделить на три основных блока: 1) обеспечение физического здоровья населения (индивидуальное здоровье); 2) обеспечение психического здоровья населения (здоровье группы людей, семьи коллектива и т.п.); 3) обеспечение морально-нравственного здоровья населения (здоровье населения региона, страны, этноса, общества).

Каждый блок содержит следующие направления:

Блок обеспечения физического здоровья населения: обеспечение населения экологически чистыми товарами народного потребления (ТНП) (полноценное питание, качественная одежда, предметы лич-

ной гигиены и хозяйственно-бытовые товары); обеспечение экологически безопасным жильем, атмосферы, шума и т.п.; эффективная организация медицинского страхования и профилактической медицины.

Блок обеспечения психического здоровья населения: повышение качества деятельности системы здравоохранения; повышение уровня образования и культуры населения; обеспечение психологической безопасности.

Блок обеспечения морально-нравственного здоровья населения: обеспечение качества трудовых ресурсов во всех сферах жизнедеятельности людей; эффективное использование гигиенических норм информатизации населения; здравосберегающее использование высоких информационных технологий.

Сквозными задачами каждого блока соответственно выступают: 1) оптимизация научно-экономических вложений в человеческий капитал; 2) оптимизация научно-экономических вложений в культуру и образование; 3) оптимизация здравосберегающих технологий в повышение качества ТНП.

Становится целесообразным продолжение структурной реформы отраслей, имеющих отношение к здоровью населения:

- медико-биологическое направление обеспечения здоровья населения;
- социально-психологическое направление обеспечения здоровья;
- культурно-нравственное направление обеспечения здоровья населения;
- научно-техническое направление обеспечения здоровья населения;
- экологическое направление обеспечения здоровья населения;
- информационное направление обеспечения здоровья населения;
- экономическое направление обеспечения здоровья населения;
- правовое направление обеспечения здоровья населения.

Рис. 1. Схема оптимизации влияния здоровья на качество жизни населения

С выявлением направлений оптимизации влияния здоровья на качество жизни в прогнозируемом будущем возникает необходимость в появлении качественно новых возможностей социального управления потенциалом здоровья на микро-, мезо- и макро- уровнях, где здоровье выступает основой социального потенциала каждого конкретного индивида, каждой семьи, каждого сотрудника предприятия, т.е. каждого гражданина в регионе, стране. На каждом из этих уровней возникает необходимость мониторинга ресурсов здоровья, анализ результатов которого будет выявлять проблемные зоны обеспечения или создания эффективных условий жизнедеятельности населения, способствующих:

1) эффективному внедрению в жизнь истинно профилактической медицины;

2) реформам в организации и эффективности страховой деятельности в стране, включая личное, корпоративное и территориальное медико-психологическое страхование здоровья и ресурсов здоровья;

3) развитию нового социально-экономического подхода к здоровью граждан региона и страны (например, рентного налогообложения при установлении платежей предприятий за «потребление» и «сверхпотребление» ресурсов здоровья населения);

4) повышению эффективности работы лечебно-профилактических учреждений с позиций коррекции ресурсов здоровья не только болеющих, но и здоровых индивидов;

5) ускорению и развитию различных социально-экономических и культурно-образовательных реформ (не только для работников и пенсионеров сфер здравоохранения, образования, культуры, служб социальной поддержки уже заболевших индивидов, но и здорового населения) с целью внедрения опыта персонифицированного учета ресурсов здоровья и их затрат (в виде профессиональных заболеваний, в том числе и синдрома профессионального выгорания);

6) совершенствованию законодательной системы в сфере обеспечения прав граждан на востребование затрат не только за потери здоровья как материального и/или морального ущерба, но и его сохранения;

7) эффективной здравоохранной работе предприятий за счет создания благоприятных условий для трудящихся и мониторинга уровня ресурсов здоровья работающих.

Оптимизация влияния здоровья на качество жизни раскрывает возможность начала трансформации в профессиональной подготовке работников во всех основных сферах жизнедеятельности людей, не только в сфере здравоохранения, культуры, образования, но и на производстве и в различного рода организациях (компаниях, корпорациях и т.п.) по обеспечению физического, психического и нравственного здоровья населения, благодаря появлению новых массовых профессий: семейный медицинский психолог, семейный страховой агент, семейный юрист и др.; специальная подготовка со-

циологов – экспертов в области мониторинга здоровья на предприятиях и в организациях; юристы и экономисты по вопросам здоровья и определению ресурсов здоровья; менеджеры по организации оздоровительных программ в регионе (в администрации региона, на предприятиях и организации, в коллективе и семье) и др.

Также возникнет необходимость коренным образом изменить способы стимулирования труда специалистов, имеющих отношение к физическому, психическому и нравственному здоровью населения: возможно, возникнут новые способы производить оплату и премировать таких специалистов не за количество принятых больных, а за количество здоровых индивидов на участке, в детском учебном и трудовом коллективе, посетителей культурно-досуговых и физкультурно-спортивных мероприятий.

Таким образом, теоретические и социологические исследования позволяют констатировать крайне безотлагательную необходимость дальнейшего формирования различных институтов развития здоровья населения, как основного фактора качества жизни. И в связи с этим возникает надобность коррекции и разработки законов и принципов укрепления, организации, мониторинга контроля здоровья населения и ресурсов здоровья. И лишь реализация вышеуказанных направлений открывает эффективные возможности создания условий для сознательного выбора здорового образа жизни населения.

Список литературы

1. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М.: ИД «Грааль», 2002. 168 с.
2. Венедиктов Д.Д. Социально-философские проблемы здравоохранения // Вопросы философии. 1980. № 4. С. 137.
3. Казаков Ю.Н. Социальная инфраструктура обеспечения здоровья: монография. М.: Прометей, 2004. 285 с.

4. Лисицин Ю.П. Теоретико-методологические проблемы концепции «общественного здоровья» // *Общественные науки и здравоохранение*. М.: Медицина, 1992. С. 416–435.
5. Лисицын Ю.П. Здоровье как функция образа жизни // *Терапевтический архив*. 1983. № 9.
6. Лисицын Ю.П., Сахно А.В. Здоровье человека – социальная ценность. М.: Мысль, 1988.
7. Матрос Л.Г. Социальные аспекты и проблемы здоровья. М., 1992.
8. Медведев Д.С. Концепция управления здоровьем // ФГОУ ДПО «Национальный институт здоровья», Кафедра биомедицинских оздоровительных технологий // <http://www.cemmed-triomed.ru/konceptcia.php>.
9. Проект Концепции развития здравоохранения Российской Федерации до 2020 года // 2009. 29 января // <http://rosminzdrav.ru/reception/projects/0>.
10. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма: Пер. с англ. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. 304 с.

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ

Сакаев В.Т.

Набережночелнинский институт ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны, Россия

В статье рассматривается влияние демографических процессов на развитие геополитических теорий в XIX–XX веках. Автор описывает влияние отдельных демографических процессов на геополитическое положение, а также исследует эволюцию подходов к оценке влияния демографических процессов на геополитику.

Ключевые слова: демографические процессы; миграции; геополитика; геополитические теории.

THE DEMOGRAPHIC PROCESSES AS A FACTOR OF GEOPOLITICS

Sakaev V.T.

Naberezhnye Chelny campus of Kazan Federal University,
Naberezhnye Chelny, Russia

The article considers an influence of demographic processes on the development of the geopolitical doctrines in the XIX–XX centuries. The author describes the influence of separate demographic processes on the state geopolitical position and also researches the evolution of approaches to assessment of influence of demographic processes on geopolitics.

Keywords: demographic processes; migrations; geopolitics; geopolitical theories.

Демографические процессы с давних пор учитывают при разработке политических теорий и военно-стратегических доктрин. В Средние века и Новое время, задолго до оформления геополитики как самостоятельной дисциплины, философы и генералы размышляли над вопросами влияния численности, размещения и состава населения на внешнеполитические возможности государства. Так, Николло Макиавелли утверждал, что измеряя силу государств «следует принять в воображение и такую сторону дела: может ли государь в случае надобности отстоять себя собственными силами или он нуждается в защите со стороны... поясню, что способными отстоять себя я называю тех государей, которые, имея в достатке людей и денег, могут собрать требуемых размеров войско и выдержать сражение с любым неприятелем» [8, с. 32]. В XVIII в. Жан-Жак Руссо писал, что величина государства как политического организма измеряется протяженностью его территории и численностью населения. Население, в свою очередь, тесно связано с землей, поэтому ее количество и качество определяют численность населения в государстве и даже характер будущих войн. Рост численности населения, превысив определенную величину, которую сельское хозяйство страны способно обеспечить продовольствием, неизбежно вызывает зависимость от соседей. Преодолеть эту зависимость возможно только путем завоевательных войн [11, с. 235–239]. Интересно, что главной причиной краха своей попытки сделать Францию владычицей мира, Наполеон называл недостаточную для подобной цели численность ее населения [13, с. 421].

С момента оформления геополитики как самостоятельной области научного знания, демографические процессы сразу стали ключевым элементом геополитического анализа. Фридрих Ратцель,

например, указывал, что малая численность населения страны является поводом к ее упадку (маленький народ проще завоевать). Малые народы, как правило, находятся на низких ступенях развития, а их жизненные силы истощаются в неравной борьбе с силами природы. И наоборот, крупные по численности народы имеют значительно больше возможностей к расширению своего жизненного пространства. По мнению Ратцеля, демографический фактор определяет направление и характер геополитики: удел сильных народов – расширение и экспансия, удел слабых – быть поглощенными более мощными соседями. При этом Ратцель связывал процессы увеличения численности населения страны и ее культурного роста. Культурное развитие в свою очередь сокращает зависимость человека от сил природы и является неотъемлемым условием создания великих государств: «В густом населении заключается не только прочность и порука энергичного развития, но и непосредственный стимул культуры. Чем ближе люди соприкасаются между собой, тем менее погибает культурных приобретений, тем выше поднимается соревнование в проявлении сил. Умножение и укрепление численности народа находится в самой тесной связи с развитием культуры; редкое население в обширной области связано с низкой культурой; в старых и новых культурных центрах мы видим плотно скученные массы» [7, с. 55–72]. В плотности и скученности населения он видел источник силы государства: «Только народы, живущие одной сплошной массой, обладают силой Антея (Святогора-богатыря)» [3, с. 44]. К демографическим процессам можно отнести и миграции населения, которым Ратцель отводил большое место в процессе пространственного роста государства: «Народ растет, умножаясь в числе, страна – увеличивая свою территорию. Для увеличившегося населения необходимы новые пространства: оно перерастает страну. Сначала оно начинает утилизировать внутри государства те участки земли, которые оставались незанятыми; это – внутренняя коло-

низация. Если этого оказывается недостаточно, народ обращается к внешней колонизации, очень часто связанной с военным движением вперед, с завоеванием» [3, с. 21–22]. Далее он делает вывод: «Вместе с увеличением населения открывается все больше новых земельных пространств» [3, с. 27].

Следующий этап связан с работами Рудольфа Челлена, который среди пяти важнейших политических форм (элементов политики) наряду с геополитикой выделил и «демополитику», которую понимал как проявление в форме государства народа с его национальными и этническими характеристиками. То есть, в оценке государства географическая и демографическая составляющие, по его мнению, равнозначны. Как и Ратцель, Рудольф Челлен считал, что численность населения определяет характер политики. Сильные государства с большой численностью населения вынуждены вести завоевания, чтобы давать «излишним» народным массам работу и хлеб. Челлен писал: «Очевидно, что даже с чисто статистической точки зрения вопрос народонаселения приобретает решающее значение для направления всей внутренней и внешней политики... Как только весь народ при нормальных условиях сначала заполняет, а потом уже и переполняет свое пространство, тогда наконец, наступает момент, когда в стране населения больше, чем она может прокормить. Именно тогда государство обязано направить свою политику на выполнение простейшей задачи: поиск “хлеба в пустыне” для излишков своего населения... Именно таким образом обозначается общее направление политики государства – его большая или меньшая умеренность во внешней политике следует уже из этого математического соотношения между страной и ее народом (соответственно экономикой). Мы фиксируем крайнюю перенаселенность и нехватку населения, смотря по тому, является ли страна большой или меньшей, чем население, согласно нормальному показателю для государственной системы» [15, с. 207–210].

Другой представитель немецкой школы – Карл Хаусхофер в основу своей геополитической теории положил демографические расчеты, которые позволяли ему ставить вопрос об узости имеющегося у Германии жизненного пространства для естественного развития. Демографические расчеты давали ему также возможность говорить о несокрушимости континентального блока Берлин – Москва – Токио [14, с. 380].

Не меньшее внимание демографическим характеристикам государства уделяли и представители англо-американской школы геополитики. Так, например, на основе анализа плотности населения «Хартленда», Хэлфорд Макиндер сделал вывод об особом статусе «Леналэнда» (территорий восточнее р. Енисей) и соответственно о возможности военного отторжения «Леналэнда» от территории «Хартленда». В частности, он писал: «Россия Леналэнда имеет 9 миллионов жителей, 5 из которых проживают вдоль трансконтинентальной железной дороги от Иркутска до Владивостока. На остальных территориях проживает менее одного человека на 8 квадратных километров. Природные богатства этой земли – древесина, минералы и т.д. – практически нетронуты» [4, с. 49]. На значимость демографического фактора в оценке морской мощи государства указывал и Альфред Мэхэн, который, в числе составляющих элементов морской мощи, выделил «численность народонаселения». Под ней он подразумевал численность той части населения страны, которая знакома с морем и может быть с успехом привлечена для службы на военном или торговом флотах [10, с. 58–64]. Подобно Мэхэну, для анализа геополитического могущества государства другой американский геополитик Николас Спайкмен среди 10 критериев выделил такие демографические характеристики страны, как «объем населения» и «этническая однородность» [4, с. 63].

Важное место демографический фактор занимал и в геополитических воззрениях представителей русской школы геополитики. В

частности, фельдмаршал Д.А. Милютин в свою концепцию геостратегического анализа включал такой элемент как «народонаселение». Именно народонаселение, его материальное и моральное состояние, наряду с территорией страны и государственным устройством, формируют средства государства для успешного ведения войны, наступательной или оборонительной с той или иной державой. Вот, что он писал на этот счет: «Народонаселение, его численность, распределение, степень материального благосостояния, моральное положение не только определяют численность вооруженных сил, но и существенные их свойства, а также указывают в какой степени, в случае войны, правительство может полагаться на содействие народа и на благонадежность самих войск» [9, с. 43–48].

Другой российский исследователь В.П. Семенов-Тянь-Шанский в своем труде «О могущественном территориальном владении применительно к России (очерк политической географии)» серьезное внимание уделил миграциям населения, а также применительно к России разработал гипотезу о колонизационных базах в Сибири как гарантах ее территориально-политического могущества. В увеличении плотности населения периферийных районов России, особенно Восточной Сибири, он видел возможность сохранения ее континентальной системы могущества «от моря до моря»: «Единственным серьезным средством для успешной борьбы в условиях растянутой государственной территории является неотложное доведение географического центра такой территории по возможности до одинаковой или близкой по степени густоты населения и экономического развития с западным коренным концом государства, до возможного выравнивания их» [3, с. 205].

Видный российский стратег А. Вандам (Едрихин) считал численность населения важнейшим фактором геополитики. В своей работе «Величайшее из искусств» он указывал: «В настоящее время на земном шаре существуют лишь два истинно великих народа

– 160 000 000 англосаксов и 160 000 000 русских», которые создали настоящие Империи. Относительно Германии А. Вандам писал: «Трагизм последней состоит в том, что при огромном приросте населения, не имея возможности кормить на одной и той же, ни на пядь не увеличившейся площади сначала 40 000 000 душ, потом 50 000 000 и, наконец, как в данное время 65 000 000, она волей-неволей должна двинуться против одной из двух Империй» [2, с. 175–176].

Повышения роли демографических характеристик государств в геополитике отмечается и в работах постклассических американских геополитиков. Самуэль Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» в качестве фактора грядущего усиления исламской и латиноамериканской цивилизаций называл именно демографию. Благодаря высокой рождаемости в исламских странах, доля жителей этой цивилизации в общей численности населения Земли к 2030 г. вырастет до 30 %. Одновременно высокая рождаемость обеспечит рост доли молодежи в населении исламских стран, которая в силу социальных проблем окажется благодатной почвой для различных религиозно-политических движений. Все это приведет к началу т.н. «исламского возрождения». По демографическим же причинам (сокращение численности населения) С. Хантингтон предсказывал в XXI в. уменьшение геополитического значения и влияния православно-славянской цивилизации [5, с. 257–261]. Не меньшее внимание демографическим процессам уделяет и Збигнев Бжезинский. Именно численность и структура населения, наряду с географическим положением, экономическим, ресурсным и военным потенциалом, позволяют ему оценить геополитическую мощь новых государств Евразии и их союзов [1, с. 74, 89, 115]. Близкие оценки влияния демографических процессов на геополитическое положение государств давал и Г. Киссинджер [6, с. 99, 102].

Уже с момента возникновения геополитики демографические процессы были в центре ее внимания. Демографические характе-

ристики государства, наряду с географическим положением, финансово-экономическим, ресурсным и военным потенциалом рассматривались как важнейший элемент мощи государства. При этом под демографическими характеристиками понимались численность, размещение, состав и другие свойства населения страны, и их влияние на характер и интенсивность внешней политики государства, способность его защищаться и нападать. В характере народонаселения геополитики прошлого и современные авторы видят источник активности или упадка государства, но если в первой половине XX в. в динамике численности населения видели первопричину экспансионистской политики, то в конце XX в. в ней видят основу политического лидерства и значимости того или иного государства. С течением времени демографический фактор в геополитике несколько не утратил своего значения. Напротив, обострение сырьевой проблемы вновь выдвигает на первый план демографический фактор. Для Российской Федерации это особенно актуально, так как в XXI в. ей предстоит решать проблему защиты своих сырьевых ресурсов от геополитических притязаний других государств. Для России решение этой задачи осложняется глубокой депопуляцией и ожидаемым, по прогнозам экспертов ООН, сокращением на 30 % численности населения в течение первой половины XXI века. Таким образом, в текущем столетии демографические процессы, в том числе для России, станут решающим фактором при оценке геополитического положения и геостратегических возможностей государств. Считаем уместным привести мысль немецкого историка Г. Вайтца, высказанную им еще в 1862 г.: «Растущее народонаселение не является безусловным преимуществом и признаком силы, но уменьшающаяся численность народа всегда означает болезнь» [15, с. 208]. В тоже время, для геополитики все-таки первостепенным является фактор географического положения. По мнению же автора, такой подход является уже устаревшим. География определяла мировую политику в XX в., а де-

мография будет определять ее в XXI в. Подобный подход применяет другая междисциплинарная область знания – политическая демография [9]. Политическая демография близка к геополитике своим реалистским подходом в исследовании мировой политики. Но, в то же время, в основу своего анализа мировой политики политическая демография, в первую очередь, закладывает, все же не географическое положение государства, а его демографический потенциал.

Список литературы

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2005. 256 с.
2. Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; закл. ст. И. Даниленко. М.: Кучково поле, 2002. 272 с.
3. Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2007. 512 с.
4. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея, 1999. 928 с.
5. Исаев Б.А. Геополитика. СПб.: Питер, 2006. 384 с.
6. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика?: Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2002. 352 с.
7. Классика геополитики, XIX век / Сост. К. Королев. М.: АСТ, 2003. 718 с.
8. Макиавелли Н. Государь: Пер. с ит. М.: Планета, 1990. 84 с.
9. Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики // Русский геополитический сборник. 1996. № 2. С. 43–48.
10. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 634 с.
11. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 544 с.

12. Сакаев В.Т. Политическая демография: предметное поле и исследовательские возможности // Власть. 2011. № 7. С. 86–88.
13. Тарле Е. Наполеон. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 512 с.
14. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.
15. Челлен Р. Государство как форма жизни: Пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина. М.: РОССПЭН, 2008. 319 с.

ПРАВО

LAW

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ, ОБЩЕНИЕ С ПОТЕРПЕВШИМ, СВИДЕТЕЛЯМИ И ЭКСПЕРТОМА

Гатауллин З.Ш.

Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Елабуга, Россия

Аргументировано, в условиях состязательного уголовного процесса государственному обвинителю возлагается функция обосновать путем доказывания в суде обвинение, сформулированное в стадии предварительного расследования. Обосновано, для эффективного осуществления поддержания государственного обвинения в суде прокурору, выступающему в статусе государственного обвинителя, необходимо взаимодействие с иными участниками уголовного судопроизводства. Внесены предложения, направленные на повышение качества поддержания государственного обвинения в суде.

Ключевые слова: прокурор; государственное обвинение; следователь; потерпевший; свидетель; эксперт.

THE INTERACTION OF THE PUBLIC PROSECUTOR WITH THE INVESTIGATOR, COMMUNICATION WITH VICTIM, WITNESSES AND EXPERT

Gataullin Z.Sh.

Yelabuga Institute of Kazan (Volga region) federal University,
Elabuga, Russia

Argued, in the conditions of adversarial criminal proceedings to the public prosecutor is assigned the function of proof to substantiate the charge by the court, stated at the preliminary investigation stage. Justified for the effective implementation of the maintenance of public prosecutor in court, acting in the status of the public prosecutor interaction is needed with other participants in the criminal justice system. Made proposals aimed at improving the quality of public prosecution in court.

Keywords: *prosecutor; the public prosecution; the investigator; the victim; a witness; expert.*

Уголовное преследование, осуществляемое государственным обвинителем в судебном разбирательстве, имеет цель: на основе обвинения, сформулированного следователем в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, в дальнейшем закрепленного в обвинительном заключении, добиться вынесения судом законного, обоснованного и справедливого приговора.

Государственному обвинителю в процессе подготовки к судебному разбирательству для познания во всех деталях и подробностях, связанных с уголовным делом, направленным в суд, следует тесно общаться с прокурором, осуществляющим надзорную функцию в стадии предварительного следствия.

Исследование доказательств в условиях состязательного процесса позволяет выявить упущения, допущенные в ходе предварительного следствия, которые создают сложности доказывания предъявленного обвинения. Устраняет их государственный обвинитель (это его непосредственная обязанность). Восполнить пробелы расследования удается, используя право представления новых доказательств. Тесное взаимодействие государственного обвинителя с надзирающим прокурором в дальнейшем помогает избежать допущения серьезных просчетов и упущений в предварительном следствии.

Общение со следователем, который в ходе производства по уголовному делу в результате многократного общения со всеми участниками уголовного судопроизводства владеет полной информацией об их личных качествах, имеет представление о том, как они могут вести себя в той или иной ситуации, позволяет государственному обвинителю выработать следующую тактику: 1) обсудить со следователем версии, которые сторона защиты может выдвинуть в суде; 2) выработать тактику опровержения версии защиты; 3) продумать тактику допроса подсудимых; 4) обсудить целесообразность вызова для предварительных бесед потерпевших и свидетелей стороны обвинения; 5) анализировать необходимость вызова дополнительных свидетелей.

Безусловно, общение со следователем и прокурором, надзирающим за расследованием уголовного дела, позволяет получить дополнительные разъяснения по отдельным доказательствам, существенно расширяет представление государственного обвинителя о круге информации по делу, имеет большое значение для поддержания государственного обвинения в суде.

Относительно общения государственного обвинителя с потерпевшим и свидетелем среди процессуалистов существуют взаимоисключающие точки зрения. Одни авторы полагают, что общение с потерпевшим и свидетелем со стороны государственного обвинителя, направленное на то, какие показания необходимо давать в процессе судебного следствия, носит противозаконный характер. Другие выступают за проведение в необходимых случаях предварительных бесед с потерпевшим и свидетелем, и разъяснение им необходимости дачи в суде правдивых показаний [1–4; 6; 7; 10].

Действительного в УПК РФ прямого указания на наличие подобного рода полномочий не предусмотрено. Тем не менее, в условиях осуществления уголовного судопроизводства на основе равноправия и состязательности сторон, каждая из них представляет в суде свои

доказательства. Как показывает практика, нередки случаи, когда сторона защиты репетирует своих свидетелей, какие показания они должны давать в рамках допроса в судебном следствии, как отвечать на возможные варианты задаваемых вопросов, подобное поведение защитника противоправным действием не считается [5, с. 101].

Государственному обвинителю, как равноправному участнику судебного разбирательства, не должно запрещаться общаться со свидетелями и потерпевшими обвинения. В результате беседы предполагается выяснить, готовы ли они подтвердить в суде свои показания, которые давали в стадии предварительного следствия. В том случае, если они отказываются давать показания в судебном следствии аналогичные предыдущим, необходимо выяснить причины такого поведения. Как показывает практика, нередки случаи, когда потерпевшие и свидетели по делам о терроризме отказываются приходить и давать показания в судебном заседании из-за боязни за собственную безопасность и благополучие близких, нередки случаи угрозы со стороны родственников и близких обвиняемых. В таких случаях усилия государственного обвинителя должны быть направлены на устранение этих опасений, прибегая к мерам обеспечения безопасности, предусмотренными уголовно-процессуальным законом и иными актами [9]. Одним из вариантов разрешения этой проблемы может служить засекречивание свидетеля.

Государственному обвинителю следует иметь в виду, что нередко свидетели стороны обвинения, не обладающие высокими нравственными качествами, могут не явиться в суд, выражать недовольство вызовом в суд. Процедура судебного процесса такова, что свидетелям порою довольно продолжительное время приходится проводить в нервном состоянии, ожидая вызова в судебное заседание для дачи показаний. В подобных случаях предварительная беседа, направленная на разъяснение перед вызовом и допросом, каким образом происходит судебное следствие, непременно будет способствовать снятию напряжения.

Государственному обвинителю при взаимодействии со свидетелями и потерпевшими необходимо придерживаться следующей тактики: 1) общение должно быть проведено до начала судебного следствия вне судебного разбирательства, чтобы снять все сомнения в его объективности и беспристрастности, а также его личной заинтересованности в исходе дела, следовательно, подобное общение в ходе судебного следствия не допустимо; 2) исключить любые варианты оказания давления на свидетеля или потерпевшего: запугивание, подкуп, введение в заблуждение с целью получения нужных показаний; 3) выявить и устранить причины нежелания явиться в судебное заседание; 4) создать условия и обеспечить явку свидетеля или потерпевшего для последующего допроса в судебном заседании.

В ходе судебного разбирательства государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, первым допрашивает потерпевшего и свидетелей, вызываемых по списку. На практике может получиться так, что важного свидетеля на время следствия могли спрятать заинтересованные лица, свидетели могли уехать в длительную командировку. В УПК РФ правовых норм, обязывающих прокурора обеспечить явку потерпевшего и свидетеля, не прописано. Однако прокурор, как сторона обвинения, заинтересован в том, чтобы свидетели его стороны явились и дали показания в суде, для этого он принимает необходимые меры.

Имеются ли правовые основы использования государственным обвинителем, путем оглашения ранее данных потерпевшим и свидетелем показаний, как доказательств в судебном разбирательстве в их отсутствии.

В случае неявки потерпевшего или свидетеля оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства,

сделанных в ходе допросов, законом допускаются с согласия сторон [8]. Следовательно, в случаях, когда государственный обвинитель ходатайствует перед судом об оглашении показаний важного свидетеля, полученных следователем в ходе его допроса при производстве предварительного расследования, отсутствующего по уважительным причинам, а сторона защиты возражает в этом, рассчитывать на удовлетворение ходатайства со стороны суда не приходится.

Оглашение ранее данных ими показаний допускаются только в случаях: 1) смерти потерпевшего или свидетеля; 2) тяжелой болезни, препятствующей явке в суд; 3) отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда; 4) стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд; 5) отказа потерпевшего или свидетеля от дачи показаний заявленного в суде.

Действительно, положения, изложенные в ч. 1 ст. 281 УПК РФ, не позволяют прокурору огласить показания неявившегося свидетеля, данные им в ходе предварительного следствия, если возражает сторона защиты. Скажем, местонахождение важного свидетеля не было установлено, прокурор ходатайствовал об оглашении его показаний, однако суд отклонил, тем самым, не ущемлены ли права стороны обвинения? На наш взгляд, в состязательном уголовном судопроизводстве стороны процесса не должны быть ущемлены в правах, должна существовать симметрия возможностей сторон при подготовке и осуществлении судебного процесса, что является гарантией реализации основополагающего принципа равноправия и состязательности в российском уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Басманов Н., Гусаков Э. Активная роль государственного обвинителя-залог законного приговора // Законность. 2007. № 12. С. 8–10.

2. Гагауллин З.Ш. Возбуждение уголовного дела по терроризму – начальный этап уголовного преследования // В мире научных открытий. 2013. № 1.3. С. 193–209.
3. Исаенко В. Досудебная подготовка потерпевших и свидетелей государственным обвинителем // Законность. 2011. № 3. С. 17–20.
4. Карабанова Т.Н. Судебное следствие в уголовном процессе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 29 с.
5. Корневский Ю.В. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству. М., 2004. 159 с.
6. Курочкина Л. Потерпевший и свидетель в уголовном судопроизводстве // Законность. 2009. № 3. С. 50–52.
7. Миронов В.А. Полномочия прокурора и их реализация при производстве по уголовным делам в суде первой инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. 24 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.09.1975 № 5 (ред. от 09.02.2012) «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел» // СПС Консультант плюс.
9. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ.РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.
10. Щемеров С.А. Участие прокурора в стадии судебного разбирательства уголовного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 28 с.

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

РУССКИЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПЛАСТ В ТОПОНИМИИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ ТАТАРСТАНА

Ахатова З.Ф.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье раскрываются этимологические, лексико-семантические особенности русского пласта топонимов – географических названий Нижнего Прикамья Республики Татарстан. Главным образом русский пласт представлен ойконимами – названиями населенных пунктов. Исследование показывает, что русский и татарский пласт находятся в тесном взаимодействии.

***Ключевые слова:** русская топонимия; русская ойконимия; Татарстан; славянский этнолингвистический пласт топонимов.*

THE RUSSIAN ETHNO-LINGUISTIC LAYER IN THE TOPONYMY OF THE LOWER KAMA REGION OF THE TATARSTAN REPUBLIC

Akhatova Z.F.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article reveals the etymological, lexical-semantic features of the Russian for-mation of names and geographical names of the Lower In-

kamya the Tatarstan Republic. Mainly Russian stratum represented by oikonymy – place names. The study shows that Russian and Tatar layer are in close interaction.

Keywords: *russian geographical names; russian oikonymy; Tatarstan; slavic ethno-linguistic layer names.*

В связи со сложными процессами формирования татарского народа и татарского языка, топонимия Нижнего Прикамья, тюркская в своей основе, неоднородна. Помимо основного тюрко-татарского, значительного финно-угорского этнолингвистического пластов, в топонимии Нижнего Прикамья выделяется русский пласт, представленный многочисленными географическими названиями.

Известно, что исторические связи жителей нашего края с русским народом начались еще в эпоху Хазарского каганата, продолжались и крепились в Булгарский период. Уже в первые 15 лет после завоевания Казани более трети татарских деревень были отданы в руки русских феодалов. Бывшие татарские села и деревни заняты служилыми людьми из Руси. Этим и объясняется существование многочисленных русских населенных пунктов с тюркскими названиями. Расселение же русских в районах Нижнего Прикамья и Закамья было более поздним [1, с. 19].

С географической точки зрения физико-географическими частями Нижнего Прикамья Татарстана являются правобережье и левобережье нижнего течения Камы до ее устья, а также агрызский выступ республики.

В топонимии Татарстана, в том числе и Нижнего Прикамья, куда входят преимущественно восточные районы республики, русская топонимия занимает значительное место. Нижнее Прикамье является зоной достаточно компактного расселения русских, правда, в пределах территории русские наименования населенных пунктов распределены неравномерно. Например, в Актанышском районе, который

населяют почти только татары, нет ни одного русского населенного пункта, за исключением одного селения, где проживает небольшое количество русских совместно с татарами. Немногочисленны русские поселения и в соседнем Агрызском районе. Более компактно русские расселены в Елабужском, Заинском, Алексеевском, Чистопольском районах Нижнего Прикамья Татарстана.

Хронологически русские географические названия в указанном регионе образуют самый поздний пласт. В настоящее время в регионе насчитывается около 230 русских населенных пунктов. Кроме того, в 59 селениях русские проживают совместно с татарами.

Из 290 ойконимов русскими по происхождению являются около 60 % названий. Остальная же часть ойконимов образована на тюркской, финно-угорской основе или представлена смешанными, гибридными названиями.

Хронологически достаточно большая часть русских ойконимов восходит к XVII–XVIII вв., большинство – к XIX в. Также многочисленны ойконимы, относящиеся к послеоктябрьскому периоду.

Что касается гидронимов, наличествующих в местах расселения русского населения, то они в основном принадлежат языку аборигенного населения. Это можно объяснить тем, что водные пути в старину были главными путями сообщения и их наименования сразу же прочно осваивались русскими, тогда как местные наименования гор и других «точечных объектов забывались или вообще оставались неизвестными»[2, с. 51].

В целом в Нижнем Прикамье Татарстана представлены те же структурные и семантические типы русских топонимов, что и на других территориях позднего заселения. В ряде случаев появление русских названий в регионе связано с процессом калькирования, что имеет широкое распространение в районах вторичного заселения: Холодный Ключ, Новая Деревня и др. Несомненно, немало примеров оригинальных русских моделей, для которых трудно предпола-

гать наличие местного иноязычного образца: Никошновка, Мурзиха, Нератовка и др.

Ряд местных, т.е. нерусских топонимов, испытали воздействие со стороны русского языка, например, в оформлении конца названия: Ахматка, Камышинка и др. Другая, русская по происхождению, небольшая группа названий появилась в результате татарской адаптации русских апеллятивов: Урусово от «русский», Семистрау (Семиострово) от «семь островов» и др. Но более значительна обратная адаптация – переоформление тюркских (татарских) топонимов под влиянием русского языка.

Вообще взаимодействие русской и тюрко-татарской топонимии края имеет глубокие корни и восходит к периоду существования Волжской Булгарии. Интенсивный же процесс взаимодействия начинается с середины XVI столетия, со времени присоединения Казанского ханства к Русскому государству, т.е. с появлением русских топонимов начинается их взаимодействие. Так как русские переселенцы селились на местах, обжитых коренным населением, около городов, по берегам рек, озер, они весьма часто осваивали местные тюрко-татарские топонимы – названия сел и деревень, рек, озер, полей и т.д. Как показывает исследование указанного региона, русское население часто поселялось совместно с татарскими или другими народами, в основной массе принимало и осваивало татарские названия, которые по фонетико-морфологическим законам русского языка подвергались определенным изменениям. Например, следующие названия населенных пунктов исследуемого региона являются результатом подобной адаптации: Бетьки (тат. Бәткә) Тукаевского района, Шаршада (тат. Чыршылы) Агрызского района, Тогаево (тат. Тугай) Менделевского района и др.

Результатом взаимодействия русской и татарской топонимии явилось широкое распространение в ойконимии региона смешанных (гибридных) названий: Красный Яр Заинского района, Сарсаз-Горы Мензелинского, Мусабай-Завод Тукаевского района и др.

В Нижнем Прикамье многочисленны, как и на других территориях, отантропонимические названия, образованные от имен, фамилий, прозвищ, указывающих прежде всего на первопоселенцев или владельцев населенных пунктов. Названия такого рода носят массовый характер: Максимково, Матвеевка, Тихоново, Мальцево, Поспелово и др.

Интересно отметить, что большое количество антропотопонимов русского пласта этимологически восходит к тюркскому(татарскому) языку-основе, к тюрко-татарским, чувашским личным именам и прозвищам, так называемым русским фамилиям тюркского происхождения. К таковым можно отнести ойконимы Мурзиха (от тат. сословного титула, антропонима *морза*) Мазино, Кураково, Утяшкино, Смыловка, Азев, Семенеево, Алкино, Салтыковка, Минькино, Соболеково и др.

В настоящее время в регионе существует несколько ойконимов, основанных на именах и фамилиях выдающихся деятелей науки и вождей революции: г. Менделеевск и с. Бехтерево; с. Кирово, п. Ильичевка, с. Калинино и др.

Среди названий русских населенных пунктов встречаются также названия, восходящие к этнонимам. Многочисленны ойконимы типа Русский Каран, Русская Шаршада, Русская Мушуга с тюркскими этнонимами в составе, которые указывают на проживание на смежных территориях русского и местного татарского населения.

В Нижнем Прикамье хорошо представлены обычные для тюркской топонимии названия, основанные на сословных титулах: Князево, Поручиково, Поповка и др.

По существу архаичны и довольно многочисленны названия населенных пунктов, связанные с христианской религией, с религиозной обрядностью и названиями храмов. Однако в настоящее время религиозные корни подобных наименований не всегда ощущаются. К таковым можно отнести ойконимы Новотроицкое, п. Троицкий,

п. Новоспасск и др. Сохранились названия, которые некогда были даны в честь христианского святого – Ильинка, Новоникольское, Староникольское и др., «деклерикализации» которых способствовали многочисленные антропонимические топонимы, образованные от канонических личных имен [2, с. 57]. С христианским религиозным праздником связано и название села Покровское.

Обширна группа топонимов, образованных путем переноса названий со смежных объектов, т.е. способом метонимии. Среди исходных топонимов особое место занимают названия, восходящие к географическим терминам: с. Полянка, п. Луговой, д. Пустынка, с. Выгороженный Ключ, д. Холодный Ключ, д. Светлое Озеро, д. Гари, д. Круглое Поле, с. Красная Горка, с. Икское Устье и др. Встречаются образные наименования типа Благодатная, Нератовка, Дыреевка, Мишка-Овраг, Прости и др. Среди специфических наименований региона можно указать ойконимы типа Свердловск, Старая Тамбовка, связанные с названиями крупных городов. Отгидронимические ойконимы, первично связанные как с географическими номенклатурными терминами (п. Малореченский, Светлое Озеро), так и с собственными именами (п.п. Камский, Ижевка) также распространены в Нижнем Прикамье.

В регионе имеются также характерные для топонимии многих регионов названия, связанные с растительным миром: Красный Бор, Борок, Боровецкое; названия, связанные с различными породами деревьев: Большая Сосновка, Вишневка, Калиновка, Березовая Грива и пр.

Ярким смысловым содержанием отличаются и легко выделяются в топонимии региона ойконимы, созданные в новую, социалистическую эпоху: п. Пробуждение, п. Просвет, п. Вольный Труд, п. Трудовой, д. Дружба, д. Майская Горка, п. Комсомолка и др. Позже часть таких ярких революционных названий была переименована и забыта.

Примечательно, что в русской ойконимии региона, по сравнению с тюркской, более высок удельный вес антропонимов. В образова-

ний русских антропооиконимов участвуют личные имена, прозвища, а также, в отличие от тюрко-татарской ойконимии, отчества и фамилии. Число повторяющихся названий в ойконимии региона небольшое, что нужно отметить как положительное явление на пути преодоления стереотипности в топонимах.

Следует отметить, что тюрко-татарский, русский и др. этнолингвистические пласты топонимов не являются обособленными друг от друга, наоборот, находятся во взаимодействии, обогащают друг друга, как и языки их носителей. В совокупности они создают топонимическую систему Нижнего Прикамья Республики Татарстан.

Список литературы

1. История Татарской АССР / Под ред. М.К. Мухарямова. 2-е, доп. изд. Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. 256 с.
2. Матвеев А.К. Топонимия Урала. Свердловск, 1985. 76 с.

ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Большакова Л.В.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

Данная статья посвящена изучению отсутствия согласованности между программами партнеров коммуникации в реальном естественном диалогическом общении. Коммуникативная неудача – это такой сбой в общении, когда наша речевая задача не решается или решается частично. Полностью избежать коммуникативных задач невозможно, но можно свести их к минимуму, если знать причины, порождающие их.

Ключевые слова: диалог; коммуникация; коммуникативная неудача; коммуникативное намерение; говорящий; слушающий; постулаты общения.

THE PROBLEMS OF SPEECH COMMUNICATION

Bolshakova L.V.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

This article is devoted to study of absence of coherence between programs of the communication's partners in real natural dialogical communication. Communicative failure is such failure in communication when our speech problem isn't solved or solved partially. Completely it is impossible to avoid communicative tasks, but it is possible to minimize them if to know the reasons generating them.

Keywords: dialog; communication; communicative failure; communicative intention; the speaker; the listener; communication postulates.

Для реального естественного диалогического общения характерно явление, которое получило название коммуникативная неудача. Коммуникативные неудачи представляют интерес, потому что они наглядно выявляют те черты непринужденного разговора, из-за которых коммуникативные намерения говорящего и их восприятие слушающим не совпадают. Именно поэтому мы избрали для анализа живую неподготовленную непринужденную речь – естественный диалог. С нашей точки зрения, именно в этой сфере представлено наибольшее число коммуникативных неудач и разнообразие их типов.

Коммуникативной неудачей называют полное или частичное непонимание высказывания собеседником, то есть коммуникативное намерение говорящего или не осуществляется, или осуществляется не полностью. Такое использование термина встречается во всех работах, где ведется речь о коммуникативных неудачах. Обиду, раздражение, удивление, а именно появляющиеся в процессе общения и не предусмотренные говорящим нежелательные эмоции, тоже можно отнести к коммуникативным неудачам. В этих дополнительных эмоциях общения часто выражается взаимное непонимание партнеров коммуникации.

Наблюдения показывают, что коммуникативные неудачи постоянно сопутствуют общению людей друг с другом. Коммуникативные неудачи могут случаться при общении людей и знакомых, и незнакомых; одного и разного возраста, образования, социального и профессионального статуса. Причиной возникновения коммуникативных неудач могут стать психологические свойства собеседников, например желание или нежелание общаться.

Если следовать логике, знакомство или близкое общение партнеров по коммуникации должны способствовать коммуникативным удачам. Но часто именно это становится причинами коммуникативных неудач: участник общения часто обманчиво предполагает, что партнера занимают те же события и те же проблемы, что их инте-

ресы совпадают. А также усталость, раздражение, давняя обида, то есть отрицательное эмоциональное и психологическое состояние собеседников, чаще всего становятся причинами коммуникативных неудач.

Еще одна причина коммуникативных неудач – неподготовленность, спонтанность реального разговора.

При изучении коммуникативных неудач рассматривают зависимость от того, кто виноват в коммуникативной неудаче – говорящий или второй коммуникант. Поэтому различают коммуникативные неудачи говорения и коммуникативные неудачи понимания.

В большинстве случаев «вина» за то, что произошла коммуникативная неудача, в равной степени лежит на обоих коммуникантах. Этот факт признают те исследователи, которые рассматривают источники коммуникативных неудач с точки зрения говорящего, с одной стороны, и с точки зрения слушающего, с другой [1]. Действительно, о чьей вине можно говорить в тех случаях, когда коммуникативные неудачи случаются, допустим, из-за неоднозначности языковых единиц: говорящий и слушающий не учли возможностей полисемии, омонимии и т.д.

Виноват один из коммуникантов, если целенаправленно нарушаются конвенциональные законы общения. Например, во фразе «Вы не могли бы передать мне соль?» прослеживается интерпретация просьбы как вопроса, требующего лишь только словесного ответа, а не действительной реакции. И это говорит, скорее всего, о невежливости собеседника.

Таким образом, для изучения проблем понимания вообще, в том числе причин появления коммуникативных неудач, важной является теория коммуникативной компетенции.

На причины появления коммуникативных неудач влияют, с одной стороны, свойства самих языковых единиц, а с другой – различия между коммуникантами по многим параметрам – индивиду-

ально-психологическим, социальным, возрастным и т.д., поэтому типологию коммуникативных неудач по источникам и причинам построить сложно

Нельзя не согласиться с Б.Ю. Гордецким, который считает, что неоднотипные коммуникативные неудачи по-разному бывают представлены в разных типах диалогов, и рассматривает их в связи с изучением общих проблем общения и проблем понимания связного текста.

Причины, вызывающие коммуникативные неудачи, могут быть связаны с устройством языка, различиями говорящих в каком-либо отношении, прагматическими факторами.

Можно было бы в качестве особой причины, порождающей коммуникативные неудачи, выделить те явления, которые лежат в основе так называемых мета-коммуникативных реакций адресата на слова говорящего: непонимание и неудовольствие адресата вызывает форма речи. Мета-коммуникативные реакции кодового содержания могут состоять из критических и оценочных замечаний, возражений, несогласия с применением избранных собеседником средств, именно средств, а не содержания высказывания. Мы не выделяем этот вид реакций в качестве особого фактора порождения коммуникативных неудач, так как считаем, что подлинной причиной расхождения между партнерами коммуникации являются различия между ними.

В естественном диалоге, кроме непосредственных участников – говорящего и слушающего, может быть и третий, который просто присутствует при разговоре двоих. Его мнения и замечания могут быть интересны для исследования проблем взаимопонимания. Они показывают, что существуют коммуникативные неудачи, которые можно назвать скрытыми или неявными. Это происходит тогда, когда слушающий понимает говорящего неадекватно его намерению.

Хотелось бы еще обратить внимание на то, что постулаты общения, разработанные Г.П. Грайсом [2], в реальном общении не берут-

ся во внимание, особенно в естественной неподготовленной речи. Говорящие часто не бывают краткими и достаточно информативными, не всегда говорят правду.

До сих пор не создана теория общения, на которую можно было бы опереться лингвисту при построении типологии коммуникативных неудач. Выявление типов коммуникативных неудач, свойственных разным сферам речи, – задача дальнейшего особого исследования.

Список литературы

1. Городецкий Б.Ю. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике: Сб.ст. М., 1986. Вып. 17. С. 5–21.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Сб.ст. М., 1985. Вып. 16. С. 217–237.

РОЛЬ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИАЛОГА С ГЁТЕ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО РОМАНА ВОСПИТАНИЯ

Габдулатзянова Л.К.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

Статья посвящена раскрытию роли полемического диалога с Гёте в истории немецкого романа воспитания. Автором выявляются причины и особенности неприятия многими немецкими создателями романов воспитания гётевской трактовки темы становления человека. Делается вывод о чрезвычайной продуктивности антигётевского бунта для развития немецкого романа воспитания.

Ключевые слова: *немецкий роман воспитания; И.В. Гёте; риторический / гётевский / мейстеровский тип романа воспитания; негётевский роман воспитания; антигётевский роман воспитания; антигётевский бунт.*

THE ROLE OF THE POLEMIC DIALOG WITH GOETHE IN THE HISTORY OF THE GERMAN BILDUNGSROMAN

Gabdulatzyanova L.K.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

This article is devoted to disclosure of a role of a polemic dialog with Goethe in the history of the German novel of education. The author establishes the reasons and features of rejection by many German creators of novels of education of Goethe treatment of a subject of formation of the

person. The output about extreme productivity of anti-Goethe revolt for development of the German novel of education is drawn.

Keywords: *german bildungsroman; I.V. Goethe; rhetorical / Goethe / meysterovsky type of the bildungsroman; not Goethe bildungsroman; anti-Goethe bildungsroman; anti-Goethe revolt.*

Популярнейший в немецкой литературе роман воспитания был и остается саморефлексирующим жанром. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что он сложился в условиях характерной для европейской литературы XVIII века «игры “романическими” реминисценциями» [3, с. 107], целью которой была активизация читательского восприятия, с другой, тем, что присущая этому жанру установка на назидательность требует от каждого писателя полемического отстаивания представляемой им воспитательной концепции.

В признанных эталоном романа воспитания «Годах учения Вильгельма Мейстера»¹ (1796) «интертекстуальность Гёте проявляется, прежде всего, в его оппозиции Виланду, в эксплицитной либо латентной полемике, в текстуальных контороверзах и аллюзиях» [4, с. 28]. Другие создатели романов воспитания тоже постоянно «беседуют» со своими предшественниками и современниками, причём наиболее распространённым является диалог с И.В. Гёте, так как упрочение «Годов учения...» в роли жанровой парадигмы вынуждает любого немецкого писателя, обращающегося к теме становления личности, манифестировать своё отношение к этому произведению.

Характерные для гётевской книги особенности: изображение восходящего становления героя, понимаемого как отказ от индивидуализма ради служения обществу; концепция мира как сущности, благорасположенной к человеку и воспитующей его; конформистское решение воспитательного конфликта «Ich – Welt»; моноцентрическая структура; социально-политический характер утопизма, идиллизма и дидактизма, – определили специфику того типа романа

воспитания, который принято называть риторическим, гётевским или мейстеровским. К нему относятся такие высокохудожественные произведения, как «Зелёный Генрих» (1 ред. 1855; 2 ред. 1880) Г. Келлера, «Голодный пастор» (1864) В. Раабе, «Волшебная гора» (1924), «Иосиф и его братья» (1944) Т. Манна, диалогия о Генрихе IV Г. Манна (1935; 1938).

Однако и в научном, и в массовом сознании наряду с канонизированным образом гётевского / мейстеровского романа воспитания существуют давно ставшие стереотипными, хотя и не всегда теоретически обосновываемые представления о негётевских и антигётевских романах воспитания. То обстоятельство, что они используются произвольно и наполняются разным смыслом, обнаруживается при попытке их классифицирования:

1) образы негётевских индивидуально-авторских модификаций жанра: «роман воспитания Виланда», «роман воспитания Жан-Поля», «роман воспитания Новалиса», «роман воспитания Гёльдерлина» и т.д.;

2) образы модификаций жанра, сосредоточенных на ином, чем в гётевском романе воспитания, воплощении отдельных жанровых параметров: например, под «романом о художнике» в подобном случае понимается произведение, изображающее героя, сосредоточенного, в отличие от Мейстера, на культивировании в себе творческого начала, под «романом воспитания-наоборот» – показывающее не эволюцию, а инволюцию человека, под «индивидуалистическим романом воспитания» – предлагающее неконформистское решение конфликта «Ich – Welt»;

3) образы жанро-стилевых вариантов романа воспитания, противопоставляемых гётевскому воспитательному роману как воплощению стилового эталона, под которым в отечественном литературоведении для второй половины XVIII века, как правило, фигурирует просветительский реализм: «непросветительский роман воспита-

ния, «романтический роман воспитания», «сентименталистский роман воспитания»;

4) образы романов воспитания, отличающихся от гётевского типа в идейном отношении: «непросветительский роман воспитания» (в данном случае: не ставящий своей целью воплощение прогрессивной просветительской идеологии), «индивидуалистический роман воспитания» (в данном случае: не воплощающий прогрессивные общественно значимые идеалы);

5) образы романов воспитания, якобы дискредитирующих гётевский эталон: «пародийный роман воспитания», «роман воспитания-наоборот» / «антироман воспитания» / «роман антивоспитания».

И гётевским, и негётевским романам воспитания в равной мере свойственно при интертекстуальном общении занимать агрессивную по отношению к противной стороне позицию и стремиться девальвировать провозглашаемые ею воспитательные идеи. Поэтому следует различать два типа оппозиции, которые условно можно обозначить следующим образом: 1) «гётевский роман воспитания versus негётевские и антигётевские романы воспитания»; 2) «негётевские и антигётевские романы воспитания versus гётевский роман воспитания».

Оппозиция первого типа проявляется в таких произведениях, как «Зелёный Генрих» Г. Келлера (в виде «гётевский роман воспитания vs романтический роман воспитания типа “роман о художнике”»), «Мы не пыль на ветру» (1962) М.-В. Шульца (в виде «гётевский роман воспитания vs романтический индивидуалистический роман воспитания Гёльдерлина»), «Расколотое небо» (1963) К. Вольф (в виде «гётевский роман воспитания vs индивидуалистический роман воспитания»).

Однако гораздо более весомую роль в истории немецкой литературы сыграла оппозиция второго типа. Обратим внимание на факт искажения трактовки рецепции «Годов учения Вильгельма Мейстера» официальным литературоведением. Правда, что эта книга была

восторженно встречена читателями и стремительно утвердилась в роли эталона романа воспитания. Но верно и то, что сразу после выхода она превратилась в объект критики: Жан-Поль и другие современники Гёте, мечтавшие об осуществлении революционных преобразований в отсталой Германии, отвергли центральный образ пассивного и лояльного конформиста Мейстера как не соответствующий реальным условиям немецкой политической и духовной несвободы, романтики и их поклонники обнаружили в «Годах учения...» пренебрежение индивидуальным и художественным началами, моралисты – безнравственность, верующие – религиозный скептицизм. И вообще, в Германии больше двух столетий продолжается разнонаправленный антигётевский бунт. Для нас важно, что многие известные романисты, среди которых В. Раабе, Т. Фонтане, Г. Гессе, Р. Музиль, Г. Грасс, Г. Бёлль, Г. де Бройн, выступили против официально насаждаемого культа Гёте, усматривая в нём препятствие для свободного развития немецкой литературы. Существенно и то, что немецкие писатели, изображающие процесс формирования и самоосуществления личности, вступая в интертекстуальный диалог с Гёте, не ограничиваются полемикой с «Годами учения...».

Прежде всего, речь идет о драме «Фауст» (1 ч. 1808; 2 ч. 1833) и автобиографии «Из моей жизни. Поэзия и правда» (1814). В них, как и в «Вильгельме Мейстере», непременным условием восходящего становления человека является осознание им необходимости, отказавшись от индивидуализма и идеализма, заняться практической деятельностью в интересах общества. В таких антигётевских воспитательных романах, как «Титан» (1803) Жан-Поля, «Удивительная история Петера Шлемиля» (1914) А. фон Шамиссо, «Житейские воззрения кота Мурра» (1821) Э.Т.А. Гофмана, «Летопись Птичьей слободы» (1896) В. Раабе, «Доктор Фаустус» (1947) Т. Манна, «Человек без свойств» (1933) Р. Музиля, «Собачьи годы» (1963) Г. Грасса, гётевская трактовка темы воспитания девальвируется преимуще-

ственно на основе критического осмысления «Фауста». Что касается «Поэзии и правды», то в основе этого произведения лежит старательно созданный Гёте миф о себе как человеке, благодаря воспитанию, самовоспитанию и самоограничению ставшему аристократом духа и властителем дум, соединившему в своем лице гениального писателя, великого учёного и могущественного министра. Этот образ вызвал отторжение у тех современников и потомков классика, которые обнаруживали в нём безверие, гордыню, эгоизм; следствием этого стало, с одной стороны, введение в такие книги, как «Петер Шлемиль» А. фон Шамиссо, «Летопись Птичьей слободы» В. Раабе, «Глазами клоуна» (1963) Г. Бёлля, «Буриданов осёл» (1968) Г. де Бройна, более или менее негативного образа Гёте, с другой, создание персонажей, возводимых авторами к Гёте как личности и надеваемых его идеями, привычками, чертами характера или внешности: Арнгейма в «Человеке без свойств» Р. Музиля, Вальтера Матерна в «Собачьих годах» Г. Грасса, Менцеля в «Бранденбургских изысканиях» (1978) Г. де Бройна.

Чтобы осознать значимость антигётевского бунта для эволюции романа воспитания, следует принять во внимание и то обстоятельство, что немецких писателей-моралистов разных эпох объединяла склонность усматривать в диалектичности мировоззрения Гёте, сопровождаемой религиозным скептицизмом, свидетельство не гениальности, а скорее имморализма. Для Шамиссо, Раабе, Грасса, Бёлля, де Бройна оказались совершенно неприемлемыми и увлечённость классика «представлением о мире, свободном от конечных целей, где добро и зло имеют равное право на существование» [2, с. 417], и его уверенность в том, что грех является необходимой ступенью на пути к благочестию, а inferнальность – оборотной стороной божественности.

Попытаемся наметить в общих чертах динамику развития антигётевского бунта создателей романов воспитания, приняв при этом во

внимание, что одни писатели прошли, как В. Раабе, непростой путь от апологии Гёте до развенчания его культа, другие, как Т. Манн в «Докторе Фаустусе», даже обрушиваясь на ошибочные, опасные, содержащие в себе семена фашизма и национализма гётевские постулаты, опирались на гётевский же гуманизм.

1). Во второй половине XVIII в. к жанру романа воспитания обращались писатели, обладавшие неодинаковыми убеждениями и эстетическими пристрастиями. После закрепления в общественном сознании представления о «Вильгельме Мейстере» как каноническом романе воспитания «История Агатона» (1766-1794) К.М. Виланда, «Вильям Ловель» (1796) Л. Тика, «Геспер» (1796) Жан-Поля, «Гиперион» (1797–1799) Ф. Гёльдерлина и другие книги, возникшие раньше или примерно в то же время, что и «Годы учения...», и воплощавшие оригинальные представления о личностном самоосуществлении, стали расцениваться как произведения, оппозиционные по отношению к Гёте. Непреднамеренное отклонение ранних романов воспитания от гётевского эталона условно назовём *оппозицией первого уровня*.

2). После 1796 года писатели, не согласные с воспитательной концепцией «Годов учения...», начали опровергать её в своих произведениях. Ожесточенная полемика с Гёте, предпринятая, например, Жан-Полем в «Титане», Новалисом в «Генрихе фон Офтердингене» (1802), Л. Тиком в «Странствиях Франца Штернбальда» (1798), Э.Т.А. Гофманом в «Житейских воззрениях...», Т. Манном в «Докторе Фаустусе», может быть названа *оппозицией второго уровня*.

3). Романы воспитания талантливых оппонентов Гёте получали широкое признание. И неудивительно, что в своём споре с Гёте поздние немецкие писатели стали опираться на своих предшественников. Так, Г. Грасс в «Жестяном барабане» (1959) и «Собачьих годах» или Г. де Бройн в «Бранденбургских изысканиях», дискредитируя концепцию Гёте, во многом следуют за Жан-Полем. *Оппозиция третьего уровня* – явление сложное, предполагающее чрезвычайно широкое ин-

тертекстуальное взаимодействие. Например, используемая в «Летописи Птичьей слободы» оппозиция «Шамиссо vs Гёте» в свёрнутом виде содержит в себе оппозицию «Жан-Поль vs Гёте», латентный характер которой обуславливает возникновение в книге В. Раабе множества дополнительных, порой полуосязаемых, смыслов.

Все вышесказанное приводит нас к однозначному выводу: полемическое неприятие гётевской трактовки темы становления личности немецкими романистами, оказавшееся более продуктивным, чем следование канону «Вильгельма Мейстера», требует самого пристального изучения.

Примечание

1. «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1829) И.В. Гёте, изображающие третий этап самореализации становящейся личности в гётевском понимании – непосредственное служение людям, являются скорее «книгой раздумий и педагогических наставлений» [1, с. 234], нежели романом, но, говоря о гётевском романе воспитания, обычно подразумевают диалогию о Мейстере в целом.

Список литературы

1. Вильмонт Н.Н. Гёте. М.: Худож. лит., 1951. 211 с.
2. Манн Т. Фантазия о Гёте // Манн Т. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1961. Т. 10. С. 392–437.
3. Пасхарьян Н.Т. «Ирония судьбы» века Просвещения: обновлённая литература или литература, демонстрирующая «исчерпанность старого»? // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000: Учеб. пос. / [Л.Г. Андреев, Г.К. Косиков, Н.Т. Пасхарьян и др.]. М.: Высшая школа, 2001. С. 69–116.
4. Пашигорев В.Н. Эстетическая иллюзия и продуктивное существование: («Годы учения Вильгельма Мейстера» Гёте) // Филологические науки. 2003. № 6. С. 28–35.

ЖАНР УТОПИИ/АНТИУТОПИИ В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Галиуллин Р.Р.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье рассматриваются особенности фантастической прозы, жанра утопии и антиутопии в татарской литературе начала XX века, на примере творчества Ф. Амирхана, Г. Исхакия, Г. Губайдуллина.

Ключевые слова: татарская литература; жанр фантастики; утопия/антиутопия; Ф. Амирхан; Г. Исхакий; Г. Губайдуллин.

THE GENRE OF UTOPIA/ANTI-UTOPIA IN THE TATAR LITERATURE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Galiullin R.R.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article deals with the peculiarities of the fiction prose, the genre of utopia and anti-utopia in the Tatar literature at the beginning of the XX century, on the example of the works of F. Amirkhan, G. Iskhakiy, G. Gubaydullin.

Keywords: tatar literature; fiction genre; utopia/anti-utopia; F. Amirkhan; G. Iskhakiy; G. Gubaydullin.

В настоящий момент существуют три основных жанра фантастической литературы: научная фантастика, фэнтези, социальная фантастика.

В социальной фантастике ведущую роль играет описание отношений между людьми в обществе. Использование фантастических мотивов позволяет показать развитие общества в необычных, никогда не существовавших в реальности условиях. К социальной фантастике относятся утопия и антиутопия, т.е. «что должно быть в идеале» и «чего не должно быть в идеале» [1, с. 45].

Ученые склонны полагать, что утопия и антиутопия являются по своей природе единым жанром. Разница лишь в том, что антиутопия – это своего рода реакция на утопию. Об этом в частности пишет Н. Воробьева: «Антиутопия произошла из утопии, как в любой другой сфере из одного и того же явления появляются pro и contra. Антиутопия появилась как *реакция* на утопию, как *необходимая поправка* с ней, порожденная или спровоцированная ею же для упрочения своих позиций, как недостающая опора для прямостояния конструкции. Появляются, формируются и закрепляются на всем большом пути эволюции общие черты, определившие и составившие специфику жанра утопии» [2, с. 78]. Об этом же пишет А. Осипов: «Антиутопия – разновидность фантастики, выступающая как антитеза утопии» [7, с. 28].

В современном теоретическом литературоведении помимо классического понятия «жанр» появились и новые термины, а именно «антижанр» или «жанровая модификация». «Художественная структура антижанра, в значительной мере определяющаяся особенностями формы “породившего” его классического жанра, наполняется, по сравнению с исходным жанром, содержанием с противоположной идейной направленностью, так как антижанр ставит под сомнение целостность идей, воплощаемых, как правило, в произведениях исходного жанра» [4, с. 60]. Таким образом, происходит наложение идейного содержания антижанра на идейное содержание исходного жанра.

Художественное своеобразие антижанра хорошо прослеживается на примере антиутопии. Основной жанрообразующий элемент

антиутопии – спор с утопией, полемика с ней на уровнях отбора обобщаемого в произведении жизненного материала, идей, проблем, образов героев. «Как и утопия, антиутопия изображает целостный образ мира с характерными для него политикой, экономикой, научными представлениями, культурой, религией, моралью. Но эти художественные средства воплощают содержание с противоположной идейной направленностью» [4, с. 62].

Большинство определений «утопии» объединяет два понятия: пространство, изолированное от большого мира (город, остров), и время, точнее будущее. «Утопия литературная – художественное произведение, содержащее воображаемую картину будущего общества» [5, с. 854]. С течением времени принципиальное различие между ними становится все более проблематичным.

Парадоксальность утопии в том, что ее «фантастическое будущее» изначально несбыточно с точки зрения антиутопического мира. Впрочем, утопические проекты вполне реализуемы, воплощаясь в идеологии, которая всегда утопична. «Обычно в утопии преобладает социально-бытовая, нравоописательная проблематика. А антиутопия, подобно роману, воссоздает судьбу личности в мире. Сюжет утопии статичен. Антиутопия, напротив, отличается динамичным действием» [4, с. 62].

Антиутопия обычно направлена на развенчивание утопических тенденций, она высмеивает увлечение НТР. Отсюда проистекает еще одна нить тесной связи утопии и антиутопии: как только антиутопия отойдет от своего вектора, показав возможный путь исправления «плохого» общества, сделает хотя бы намек на возможность положительного исхода, тут же она оборачивается новым утопическим проектом.

Любой эпохе характерна та или иная утопическая идея. Нас в частности интересует утопия эпохи Просвещения. «Утопия Просвещения – это идея воспитания и образования, приобщения к. знаниям

всех граждан» [2, с. 87]. Именно эти идеи культивировались в татарской литературе через просветительский реализм. Они были очень популярны в обществе конца XIX – начала XX в. В эту же эпоху видоизменяется движение джадидизма, которое зародилось в XIX в., стремясь избавить народ от невежества, рабских оков средневековья и сделать его просвещенным. «В начале XX века под благоприятным воздействием внешних, общероссийских и внутренних факторов, это движение превращается в крупную силу, новую национальную идеологию, способную проникнуть во все слои татарского общества» [9, с. 7].

В эту же эпоху творит и Ф. Амирхан, один из ярчайших представителей просветительского реализма. В его первом рассказе «Сон накануне праздника» («Гарэфэ кич төшемдә», 1907) преобладало ироничное отношение к действительности. «Обращаясь к приему контрастов – утопии и антиутопии, яви и сна, к эстетике прекрасного и безобразного, идеального и реального, автор подвергает критике феодальную косность, царящую в татарском обществе, утверждает идеалы национального возрождения» [6, с. 145].

Именно его перу принадлежит одно из произведений фантастики, которое мы можем рассмотреть в рамках антиутопии – это повесть «Фатхулла хазрат» («Фэтхулла хэзрэт», 1909). В данной повести события разворачиваются в середине XX в., «чтобы выявить комичность феодально-патриархальных устоев, средневековой морали, религиозной схоластики, автор воскрешает главного героя, кадимиста Фатхуллу, в лаборатории Казанского университета через сорок лет после его смерти и переносит события в 1950 год, то есть в середину двадцатого столетия, в век научно-технического прогресса, торжества гуманистических нравственных идеалов» [6, с. 145]. Это собирательный образ, через который автор критикует религиозных деятелей схоластов-кадимистов начала XX века, обвиняя их в невежестве и лицемерии.

Безусловно, это – сатирическая повесть, но в ней есть место и утопическим представлениям. По замыслу автора движение джадидистов-просветителей одержало верх над схоластами, проникнув во все сферы жизни общества (наука, религия, искусство и т.д.). Р. Ганиева пишет: «На наш взгляд, конфликт произведения “Фатхулла хазрет” далек от отражения социально-экономических проблем тогдашнего татарского общества. На всех художественных уровнях произведения внимание автора направлено на показ духовной нищеты и низкой морали защитников феодальной старины. Фатхулла хазрет Ф. Амирхана – собирательный образ, вобравший в себя типические отрицательные черты кадимистов, “святых отцов” нации. Повесть Амирхана “Фатхулла хазрет” – классический образец произведения просветительского реализма, соотнесенного с элементами романтической утопии об идеальном будущем татарского общества» [4, с. 93].

Другое произведение этого же автора носит уже антиутопический характер – повесть «Дядя Шафигулла» («Шәфигулла агай», 1924). Это тоже своего рода шарж, но уже не на кадидистов, а на советское правительство. «Через судьбу Шафигуллы показывается, какие духовно-нравственные потери понес татарский народ в эпоху “советов”» [9, с. 59]. В этом произведении ярко прослеживается то, каким образом разрушились мечты интеллигенции, связанные с падением царизма и приходом к власти большевиков. Именно в этом мы можем проследить антиутопические моменты. «Хотя автор рекомендует его как дружеский шарж, рассказ больше напоминает памфлет на молодое советское государство и объединяет в себе черты сатиры и футурологии, является модификацией утопии – антиутопией» [6, с. 146].

Еще одно фантастическое произведение, написанное в это время, повесть Г. Исхакья «Гибель через двести лет» («Ике йөз елдан соң инкыйраз», 1902). Р. Ганиева жанр этого произведения определяет

как антиутопия, дистопия [9, с. 88]. В этом произведении мы можем обнаружить как утопические мотивы (это всемирная известность болгар, развитие болгарской культуры, искусства, музыки и т.д.), так и антиутопические (исчезновение нации). Здесь ярко проявляется то, как «автор антиутопии воплощает свою позицию с помощью приемов и художественных средств утопии» [4, с. 62].

А. Сахапов, в своей монографии проводя параллели между фантастическими произведениями Ф. Амирхана и Г. Исхакия, говорит, что оба произведения – это две части одного целого [11, с. 109].

Г. Исхаки в рассказе «Лукман-хаким», написанном в Берлине в те же годы, что и «Шафигулла агай» Ф. Амирхана, также перенес в будущее отрицательные тенденции общественного развития в России, присущие настоящему, и нарисовал худший образ мира по сравнению с той действительностью, которую он хорошо знал. «Шафигулла агай» отличается от антиутопической повести Г. Исхаки тем, что в последней смещены временные и пространственные структуры, используются фантастика, символы, аллегории, гиперболы, устойчивые мифологемы, архетипы, что обуславливает и особенности образно-композиционной структуры и стиля. Эти художественные средства воплощают содержание с противоположной идейной направленностью, но без комизма. «Лукман-хаким» ближе к субжанру дистопии – типу антиутопии, который разоблачает утопию, описывая результаты ее реализации. Она отличается от тех антиутопий, которые изобличают саму возможность осуществления утопии или абсурдность и ошибочность логики ее создателей.

Также в качестве антиутопического можно отметить произведение Газиза Губайдуллина «Одна мечта» («Бер хыял», 1913). Повествование начинается с описания райской жизни на земле, где царит всеобщий мир, покой и дружба, где хищники и их жертвы умиротворенно сосуществуют. Но наступают «страшные» времена, нарушаются законы мира и порядка, земля погружается в греховный

мрак. Автор делит человеческое существование на две эпохи – «до» и «после». «До» – период гармонии человека и природы, а «после» – период нарушения законов мироздания, эпоха кровопролития, убийств, тюрем, т.е. современность. «Г. Губайдуллин объясняет жестокость современной эпохи как наказание человечеству» [10, с. 98]. Но есть выход из сложившейся ситуации – это духовное очищение. Безусловно, в произведении ярко прослеживаются библейский мотив грехопадение человека, а самому повествователю свойственны пророческие черты, но он бессилён что-либо изменить. «Его мечта неосуществимая утопия – свободная, спокойная жизнь» [10, с. 98].

Таким образом, в начале XX века в татарской литературе под влиянием социальных, общественных конфликтов возникают фантастические, утопические/антиутопические произведения, требующие более глубокого изучения. При этом мы с чёткостью можем сказать, что все они создавались с целью показать образ идеального общественного устройства.

Список литературы

1. Брандис Е.П. Научная фантастика и художественное познание действительности // Художественное творчество. М.: Наука, 1983. С. 37–58.
2. Воробьева А.Н. Русская антиутопия в контексте мировой антиутопии: Дис. ... док. филол. наук. Самара, 2009. 585 с.
3. Ганиева Р. Художественные поиски Фатиха Амирхана // Татарская литература: традиции, взаимосвязи. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. С. 92–101.
4. Давыдов Т.Т., Пронин В.А. Теория литературы: Учеб. пос. М.: Логос, 2003. 232 с.
5. Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 7. 1008 с.
6. Макарова В.Ф. Антижанровые формы: особенности проявления смеха в татарской литературе начала XX века (на примере сатирических

- произведений Фатиха Амирхана) // Ученые записки Казанского Государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 6. Гуманитарные науки. С. 144–149.
7. Осипов А. Фантастика от А до Я. Краткий энциклопедический справочник. М.: Дограф, 1999. 352 с.
 8. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.
 9. Заһидуллина Д.Ф., Йосыпова Н.М. XX гасыр татар әдәбияты: дәреслек. Казан: Казан университеты, 2011. 1 нче китап: XX йөзгә беренче яргысында татар әдәбияты. 230 б.
 10. Заһидуллина Д.Ф. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. Казан: Татар. кит. нәшр, 2003. 255 б.
 11. Сәхапов Ә. Исхакый һәм XX гасыр татар әдәбияты: Монография. Казан: Мирас кит. нәшр, 1997. 528 б.

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

Глухова О.П.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье рассматривается функционирование несобственно-прямой речи как способа выражения авторской модальности в современной прозе. Автор работы утверждает, что несобственно-прямая речь в художественных текстах характеризуется двуплановостью, контаминированностью речи автора и речи персонажа, и в большей степени представлена восклицательными и вопросительными предложениями, вставными конструкциями. Семантика данных высказываний содержит различные оттенки модальности, выявление которых позволяет почувствовать авторское присутствие в произведении.

Ключевые слова: авторская модальность; несобственно-прямая речь; двуплановость; восклицательные предложения; вопросительные предложения; вставные конструкции; экспрессивная функция; оценочность.

EXPERIENCED SPEECH AS TECHNIQUE OF EXPRESSION OF MODALITY OF THE AUTHOR IN MODERN LITERATURE

Glukhova O.P.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

This article considers experienced speech as technique of expression of modality of the author in modern literature is under consideration of the author of the article. The author approves the position that experienced speech in literature texts is characterized by two-dimensional speech of the author and the personage. Experienced speech is mainly presented by the exclamatory and interrogative sentences and expletive constructions. Semantics of these includes different gradations of modality, that allows feeling the presence of the author himself while reading the novel.

Keywords: *authorial modality; experienced speech; two-dimensional speech; exclamatory sentences; interrogative sentences; expletive constructions; expressive function; evaluating.*

Современная художественная русская проза конца XX – начала XXI в. характеризуется антропоцентричностью, ярко выраженной субъективацией повествования как ведущего принципа организации текста. Одним из наиболее активных способов выражения авторской модальности художественного текста является несобственно-прямая речь, которая обладает большими возможностями изображения внутреннего мира персонажей.

Целью нашего исследования является описание функционирования несобственно-прямой речи как способа выражения авторской модальности в современной прозе. Материалом исследования явились художественные произведения современных авторов – повесть Бориса Екимова «Пиночет», роман в новеллах Сергея Есина «Хургада. Русские забавы на отдыхе» и роман Юрия Полякова «Грибной царь».

Несобственно-прямая речь вплетается в авторское повествование, одновременно позволяя звучать в нем голосу персонажа, происходит «размывание» границ между речевыми структурами. В следующем примере конструкция с несобственно-прямой речью играет роль эмоционального усилителя авторского описания, когда главный

герой Свирельников экспрессивно выражает свое чувство досады и сожаления: ***Отомстили сестрички! Но почему-то не проходиму Вовико, отбывшему к месту новой дислокации в Манино, а неповинному Свирельникову. Какое счастье, что обнаружилось это почти сразу и он еще не успел помириться с Тоней!*** [4, с. 14].

В художественных текстах частотны предложения с несобственно-прямой речью в виде вопросительных предложений. Характерно, что вопросительная семантика в данных случаях устраняется эмоционально-оценочными компонентами содержания и возникает риторический вопрос с нулевой степенью вопросительности: *А у него была спокойная работа, положение и даже наперед добрый загод: новая организация появлялась в областном центре, и Корытина туда звали, обещая хорошую квартиру, хорошую зарплату и кое-что сверх того. **Все это бросить? Ради чего?*** [1, с. 18]. *Про деда забыли. **Навсегда. А как жить?*** [4, с. 18].

В текстах с несобственно-прямой речью встречаются примеры, в которых события, происходящие на протяжении длительного времени, выступают как результат, поскольку в основе таких высказываний лежат воспоминания, происходит, по словам О.В. Омелькиной, «темпоральное уплотнение, оно является проявлением компрессии информации» [3, с. 12]. Усиливает экспрессивную тональность высказывания в следующем примере интенсификация эмоциональной частицы *как*: ***Как быстро, как легко все катится под гору, когда хозяина нет! А как трудно все наживалось... Годами, десятками лет*** [1, с. 11].

Интересным является тот факт, что несобственно-прямая речь наиболее частотно представлена в современной прозе в виде коротких, эмоционально-окрашенных предложений, выражающих сильные чувства героев. Изображение организовано точкой зрения персонажа, но сама эта точка зрения существует как бы на уровне подтекста. Автор сливается с героем, проникает в его внутренний мир,

смотрит на мир глазами героя, отождествляется с ним. В следующих примерах восклицательные частицы *какие, какой, какая*, анафорически употребленные в следующих друг за другом конструкциях, подчеркивают чувство восхищения героями увиденного, усиливают эмоциональную окрашенность высказываний: *Моря еще не было видно, но какой порядок! Везде, чуть ли не на каждом углу, у каждой двери в аэропорту солдат по полной форме – в белой куртке и каких-то кожаных наплечниках и с оружием. А какой аэропорт! Какая фантазия у этих арабов, когда их аэропорты проектируют наши европейские архитекторы!* [2, с. 2]. *Какие вокруг него роскошные чемоданы, какое обильное семейство!* [2, с. 22]. В следующем примере эмоциональная частица *как* ведет к перераспределению речевых акцентов, короткие эмоционально-оценочные неполная и эллиптическая конструкции *Вот это да!* и *И он туда же!* способствуют возникновению многоголосия, возникает эффект разных точек зрения: *На этот раз это был обаяшка Саня. И он туда же! Вот это да! Вот это тихушник! Как замаскировался этот натурал!* [2, с. 17]. В следующем примере слияние авторского голоса с голосом персонажа можно проследить не только в вопросительном риторическом предложении, но и в неполных предложениях, в которых происходит смена наклонений глаголов – императива, индикатива и оптатива: *В назначенном отеле «Покрывало Фатимы» Толе все очень понравилось: а много ли московскому таксисту надо? Напитки – пей сколько не хочу, еда – хоть десять раз за день, хоть этим местом жри, вот бы в такой, но и что имеем, мы тоже ценим. Пролетариат любит простые радости* [2, с. 3].

В роли средства экспликации авторской модальности в пределах несобственно-прямой речи часто выступают вставные конструкции. Функционирование таких экспрессивных синтаксических построений связано с реализацией двуплановости линии повествования, где вторая линия – субъективно-авторская, имеющая своей целью воз-

действовать определенным образом на читателя. Налицо контаминация голосов – персонажа и автора, но стоит отметить, что авторский голос все-таки подвергает ассимиляции голос персонажа, поэтому имплицитно представлена иронически окрашенная авторская модальность: *И для советского – тогда все обязательно произносилось со словом «советский» – для красоты и для устрашения – образования хорошо будет, когда Генриетта Ивановна подрастет, образуется и станет учительницей истории* [2, с. 68]. *В аэропорту Толя встретился – внезапные встречи случаются не только в плохой литературе, но и в жизни – со своим старым московским знакомым Джафаром* [2, с. 2].

Одно из наиболее доминантных положений в современной художественной прозе занимают вставные конструкции, которые передают внутренний мир персонажа, косвенно оценивают его поступки, поведение, речевую манеру. В приведенных ниже примерах нами выявлены следующие семантические оттенки, присущие вставным конструкциям, которые помогают почувствовать авторское присутствие:

– эмоциональность, окрашенная авторской иронией: *Разве не сможет она, с помощью своего милого крючкотвора – юриста, выдумать – и, главное, осуществить!* – какую-нибудь каверзу? [2, 23];

– оценочность: *Теперь, при частной собственности, надо молчать, виноватиться – что Семен Ефимович делать не привык – гнуть гордую выю и с поклоном провожать ненавистную посетительницу до автоматически открывающихся дверей* [2, с. 85];

– авторский скептический комментарий: *А какое наслажденье подарить ему дюжину пар носков – чистый хлопок, похожий на шелк – или комплект трусиков. Она просто вся трепетала, когда покупала ему носовые платки, или крем для бритья* [2, с. 75];

– чувства персонажа и автора – сожаление, негодование, возмущение: *Бога не помнили, со свечками по храмам не стояли, а жили-то праведнее! (Вот о чем надо спросить Трубу!)* [4, с. 186];

– интенсивность сообщаемой информации: *Образование – советское образование, как известно, лучшее в мире* – давало ей широкий диапазон интеллектуальных возможностей [2, с. 69].

Значительное место в современной художественной прозе занимают цитатные и аллюзивные включения в форме вставной конструкции в пределах несобственно-прямой речи. В следующем примере цитатные и аллюзивные отсылки выражают мысли не только главного героя романа «Грибной царь» Михаила Свирельникова, но и демонстрируют культурные ценности эпохи социализма, которые являются важными и для автора романа: *Ну, разве мог он десять, даже пять лет назад согласиться на то, что сделано этой ночью?! Никогда! А Тоня? Тоня?! Окуджавкнутая («Возьмемся за руки, друзья!») Тоня! «Климтоманка» («Ах, Юдифь! Ах, Саломея!..»)* [4, с. 281]. Помимо вставных конструкций внутренняя речь героя в вышеуказанном отрывке постоянно прерывается эмоционально-окрашенными конструкциями, о чем свидетельствует богато представленная лексика: вводная конструкция (*между прочим*), окказионализм (*окуджавкнутая*), оценочные слова (*климтоманка*), номинативы, употребленные с разной степенью экспрессивности (*А Тоня? Тоня?! Тоня!*), сниженная лексика (*снюхавшись, слизавшись, тварь, дерьмо*), лексемы с намеренной несочетаемостью слов (*истошно пристойная и укоризненно деликатная*).

Итак, несобственно-прямая речь – это особый способ передачи чужого высказывания, который характеризуется двуплановостью, контаминированностью речи автора и речи персонажа. Одним из доминантных средств экспликации авторской модальности являются восклицательные и вопросительные предложения, вставные конструкции в форме несобственно-прямой речи, которые выполняют в прозе риторическую и экспрессивную функции. Авторская модальность, выражаемая посредством несобственно-прямой речи, рассматривает одно и то же явление одновременно с разных точек

зрения, благодаря чему оно приобретает большую глубину, в результате субъективации повествования художественная проза становится более личностной, яркой, оценочной.

Список литературы

1. Екимов Б. Пиночет // Новый Мир. 1999. № 4. С. 11-50.
2. Есин С.Н. Хургада. Русские забавы на отдыхе [Электронный ресурс]. <http://www.libok.net/writer/3015/kniga/32571/> (дата обращения 21.08.2013).
3. Омелькина О.В. Несобственно-прямая речь как лингвопрагматическая категория (на материале немецкоязычной прозы): Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Самара: СамГУ, 2007. 26 с.
4. Поляков Ю. Грибной царь. М: Астрель, 2005. 461 с.

СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Закиров Р.А., Мухиярова Р.Х.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье анализируются новые аббревиатуры в русском и татарском языках. Наблюдается определенный консерватизм в употреблении аббревиатур, что проявляется в использовании старых сложносокращенных слов вместо новых и параллельном употреблении ряда заимствованных аббревиатур без калькирования или даже на графике языка-источника. В татарском же языке собственные сложносокращенные слова практически употребляются только в книжных стилях, что в первую очередь связано с нехарактерностью для татарской фонетики стечений гласных или согласных звуков в составе слова.

***Ключевые слова:** аббревиатура; заимствование; калькирование; литературный язык.*

ABBREVIATED WORDS IN THE MODERN RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES

Zakirov R.A., Mukhiyarova R.Kh.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

This article shows new abbreviations in the Russian and Tatar languages. A certain conservatism in the use of abbreviations that is shown in use of old abbreviated words instead of new and parallel use of a row

of the borrowed abbreviations without calking or even on a source language graphics is watched. In the Tatar language own abbreviated words are practically used only in book styles that first of all is connected to un-specificity for the Tatar phonetics of confluences of vowels or consonants as a part of the word.

Keywords: *abbreviation; loan; calking; literary language.*

Аббревиация является самым молодым способом словообразования [5, с. 9]. Ученые отмечают бурный рост количества сложносокращенных слов, как в русском, так и в татарском языке после революционных событий 1917 года [7, с. 225; 4, с. 219]. В конце XX – начале XXI вв. наблюдается новая волна активизации аббревиатур в обоих языках, что, очевидно, связано с крупными изменениями в общественно-политической, экономической и культурной жизни страны. Они преимущественно представляют собой инициальные сокращения названий партий (КПРФ, ЛДПР, ЕР и др.), различных объединений и союзов (СНГ, СПС, ТОЦ и др.), хозяйственных, финансовых, культурно-массовых учреждений и организаций (АО, ООО, ИП; АББ, ВТБ, ФАС; НТВ, КХЛ, ТНВ и др.), учебных заведений (КФУ, НИСПТР, ТИСБИ и др.), новых реалий жизни (АСКО, ИНН, ОГАГО; ЕГЭ, ЕРЭ и др.), научно-технических новшеств (ЭВМ, ИКТ, SKYPE и др.).

Некоторые аббревиатуры были заменены новыми в связи с изменением названия денотата: ГИБДД вместо ГАИ, РОСТО вместо ДОСААФ, ФСБ вместо КГБ, ПФУ вместо КГУ и т.д. Однако такие новые наименования с трудом закрепляются в языке, в разговорной речи люди продолжают употреблять привычные названия. Поэтому и печатные издания эти новые аббревиатуры часто поясняют через старые наименования. Обычными и для официальных изданий являются двойные аббревиатуры типа ИТАР – ТАСС, РОСТА (ДОСААФ), КГТУ (КАИ). Приведем только один пример из татарской республиканской газеты «Ватаным Татарстан» (ВТ):

ТРның РОСТО (ДОСААФ) белем бирүү учрежденияләрендә машина йөрттергә укытабыз [3] ‘Обучаем вождению автомобиля в образовательных учреждениях РОСТО (ДОСААФ) РТ’.

Консерватизм в области употребления сложносокращенных слов проявляется и в том, что некоторые новые иноязычные аббревиатуры как в русских, так и в татарских текстах параллельно употребляются и без калькирования, на графике языка-источника:

Балаларга SMS ярдәм [6, 10 б.] ‘SMS-помощь детям’.

Дамирдан хәерле иртә телән килә торган СМС хат бүген юк иде [2] ‘Сегодня не было СМС-письма от Дамира с пожеланием доброго утра’.

PR- белгечне һөнәр буларак 2004 елда рәсми рәвештә теркәгәннәр [2] ‘PR-специалиста в качестве профессии в 2004 году зарегистрировали официально’.

Бүген “пиар” сүзе белән беркемне дә гаҗәпкә калдырып булмый [2] ‘Сегодня никого невозможно удивить словом пиар’.

В татарском языке обычно без перевода, в русской транслитерации употребляются названия международных организаций, в т.ч. спортивных федераций: ОПЕК, ШОС; ФИБА, ФИДЕ, ФИСУ, ФИФА и т.д.

Новые инициальные аббревиатуры, созданные на материале русского языка, в татарской прессе также часто не калькируются и обычно даются с пояснениями в скобках:

Узган атна ахырында Мәскәүдә ОДКБ (Коллектив иминлек турындагы килешү оешмасы) очрашулары узды [1] ‘В конце прошлой недели в Москве прошло заседание ОДКБ (Организации договора о коллективной безопасности)’.

Узган жомгада Монополиягә каршы федераль хезмәт (ФАС) идарәсенең алегә предприятиеләргә карата эш кузгатуы ачыкланды [3] ‘В прошлую пятницу выяснилось, что управление Федеральной антимонопольной службы (ФАС) возбудило дело в отношении этих предприятий’.

Особой популярностью в татарской периодической печати пользуются одинаково пишущиеся в обоих языках аббревиатуры типа АПК, КамАЗ, КХЛ.

Как неоднократно указывал в своих трудах Ф.А. Ганиев, «в татарском языке нет никаких преград для образования аббревиатур на основе собственного лексического материала» [4, с. 220]. Появление в последние десятилетия большого количества сложносокращенных слов, составленных из начальных букв или звуков татарских словосочетаний, подтверждает это: АЖ (АО), БДБ (СНГ), БДИ (ЕГЭ), БРИ (ЕРЭ), ДТРК (ГТРК), ЖЧЖ (ООО), КШ (СБ), ТР (РТ), ЭХТ (ЭВТ), ЮХКДИ (ГИБДД) и т.д.

Правда, вышеприведенные примеры являются кальками с русского языка и не все понятны широкому кругу читателей, поэтому на первых порах в газетах их тоже в начале текста пишут в скобках после полного названия:

Жамәгать урыннырында тәртипне тәэмин итү патруль-пост хезмәте (ППХ) вазыйфасына керә... ППХ хезмәткәре ел фасылына туры килгән формага киенергә тиеш [2] ‘Обеспечения порядка в общественных местах входит в обязанности патрульно-постовой службы (ППС)... Сотрудник ППС должен быть одет в форму в соответствии со временем года’.

Бу очракта Административ-хокук бозу кодексының (АХБК) 19.3. мaddәсе нигезендә административ җаваплылык каралган... АХБКның 27.7. мaddәсе нигезендә, досмотр... каралган [2] ‘В этом случае в соответствии со статьей 19.3. Кодекса об административных правонарушениях (КАПН) предусмотрена административная ответственность... В соответствии со статьей 27.7. КАПН предусмотрен ... досмотр’.

Появляются и аббревиатуры – наименования местных реалий: БТК (Всемирный конгресс татар), ТДН (Духовное управление мусульман Республики Татарстан), ТИУ (Татарский общественный

центр), ТР (Республика Татарстан), ТЯБ (Объединение татарской молодежи), ТЯГ (Татарстан – Новый век) и др. Причем последние характерны только для письменной формы литературного языка; в устной же речи предпочитают заменять их русскими вариантами типа ТНВ и даже, как ни странно, ТОЦ (ГИУ). Это, видимо, объясняется некоторым неблагозвучием таких образований, ибо стечения гласных или согласных в составе слова нехарактерны для татарского языка.

Список литературы

1. Ватаным Татарстан. 2009. 17 июня.
2. Ватаным Татарстан. 2010. 2 июля.
3. Ватаным Татарстан. 2010. 17 августа.
4. Ганиев Ф.А. Словообразование // Татарская грамматика: В 3 т. Т. 1. Казань, 1955. С. 188–521.
5. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1982. 784 с.
6. Сөембикә. 2009. № 6. 10 б.
7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1998. 685 с.

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОРОТКИХ РАССКАЗОВ О. ГЕНРИ)**

Исламова А.И.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье рассматриваются особенности языка произведений известного американского писателя О. Генри, который творил в эпоху реализма. Дается описание особенностей языка данной эпохи, приводятся примеры из таких рассказов О. Генри, как «Выкуп Красного Вождя» («The Ransom of Red Chief»), «Джефф Питерс как персональный магнит» («Jeff Peters as a Personal Magnet»), «Полная жизнь Джона Хопкинса», («The Complete Life of John Hopkins»), «Рождественский подарок из прерии» («A Chaparral Christmas Gift»), «Справочник Гименя» («The Handbook of Hymen»).

***Ключевые слова:** короткий рассказ; каламбур; метафора; стилистический прием; юмористический эффект; неожиданная концовка.*

**STYLISTIC PECULIARITIES
OF AMERICAN WRITERS' LITERARY WORKS
(ON THE MATERIAL OF O. HENRY'S
SHORT STORIES)**

Islamova A.I.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article deals with the problem of revealing the language features of a well-known American writer O. Henry. Describes the language fea-

tures of realism in American literature, the examples are taken from such stories as «The Ransom of Red Chief», «Jeff Peters as a Personal Magnet», «The Complete Life of John Hopkins», «A Chaparral Christmas Gift», «The Handbook of Hymen».

Keywords: *short story; pun; metaphor; stylistic device; humorous effect; unexpected ending.*

К середине XIX века романтическое направление в американской литературе стало заменяться новыми, реалистическими формами. Реализм как направление в американской литературе получило развитие после Гражданской войны.

Романтическая культура с ее специфическими принципами является отражением процесса отчуждения личности в обществе, разрыва прежних социальных связей в переходную эпоху, неопределенности и зыбкости устанавливающихся отношений. Индивид оказывается изолированным от прежней вековой социальной системы. Формируется характерный для романтизма художественный принцип – изображение личности как самоценной, не зависящей от социальных обстоятельств, которые романтиками подвергаются резкому осуждению. Эта личность живет своим неповторимым, индивидуальным миром и, не принимая реальной действительности, творит сама, с помощью своего воображения или эмоциональной активности, идеальный мир, соответствующий порывам и стремлениям ее субъективного духа. Романтики не могли не сознавать, что на пути субъективного творчества самоценной личности и в процессе утверждения ее свободной воли она неизбежно наталкивается на жестокую реальность общества. Отсюда и появление романтической иронии, которая указывает на невозможность абсолютизации свободы личности и самооценки индивида. Представители реализма понимали, что личность должна быть показана в произведении как «целое». Они видели своих героев на фоне социальных конфликтов

дня и изображали их чувства и переживания во взаимосвязи с данным фоном. Среди самых выдающихся представителей американского реализма конца XIX – начала XX веков были М. Твен, О. Генри, Д. Лондон и другие.

Среди жанров, возникших в эту эпоху, был и жанр «короткого рассказа». Начало этому жанру в период романтизма было положено В. Ирвингом. Позднее, в эпоху реализма, данное направление продолжили другие американские писатели. В американской литературе культура сюжетной новеллы (short story – короткий рассказ) идет через весь XIX век. «Короткий рассказ» – основной и самостоятельный жанр американской литературы, а О. Генри (Уильям Сидней Портер) явился одним из корифеев этого жанра.

Как мы выше отметили, О. Генри не является первым мастером «короткого рассказа», он лишь развил этот жанр, в своих основных чертах сложившийся уже в творчестве Т.Б. Олдрича, В. Ирвинга; данный жанр также характерен и для произведений М. Твена. Однако оригинальность О. Генри проявилась в блестящем применении жаргона, острых словечек и выражений и в общей колоритности диалогов. Для него характерны ловкость конструкции, забавность сюжетных положений и развязок, сжатость и быстрота действий.

Герои О. Генри разнообразны: миллионеры, ковбои, спекулянты, клерки, прачки, бандиты, финансисты, политики, писатели, артисты, художники, рабочие, инженеры, пожарные — сменяют друг друга. О. Генри не показывает психологическую сторону происходящего, действия его персонажей не получают глубокой психологической мотивировки, что еще более усиливает неожиданность финала. Как отмечал А. Старцев: «Динамичность рассказов О. Генри усугубляется характерным обострением сюжета, при котором привычная логика событий сбивается, нарушается и читатель переходит от одной неожиданности к другой, чтобы быть “обманутым” ложной развязкой и затем ошеломленным другой, окончательной, предпола-

гать которую по первоначальному ходу действия было трудно» [2]. И таково построение большинства рассказов О. Генри. Его юмор характерен для всего творчества в целом. Успех рассказов О. Генри был, прежде всего, успехом рассказчика-юмориста. Задорная манера повествования, умение найти занимательную и задорную сторону в любом каждодневном явлении, неистощимый запас шуток и каламбуров характеризуют почти каждую страницу его произведений. Во всем, что он пишет, присутствует элемент стремительной, ловкой, виртуозной игры. Писатель играет словами, метафорами, сюжетными поворотами и вовлекает в свою игру и читателя.

О. Генри пишет о простых американцах, однако, язык не совсем американский. Мы знаем, что американское правописание отличается от британского: британское сохраняет историческое написание слов, в то время как американское больше отражает произношение. Например: британское написание: *centre, catalogue, neighbour, plough, travelled*; американское написание: *center, catalog, neighbor, plow, travelled*.

Эта разница была нормализована в большой степени трудами американского лексикографа Ноя Вебстера, которая ко времени творчества О. Генри уже достаточно укоренилась. Однако, язык О. Генри – Mid-Atlantic (среднеатлантический – нормативный диалект американского английского) в прямом смысле слова: он словно застрял посреди Атлантики, и в его книгах мирно сосуществуют оба написания.

Хотя вместе с этим О. Генри пользуется языком простых американцев. С одной стороны, это утрировано грамматически: его герои обожают использовать во всех лицах формы третьего лица единственного числа глаголов – *I says* вместо *I say* или *I said*, *we was* вместо *we were*, *you was* вместо *you were*, часто используют диалектизмы, разговорное стяжение *'em* вместо *them*. В отрицаниях часто форма третьего лица единственного числа теряется – *he don't* вместо *he doesn't*. Встречается просторечная форма *ain't* – замена *am not, is not,*

are not, have not, has not и т.д. С другой стороны, герои О. Генри любят лексические красоты и стараются щегольнуть каким-нибудь заковыристым словом или фразой, украсить речь редким или иностранным словом; иногда встречаются и слова, составленные самостоятельно с применением иностранных корней. Вместе с этим это слово часто оказывается не совсем тем, которое они имели в виду, на чем основан юмористический эффект. Такие оговорки – один из самых любимых стилистических приемов О. Генри. Расшифровывать все это автор доверяет своему читателю. Одной из характерных черт его стиля является спрыснутое изрядной долей каламбуров сосуществование просторечного тона повествования и вычурных лексических оборотов [3]. Особое место в стиле написания произведений О. Генри занимает неожиданная концовка рассказов.

В художественном произведении любая языковая единица может стать стилистически значимой и превратиться в средство художественной изобразительности и выразительности. Индивидуальность проявляется в использовании оценочных, эмоционально окрашенных и экспрессивных речевых средств. В сатирических произведениях в любом элементе можно обнаружить комическое – начиная от простых слов, имен и прозвищ, выражений и оборотов, пословиц и поговорок, афоризмов, комических повторов, от видов метафоры до литературных цитат, эпиграфов, вводных слов и предложений, слов, выражающих оценку, одобрение. В значительных сатирических произведениях находит отражение богатство выразительных средств общенародного языка [1].

Практически любой текст включает в себя разнообразные тропы, фигуры речи и другие средства придания выразительности высказывания, составляющие особую функцию изобразительных единиц – стилистическую. А произведения О. Генри могут явиться исключительным экземпляром для того, чтобы продемонстрировать особенности стиля.

Приведем примеры оговорок героев О. Генри из некоторых рассказов:

«Выкуп Красного Вождя»: *«Temporary mental apparition»* – «временное умственное привидение»: имелось в виду *«temporary mental aberration»* – «временное психическое расстройство»; *«None of 'em was subjugated to such supernatural tortures»*. – «Никого из них не подвергали таким сверхъестественным пыткам»: имелось в виду «... *subjected to such supernatural tortures»*, где *«to subject»* – подвергать.

«Джефф Питерс как персональный магнит»: *«You've got a bad attack of super-inflammation of the right clavicle of the harpsichord»*. – «У вас острый приступ супервоспаления правой клавикулы харпсикода»: здесь герой использует слово *harpsichord* для обозначения болезни, т.к. его второй корень *chord* – «струна» созвучен с *cardiac* – «сердечный», т.е. имеющий отношение к сердцу как органу тела; *«For all the remedies in the cornucopia»*. – «Поскольку все средства в корнукопее»: здесь герой хотел сказать *«in the pharmacopoeia»* – «в фармакопее» (официальное руководство для фармацевтов, содержащее описание свойств и способов применения лекарств, а также перечисление лекарственных веществ).

«Справочник Гименея»: В своей фразе *«to take up the curmudgeons in your friend's behalf»* героиня О.Генри видимо хотела сказать *«to take up the cudgels for your friend»* – «заступаться за вашего друга», буквально «хвататься за дубину», где *cudgel* – «дубина, толстая деревянная палка»; а, говоря *«to ruffle the ignominy»* имела в виду *«to ruffle the equanimity»* – «возмутить спокойствие», где *equanimity* – «невозмутимость, хладнокровие; спокойствие; самообладание».

Отметим некоторые примеры каламбура:

«Джефф Питерс как персональный магнит»: *«But there is another power higher yet, although drugs are high enough»*. – «Но есть еще иная, высшая сила, хотя, глядя на цены на лекарства, так не по-

думаешь», т.е. «хотя лекарства достаточно дороги». Здесь обыгрываются два разных значения слова *high* – «высокий» и «дорогой».

«Рождественский подарок из прерии»: «But of all the *cavaliers*, Madison Lane and Johnny McRoy galloped far ahead» – «Но Мэдисон Лейн и Джонни Макрой далеко оторвались от остальных кавалеров». Основное значение *cavalier* – «всадник; кавалерист» («кавалерист» – от того же корня), поэтому основные кавалеры галопом оторвались от других.

«Полная жизнь Джона Хопкинса»: «The City is a sprightly youngster, and you are red paint upon its toy, and you get licked off.» – «Город – жизнерадостный малыш, а ты – красная краска на его игрушке, и тебя слизывают». Глагол *to lick* используется как будто в прямом значении – «лизать, слизывать»: ты красная краска на игрушке города, и он тебя слизывает. В то же время без этого контекста выражение *you get licked* однозначно понимается как «тебя вздули, отделали». И, похоже, именно это значение имеет в виду автор.

Сатирические и юмористические выражения являются важнейшими средствами типизации речи героя. Определенную роль в этой области играют просторечные вульгарные и арготические выражения. Показательно в этом отношении употребление большого количества сленговых и просторечных фразеологизмов в рассказах О. Генри, таких как *a crack on the head* – давать затрещину, *to black one's eye* – поставить фингал под глазом, *to be about to die* – помирать, *to blow in one's money* – «продувать» деньги, *to trot off* – «смыкаться», *Hubbard squash* – котелок (голова), *to snap one's fingers* – показать кукиш и другие. Его повествование неизменно иронично или шутливо.

Это лишь небольшой перечень некоторых особенностей языка произведений О. Генри. Таким образом, для общего пародийного уклона О. Генри очень характерно, что он часто делает темой своих рассказов вопросы самого литературного ремесла. Автор при помо-

щи стилистических приемов, игры слов, а также изображения героев в характерной социальной среде, мастерски ведет читателя за собой и заставляет сопереживать своим героям. Все это показывает острое сознание формы и традиций у О. Генри, и подтверждает взгляд на его творчество как на своего рода предел, до которого дошла американская новелла – «short story» – XIX века.

Список литературы

1. Мысоченко И.Ю. Каламбур: способы и условия его создания: Сб. науч. тр. / Язык и речь в парадигмах современной лингвистики. Краснодар, 2006. С. 167–173.
2. Старцев А. О.Генри и его рассказы. О. Генри. Полн. собр. рассказов: В 3 т. Т. 1. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2008. С. 5–35.
3. Эйхенбаум Б.М. О. Генри и теория новеллы. О. Генри. Полн. собр. рассказов: В 3 т. Т. 3. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2008. С. 5–16.
4. Henry O. Selected Short Stories. М.: Эксмо, 2010. 608 с.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Каримова И.Р.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

Автор статьи прослеживает коммуникативную организацию художественного диалога как разновидности человеческой деятельности, осуществляемой на основе коммуникативных принципов реальной межличностной интеракции. Художественный диалог рассматривается как текст, расчлененный системой коммуникативных актов, состоящих из последовательных коммуникативных действий – реплик персонажей. Исследование может быть рекомендовано при изучении коммуникативной организации драматического произведения студентами филологических факультетов вузов.

Ключевые слова: коммуникативный акт; коммуникативное действие; коммуникативная тактика; объем коммуникативных действий.

THE COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF THE DRAMA TEXT'S CHARACTERS

Karimova I.R.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The author of article retraces the communicative organization of literature dialogue as versions of the human activity which is carried out on the basis of the communicative principles of a real interpersonal interaction. Literature dialogue is considered as the text dismembered by

system of communicative acts, consisting of consecutive communicative actions – remarks of characters. The study can be recommended when studying the communicative organization of drama work by students of philological faculties of higher education institutions.

Keywords: *communicative act; communicative action; communicative tactics; volume of communicative actions.*

«В центре внимания современной лингвистики находятся не только языковой материал и средства речевого общения, но и само речевое общение как процесс и результат, коммуникативная сущность высказываний и отношения между ними в тексте, формы и жанры речевой деятельности. Не случайно современные исследования диалогической речи особое внимание уделяют теоретическому осмыслению проблем общения. Из всех видов речевой деятельности диалог как наиболее естественная, генетически первозданная и широко распространенная ее форма затрагивает все сферы жизни, все уровни взаимоотношения людей» [1, с. 3].

Диалогическая речь как тип коммуникации наиболее широко предстает в двух сферах человеческой деятельности: в реальном общении людей и в художественном словесном творчестве.

Драматический диалог рассматривался преимущественно в следующих аспектах:

- 1) изучение речевых характеристик действующих лиц;
- 2) изучение соотношения художественно-типизированной разговорной речи с живой речью данной эпохи;
- 3) изучение роли лингвистических особенностей диалога как художественного средства, помогающего донести до читателя (зрителя) идейно-тематический и сюжетно-композиционный замысел драматурга.

Предложенное Л.М. Салминой понимание коммуникации как мотивированной и целенаправленной деятельности, имеющей ха-

ракторные способ и средства осуществления и предполагающей конечный результат [3, с. 15], позволяет по-новому подойти к рассмотрению вопросов диалогической речи в драматическом произведении.

С позиций коммуникации диалог в драме может быть рассмотрен как коммуникативное единство, кодирующее смысл произведения и конструируемое последовательностью коммуникативных актов, под которыми понимается условно замкнутое единство двух коммуникативных действий: стимула и реакции.

Стимул обеспечивает воздействие на сознание партнера, актуализирующее поставленную цель, в то время как реакция является результатом этого взаимодействия – индикатором достижения или недостижения цели.

Система взаимосвязанных коммуникативных актов реализуется в свою очередь упорядоченной системой последовательных коммуникативных действий – реплик персонажей. Системообразующим фактором является при этом коммуникативная ситуация, детерминирующая цели взаимодействия, следовательно, выбор партнерами определенной коммуникативной тактики и соответствующего ей типа коммуникативного поведения, отраженного в коммуникативных действиях различного объема. Рассмотрим эти составляющие.

Воздействие на сознание осуществляется в двух взаимосвязанных направлениях: как воздействие на разум средствами логики – рациональное воздействие и как воздействие на эмоции – эмоциональное воздействие.

Эффективность тактики в конкретной коммуникативной ситуации во многом зависит от выбора приоритетного направления воздействия. Так, апеллируя к разуму, рациональное воздействие дает возможность убедить партнера по коммуникации в истинности предъявляемой интерпретации, а, следовательно, и в приемлемости

осуществления ожидаемого от него конкретного действия – речевого или физического.

При помощи эмоционального воздействия можно возбудить эмоции, способствующие реализации побуждения к осуществлению конкретного действия, то есть создать эмоциональный фон, благоприятный для достижения поставленной цели. В отличие от рационально воздействующего побудительного стимула, стимул эмоциональный не предполагает осознанного согласия собеседника, следовательно, ответственность за реактивное действие может быть квалифицирована как вынужденно-добровольная. С одной стороны, собеседник не убежден в необходимости или возможности осуществления того или иного действия, а с другой – он его все-таки совершает под воздействием эмоционального фона.

Как правило, оба типа воздействия выступают в тесной взаимосвязи и преобладание одного из них зависит от социальных и коммуникативных условий взаимодействия. Эмоциональное воздействие, безусловно, обладает гораздо более значительной силой, нежели рациональное, однако следует иметь в виду, что сама по себе сила воздействия еще не гарантирует достижения поставленной цели, а иногда приводит к прямо противоположному результату.

Механизм воздействия на эмоции и чувства человека чрезвычайно сложен, а потому его эффект мало предсказуем. Эмоциональное воздействие, в отличие от рационального, моделируется только в условиях конкретной коммуникативной ситуации, поскольку в значительной степени зависит от психологического состояния партнеров по коммуникации.

Эмоциональное воздействие может ослабляться теми социальными ролями коммуникантов, для которых это направление воздействия не является ведущим. Кроме того, эмоциональное воздействие

часто бывает сопряжено с выходом за рамки социальных ролей, предписанных участникам ситуацией взаимодействия, что также может привести к не достижению цели.

Таким образом, преимущества эмоционального воздействия во многом нейтрализуются его весьма относительной управляемостью. Однако его привлечение в качестве интенсификатора рационального воздействия способно повысить эффективность взаимодействия.

Поскольку коммуникативный смысл всегда представляет собой побуждение к совершению какого-либо действия, каждая коммуникативная тактика определяет выбор коммуникативного действия того или иного объема.

Как отмечает Л.М. Салмина, объем коммуникативного действия определяется возможностью и необходимостью развертывания интерпретации – мотивированной и целенаправленной версии актуальной действительности как более или менее организованной структуры происходящего за счет установления связей между отдельными «положениями дел», либо конденсированного свертывания интерпретации, создающего эффект информационной глубины коммуникативного действия [3, с. 119].

С точки зрения объема информативного содержания можно говорить о коммуникативных действиях *простых*, *сложных* и *составных*.

Семантический объем *простых* коммуникативных действий исчерпывается одной темой – одним «положением дел». Например, в драме В.Е. Максимова «Стань за черту»:

Михей. *Вот, значит, и я... Здравствуй, Кланя* [2, с. 5].

В этом коммуникативном действии тема *заявки на демонстративно слабую позицию «рассказавшегося грешника»* Михея Коноплева реализуется в виде *приветствия*.

В сложных коммуникативных действиях происходит развертывание нескольких тем – нескольких «положений дел»:

Клавдия. *По капле ты меня, Михай Савельич, брал, а я без слова по капле отдавала. Коли осталось, остальное отдам... Только ведь дети у нас есть, за ними суд* [2, с. 6].

В данном случае тема *желание помочь Михею вернуться в семью* развертывается в предьявляемом соотношении *согласие простить как предупреждение о необходимости действия – просить прощения у детей*.

Развертывание темы в сложных коммуникативных действиях носит центростремительный характер, то есть она представляет собой обобщение предьявляемых интерпретаций.

В составных коммуникативных действиях общая тема развертывается как членение на микротемы. При этом они образуют некоторую иерархию, где одни признаки являются главными, другие – дополнительными, а третьи – дополнительными к этим дополнительным. Ср.:

Михей. *Клавдия, не надо, не снесу я. Ведь я жил прожил. Да какую жизнь? Весь век в крике и на людях. Хватит! Не могу больше. Стиснуться хочу, сжаться, затихнуть, как мышь в своей норе. Пускай свет колготчет. Я свое отколготал. Я больше не хочу* [2, с. 6].

В данном случае в коммуникативном действии развертывается тема *отказа от признания собственной вины перед детьми*.

Важнейшей особенностью коммуникативного поведения персонажей драмы в определенной ситуации является стремление каждого к достижению своих целей, отсюда и соответствующие коммуникативные жанры: недоразумения, стычки, споры, ссоры, выяснение отношений.

Таким образом, каждая коммуникативная ситуация в драматическом произведении организуется и развертывается по заданному автором сценарию, определяющему выбор и специфику реализации той или иной коммуникативной тактики персонажей и коммуникативного действия определенного объема.

Список литературы

1. Лагутин В.И. Проблемы анализа художественного диалога. К прагматической теории драмы. Кишинев: Штиинца, 1991. 94 с.
2. Максимов В.Е. Стань за черту / Собр. соч.: В 8 т. Т. 8: Пьесы. М., 1993. С. 5-52.
3. Салмина Л.М. Коммуникация. Язык. Мышление. Казань: ДАС, 2001. 169 с.

СПЕЦИФИКА ТЕКСТА ДРАМЫ

Каримова И.Р.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

Текст драматического произведения рассмотрен с позиций коммуникативного подхода, предполагающего осуществление коммуникативного взаимодействия на двух уровнях: внешнем, представляющем собой диалог автора с потенциальным читателем, и внутреннем – диалог между персонажами. В статье описана структура драматического текста: заданное авторской установкой отношение к персонажам, сюжетные взаимоотношения между ними и определенная драматургом программа воздействия на сознание читателя. Статья может быть рекомендована студентам филологических факультетов вузов.

Ключевые слова: драма; авторская установка; персонаж; характер; сюжет; ремарка.

THE SPECIFICS OF THE DRAMA TEXT

Karimova I.R.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The drama text is considered from the items of the communicative approach point assuming implementation of communicative interaction at two levels: external, representing a dialog of the author with the potential reader, and internal – a dialog between characters. In article the structure of the drama text is described: the attitude set by authoring installation towards characters, subject relations between them and certain

program of influence defined by the playwright on consciousness of the reader. Article can be recommended to students of philological faculties of higher education institutions.

Keywords: *drama; authoring installation; character; person's nature; plot; note.*

Специфику текста драмы усматривают в ее двуслойности, выделяя основной текст и вспомогательный. К основному тексту относят реплики персонажей, к вспомогательному – заглавие, эпитафия, посвящение, список действующих лиц, маркировку актов, сцен, авторские ремарки. Для характеристики драмы необходим анализ каждого из названных слоев и их взаимодействия.

В драме все персонажи соотнесены друг с другом и образуют систему, выступающую центром художественного построения. Поэтому «расстановка» действующих лиц является важным средством воплощения авторской установки. Как и любая система, персонажная сфера драматического текста характеризуется через составляющие ее элементы (персонажи) и относительно устойчивый способ их связи.

Система персонажей носит аксиологический характер и включает в себя как минимум двух противопоставленных героев. Это и создает предпосылку для изображения столкновения между двумя сторонами. Положительные и отрицательные «типы», воплощающие добро и зло, и борьба между ними – необходимый элемент развития действия драмы. Драматург создает каждый персонаж как определенный социально-психологический тип.

Привлечение симпатий на сторону одних персонажей и отталкивающая характеристика других вызывают участие читателя в излагаемых автором событиях, личную заинтересованность в судьбе героев и определенные реакции. Однако не следует забывать, что эмоциональное отношение к полярным типам является заданным

авторской установкой. Чем сильнее талант драматурга, тем труднее читателю противиться этим эмоциональным директивам.

По значимости и занимаемому месту персонажи драматического текста традиционно подразделяются на главных и второстепенных.

Персонаж, воплощающий и таким образом кодирующий авторскую установку, именуется главным героем. Второстепенные персонажи группируются вокруг главных героев и участвуют в борьбе на той или другой стороне. Они могут выступать как знаки, кодирующие те или иные идеи, либо как сигналы, призванные прояснить авторскую позицию читателю.

Подчиненность системы персонажей авторской установке особенно очевидна на фоне правила единства действия – руководства к подбору определенного количества лиц.

Разрабатывая конфликтный сюжет, автор «захватывает и характеры» [1, с. 59-60]. «Если исходным материалом для сюжета служат события, особенно бурные, то «сырьем» для характера служат люди, в особенности, в своих грубо земных порывах» [2, с. 34]. Сущность характера драматического персонажа раскрывается в его непосредственном действии, обусловленном его внутренней интенцией. Не удивительно поэтому, что в драме преобладают персонажи с резко выраженными чертами характера. Подчеркнутая однозначность и определенность характеров драматических персонажей раскрывается в их коммуникативном поведении, включающем в себя как речевые, так и неречевые сценические действия.

Характер и манера коммуникативного поведения персонажа служат основным средством создания образа и средством создания контраста в изображении героев.

Однако драматический текст – это не только характеры персонажей, но одновременно и ситуация, предъявляющая персонажам – партнерам по коммуникации определенные требования. Типичная драматическая коммуникативная ситуация – это ситуация, которая

вынуждает партнеров к активному действию. Развитие действия драмы представляет собой переход от одной коммуникативной ситуации к другой, причем каждая характеризуется столкновением интересов – коллизией. Такое ведение борьбы в драме называют интригой, развитие которой ведет или к устранению противоречий или к созданию новых. Чем сложнее противоречия, характеризующие ситуацию, и чем сильнее противопоставлены интересы персонажей, тем очевиднее установка автора.

Неотъемлемое «звено» формы драматического текста составляет сюжет, то есть жизнь персонажей в ее пространственно-временных измерениях, в сменяющих друг друга положениях и обстоятельствах.

Сюжетные связи как системообразующий принцип бывают очень сложными, разветвленными. Обычно главные герои драматического произведения, воплощающие авторскую концепцию, занимают центральное положение и в сюжете.

Сюжет складывается как из внешних, так и из внутренних сценических ситуаций. К внешним ситуациям относят события и происшествия в жизни персонажей, к внутренним – изменение психологического состояния персонажей. Кроме того, сюжет может развиваться и за счет внесценических (имплицитных) ситуаций – событий и происшествий, представленных в пересказе действующих лиц.

Сюжеты организуются по-разному. В одних случаях на первый план выдвигается какая-то одна событийная ситуация, и тогда драма строится на одной сюжетной линии. Изложение событий в таких пьесах представлено в форме развивающегося действия: один событийный ряд тесно примыкает к другому. Вместе с тем в драме распространены хроникальные сюжеты, где события рассредоточены и «на равных правах» развертываются независимо один от другого событийные ряды, имеющие свое начало и конец.

Наиболее характерны в драматическом тексте сюжеты, где события находятся в причинно-следственных отношениях и выявляют

конфликт в его устремленности к разрешению: от завязки действия к развязке.

Основной стержень драматического сюжета – это внешний (эксплицитный) конфликт, который, как правило, обусловлен внутренним (имплицитным) конфликтом, отражающим авторское отношение к действительности. Отсюда – своеобразие психологизма драматического изображения поступков и действий персонажей.

Итак, автор программирует характеры и поступки, а читатель поддается иллюзии, что перед ним «реальная» действительность. Чем полнее будет эта иллюзия, тем ярче эмоция читателя, определеннее его ценностное отношение к изображаемому.

Программа воздействия на сознание читателя реализуется в рамочных знаковых компонентах побочного текста – заглавии, подзаголовке, эпиграфе и посвящении (если они есть), а также в сигналах, декодирующих авторский замысел – списке действующих лиц, разного рода сценических указаниях, примечаниях, системе ремарок.

Перечисленные авторские «коды» образуют в совокупности своеобразный метатекст, составляющий целое с основным диалогическим текстом, и являются мощным средством воздействия на читателя, обеспечивающим результативность художественной коммуникации. Так как в драме речевые поступки персонажей являются практически единственной формой изображения их характеров и взаимоотношений, драматург при необходимости сопровождает их физическими сценическими действиями, часто проясняющими смысл коммуникативного действия и таким образом усиливающими эффект воздействия. Этот аспект драматического текста выражен, прежде всего, в авторских ремарках, сопровождающих речь персонажей и преобразуемых на сцене в визуально воспринимаемые действия – кинетическую и паралингвистическую информацию, помогающую читателю (зрителю) сориентироваться в заданных типах характеров и взаимоотношениях между ними. Детали пейзажа

также могут быть задействованы в качестве средства воздействия. Определенные состояния природы имеют достаточно устойчивые ассоциации с теми или иными человеческими чувствами, переживаниями. При постановке спектакля ассортимент способов и средств воздействия существенно расширяется за счет декораций, световых и звуковых эффектов.

Список литературы

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. М.: Гослитиздат, 1957. 183 с.
2. Бентли Э. Жизнь драмы. М.: Искусство, 1978. 212 с.

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ИРОНИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В ПРОЗЕ Ю. ПОЛЯКОВА

Лерман И.В.

МАОУ «Лицей № 78 им. А.С. Пушкина»,
г. Набережные Челны, Россия

В статье исследуется текстообразующая роль иронической оценки на примере прозы современного российского писателя. Текстовая ирония связана со структурой всего художественного текста, позволяет автору передать свое отношение к изображаемому. Как средство актуализации иронической оценки представлены интертекстуальные включения, центонные тексты, имплицитные смыслы, жаргонная и просторечная лексика.

Ключевые слова: *оценка; ирония; текстообразующая роль; тер-
текстуальность; имплицитные смыслы.*

THE TEXT FORMATION ROLE OF AN IRONIC EVALUATION IN Y. POLYAKOV'S PROSE

Lerman I.V.

Lyceum No. 78 of A.S. Pushkin,
Naberezhnye Chelny, Russia

This article examines the role of ironic evaluation in any text formation by the example of the modern Russian writer's prose. Textual irony is connected with the whole text structure; it lets author show his own point of view to the described data. Intertextual insertions, cento texts, implicit meanings, low colloquial vocabulary are used as a mean of actualization.

Keywords: *evaluation; irony; text formation role; intertextuality; implicit meaning.*

Категория оценки является одной из основополагающих антропоцентрических категорий языка. Исследованию языковой оценки посвящены работы многих исследователей (Аругюнова, 1988; Вольф, 1979, 1981, 2006; Ивин, 1970; Маркелова, 1995, 1996; Телия, 1986 и мн. др.). Е.М. Вольф утверждает, что оценка как семантическая категория имеет в виду ценностный аспект смысла языковых оборотов, который возможно истолковывать как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект) *хороший / плохой*» [1, с. 6]. В лингвистике различают эксплицитную (явную) и имплицитную (скрытую) оценки. Скрытая – имплицитная – оценка имеет подтекстовое содержание, включает в себя разного рода намеки, с помощью вербального выражения представляет внутренний мир человека. В рамках данной статьи нами будет рассмотрен один из видов имплицитной оценки – ироническая оценка, а также средство её актуализации – текстообразующая роль в прозе Ю. Полякова. Мы солидарны с мнением О.П. Ермаковой в том, что «ирония – это один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания в смысле, противоречащем буквальному с целью насмешки» [4, с. 47]. В современной лингвистике разграничиваются два понятия: ирония как средство техники, стилистический прием (контекстуальная ирония), и ирония как результат – иронический смысл, созданный комплексом средств языка, который организует и скрепляет текст в содержательном плане (концептуальная, ассоциативная, лейтмотивная, текстообразующая ирония). В данной работе под текстообразующей функцией иронической оценки нами понимается комплекс взаимодействующих иронических авторских оценок, включающих в себя средства выражения контекстуальной и текстообразующей иронии, позволяющих писателю имплицитно изобразить свой взгляд на передаваемое им.

Современный российский писатель Юрий Поляков создаёт произведения, в которых на передний план выходят социальные, жи-

вотрепещущие, актуально звучащие темы. Стоит особо отметить стиль Ю. Полякова, выделяющийся ярко выраженной оценочностью, он формировался из дерзкого смешения разностилевой лексики, игры семантическими смыслами, иронии, неприметно переключающейся в лиризм [2, с. 5]. Лингвостилистические характеристики текстов этого популярного прозаика изучены совершенно недостаточно. Монографических исследований по идиостилю Ю. Полякова, кроме работ О.П. Глуховой (Глухова, 2010) нами не обнаружено.

Целью работы является описание средств формирования иронических смыслов оценки в текстах Ю. Полякова. Материалом исследования явился роман Ю. Полякова «Замыслил я побег». Этот роман стал итогом жизненных наблюдений и раздумий писателя в 1990-е годы. В.А. Гуреев отмечает, что размышления писателя привели его к пониманию, что гибель советского общества имела в своей основе не экономические, но морально-этические обстоятельства [3, с. 9]. Иронической оценке подвергает Ю. Поляков те сферы духовной жизни человека, которые казались раньше незыблемыми: патриотизм, эпохальные события в стране, отношение к власти. Оценка писателя пронизана то горечью, то язвительной, едкой насмешкой, то тонким лиризмом.

Важнейшим средством актуализации текстообразующей иронической оценки является интертекстуальность. Исследователи считают, что интертекстуальность – своеобразный способ, заключающийся в намеренном, сопровождающемся особыми речевыми сигналами, применении постороннего текста или его части [6, с. 3]. В прозе Ю. Полякова широко представлен интертекст, в связи с чем авторский текст приобретает неоднородность смысла. Этот «пучок» соотносимых с авторским текстом претекстов утверждает личностное, творческое, оценочное «Я» художника слова. В романе «Замыслил я побег...» главный герой Олег, по утверждению Н. Царёвой, движется вместе с эпохой, когда в период Перестройки весь привычный уклад жизни разваливается прямо на глазах, не может разобратся,

отыскать свою нишу в новом мире. Вопрос выбора, побега, действия решается в книге диалектически. Есть возможность решать – и постоянно промахиваться, а есть возможность и не принимать решение [9, с. 2]. Само название произведения – это интертекстуальная отсылка к стихотворению А.С. Пушкина, окрашенная насмешливой и в то же время лирической иронией автора: *Давно, усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальнюю трудов и чистых нег...* [7, с. 528]. В приведённых ниже примерах с помощью интертекстуальных включений Ю. Поляков выражает ироничную оценку – насмешку, осуждение, восхищение, трансформируя идиоматическую фразу, заостряет внимание на дополнительном новом значении высказывания: *Впрочем, чужая постель – потемки* [5, с. 30].

– *Тварь ты дрожащая и права никакого не имеешь!* – сказал по поводу случившегося начитанный башмаковский тесть Петр Никифорович [5, с. 30]. Органично вплетаются в основной текст автора известные выражения как фольклорного, так и художественно-литературного характера. По справедливому выражению профессора. Д.А. Салимовой, «внутренний язык является своего рода транслятором, обеспечивающим совместимость индивидуальных систем знаний поэта и читателя» [8, с. 3].

Помимо интертекстуальных включений в прозе Юрия Полякова можно отметить наличие центонных текстов, то есть текстов, представляющих собой комплекс аллюзий и цитат, созданных по методу сращения цитатных «атомов» авторов [6, с. 137]. В таких поляковских текстах ироническая оценка представлена открыто. В примере персонаж Каракозин перед всем коллективом на собрании выражает недовольство стилем управления НИИ академиком Шаргородским: – *Игорь Сергеевич! Ау! Я пришел к вам с приветом рассказать, что солнце встало... Игорь Сергеевич, какое нынче тысячелетие на дворе?* – нарочито громко, точно обращаясь к глухому, крикнул Каракозин [5, с. 99].

В языке прозы Ю. Полякова велика роль имплицитной формы выражения иронической оценочности, косвенная, «полуоткрытая» оценка, иносказательное её выражение. Ироническое восприятие действительности Ю. Поляков передаёт через личность главного героя, который выступает не только участником событий, но и наблюдателем жизни, воспринимающим всё происходящее через призму оценки – чаще негативной. В последующих примерах автор в сцене знакомства главного героя с родителями невесты отмечает мещанство и духовную убогость родственников, в частности, тестя Олега, Петра Никифоровича, который прикрывается звучными фразами из литературных источников, демонстрируя показную начитанность и глубокомыслие. Сцена обеда вообще являет собой наиболее яркий образец духовного оскудения людей, автор иронически описывает общение родственников, которое происходит между переменной блюд: *За закусками обсуждали международную обстановку. Первое блюдо, огнедышащее харчо, посвятили проблемам современного отечественного кино. <> Второе, нежнейшие свиные отбивные, съели за разговорами о самом Олеге, его семье и жизненных планах* [5, с. 20]. Имплицитные оценочные смыслы пронизывают всё произведение и структурируют текст. Автор неоднократно упоминает, что близкими друзьями тестя главного героя Петра Никифоровича были люди из богемы, которые часто дарили ему подарки и оставляли автографы. Высокая поэтическая формула таких автографов подвергается оценочной деромантизации, а сам поэт представляется читателям бездарным рифмоплётom: *На журнальном столике невзначай лежал новый сборник Нашумевшего Поэта с благодарственным экспромтом на титульном листе: За Петра Никифорыча/ Ноги всем повыворочу!* [5, с. 19]. Кроме того, в романе автор высмеивает гастрономические мечтания, узость мещанских бытовых интересов людей во времена дефицита, когда говорит о свадьбе главного героя, включает в высказывание жаргонные и просторечные слова: *Стол*

был оставлен таким количеством дефицитов, что у неизбалованных гостей щемило сердце от печального понимания: этой икры, севрюги, лососины, колбасы, языков, крабовых салатов и прочего на всю оставшуюся жизнь **не налопаешься** [5, с. 21].

Эмоционально-оценочные коннотации в романе Ю. Полякова разнообразны, яркие, отличаются повышенной стилистической окрашенностью, являются сигналами особой эмоциональной экспрессивности. Жаргонизмы и бытовизмы частотно представлены в романе писателя не только для придания стилю произведения разговорности, а в большей степени как средство выхолащивания высокого смысла некоторых понятий и явлений, а также с целью снижения образов персонажей: *Со временем Дарьялов стал модным художником, а прославился он во второй половине 80-х картиной «Неуставняк». Полотно изображало кровожадных волчар, одетых в дембельские кители и рвущих на куски нагого, беззащитного **салажонка** ...* [5, с. 47]. В нижеприведённых примерах насмешка исходит от самих персонажей, – Бориса, Олега, Веты – использующих жаргонные слова, однако такой иронической оценкой наделяет их автор: *Но, видимо, Борька владел еще не всей информацией, потому что перед каждым экзаменом жалобно вздыхал, уверяя, будто его обязательно **завалят** по «пятому пункту», несмотря на серебряную медаль* [5, с. 49]. *Они с Ветой будут лежать на собственном кусочке пляжа возле теплого моря, а тем временем адвокат все **обстригает*** [5, с. 69]. Как видно из примеров, автор для достижения своей цели использует богатый словообразовательный потенциал, включая морфемы (суффиксы и префиксы), передающие слову оттенок просторечного стиля, а иногда – и окказиональные формы.

Иронически оценивает автор идеологическую ложь, которая царила в обществе в доперестроечный период, обнажает фальшь, показуху, формализм, словесную трескотню и спекуляцию на высоких словах партийного аппарата. При описании идеологических поня-

тий, некогда благоговейно почитаемых, сквозит изощренная, часто едкая, ироническая оценка автора. Стоит отметить особую роль, которую играет в развенчании официально-политических понятий в текстах Ю. Полякова стеб – разновидность жаргонной лексики, на котором предпочитала общаться «продвинутая» молодёжь в доперестроечные годы, язык, противопоставленный официальному языку: *Сначала просто отмалчивался, потом научился отшучиваться, наконец, сам принялся искренне поругивать проклятых коммуняк с их трепаным социализмом* [5, с. 69]. *Оттуда он возвращался загорелый, бодрый и рассказывал в мужском кругу об очередной победе над женой или дочкой какого-нибудь партийно-советского крупняка. Таким образом, он, кажется, сводил счеты с советской властью* [5, с. 75].

Итак, нами была рассмотрена текстообразующая роль иронической оценки в романе Ю. Полякова «Замыслил я побег». Средством актуализации оценки в произведении являются интертекстуальные включения, центонные тексты, имплицитные смыслы, разлитые по всему произведению, связанные с основной идеей произведения и структурирующие текст, а также жаргонная и просторечная лексика. Так, средства выражения иронической оценки в романе Ю. Полякова актуализируют скрыто-ироническое содержание произведения, являясь своеобразной художественной формой авторской оценочности, становятся текстообразующими элементами в художественном пространстве автора.

Список литературы

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
2. Глухова О.П. Средства и способы выражения субъективной модальности в текстовом пространстве Ю. Полякова: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010. 201 с.

3. Гуреев В.А. Последний советский писатель // Подъем. 2004. № 12. С. 3–17.
4. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. 204 с.
5. Поляков Ю.М. Замыслил я побег... М: Астрель, 2004. 637 с.
6. Попкова Н.Н. Доминанты идиостилия поэта-ирониста (на материале текстов Игоря Иргеньева): автореф. дисс...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 21 с.
7. Пушкин А.С. Сочинение: В 3-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1985. 653 с.
8. Салимова Д.А., Павлова В.Г. Поэтонимы как интертекстуальные элементы в текстовом поле Н. Алешкова // Современные проблемы социальных наук. 2013. № 1 // <http://journal-s.org/index.php/sisp/issue/view/8>.
9. Царёва Н. Рецензия на роман Ю. Полякова «Замыслил я побег...». 2010. 2 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.proza.ru/2010/08/03/17>, свободный (дата обращения 12.07. 2013).

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ВЫРАЖЕНИЕ
АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ В ПОВЕСТИ Ю. ПОЛЯКОВА
«ПАРИЖСКАЯ ЛЮБОВЬ КОСТИ ГУМАНКОВА»**

Лерман И.В.

МАОУ «Лицей № 78 им. А.С. Пушкина»,
г. Набережные Челны, Россия

В статье исследуются интертекстуальные связи в аспекте выражение авторской оценки в повести Ю. Полякова «Парижская любовь Кости Гуманкова». Автор работы выявляет, что интертекстуальность, окрашенная авторской оценочностью, отмечена на композиционном, содержательном уровне. Особо выделяются в работе аллюзивные имена собственные, которые направляют читателя к историческим именам, к именам культурологической сферы, а также трансформированные имена прилагательные и аллюзивные отсылки.

***Ключевые слова:** художественный текст; интертекстуальность; авторская оценка; аллюзии; имена собственные.*

**INTERTEXTUALITY AS THE EXPRESSION
OF THE AUTHOR'S EVALUATION IN THE
NOVEL BY U. POLYAKOV «THE PARIS LOVE
OF KOSTYA GUMANKOV»**

Lerman I.V.

Lyceum No. 78 of A.S. Pushkin,
Naberezhnye Chelny, Russia

The article investigates contextual intercourses in the aspect of expressing the author's evaluation in the novel by U. Polyakov «The Paris

Love of Kostya Gumankov». The author discovers that the intercontextuality is colored with the author's evaluation and marked on the compositional and contextual level. The allusive proper names, which are especially remarkable in the work, refer the readers to historical names, to the names of the culturological sphere. The transformed adjectives and allusive references are especially remarkable.

Keywords: *literature text; intertextuality; author's evaluation; allusion; proper names.*

Художественный текст, по словам учёных, «пронизан субъективностью и антропоцентрическими устремлениями, а антропоцентричность выражается в речи и как субъективно-модальное значение» [1, с. 115], текст отличает также диалогичность, наличие скрытых смыслов, субъективность и оценочность. Категория оценочности, непосредственным образом связанная с человеком, его ценностными установками и нормами, составляет основу метасмысла текста. Часто любой текст появляется в ответ на уже имеющееся литературный труд, это «включение» позволяет приобретать авторскому тексту смысловую множественность, показывает специфику поэтики писателя, уникальность его мировосприятия. В любом художественном произведении позиция автора реализуется с помощью определенного набора тактик, среди которых следует выделить интертекстуальность как способ передачи оценочного отношения автора.

Целью нашей работы является выявление и описание интертекстуальных связей в аспекте выражение авторской оценки в повести Ю. Полякова «Парижская любовь Кости Гуманкова». Знакомство с прозой Юрия Полякова позволяет говорить о доминирующей критически иронической позиции автора к описываемой реальности мира. О.П. Глухова утверждает, что обращение Ю. Полякова к таким понятиям, как мораль, истина, ложь, справедливость, делают индивидуальную систему этого писателя «универсальным зеркалом», от-

ражающим все современные социальные процессы и изменения [3, с. 51]. Исследователь Н. Переяслов отмечает, что Ю. Поляков является одним из немногих современных писателей, создающих в своей прозе максимально узнаваемую картину жизни, дающую читателю возможность узнать изображаемые в произведении чувства и переживания и принять авторские выводы за свои собственные [4, с. 111].

Интертекстуальность в современной лингвистике определяется как важнейший художественный прием, который позволяет показать принципы работы автора с чужим словом и оригинальность художественного мира писателя. С точки зрения современного исследователя этого явления Н.А. Фатеевой, интертекстуальность – это способ «генезиса собственного текста и постулирования собственного авторского “Я” через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов» [6, с. 16].

Категория интертекстуальности в тексте может быть эксплицирована цитатами, аллюзиями, реминисценциями, сходство может осуществляться с помощью подобия жанровых форм, сюжетных схем, связанных с тем или иным культурным кодом. Важную роль в авторской оценочной позиции играют такие маркеры, как эпиграфы, заголовки, повтор ритма и т.д.

Основная стилевая манера повести Ю. Полякова «Парижская любовь Кости Гуманкова» – ироническая. В этом произведении автор рисует нравственно-этическую и общественно-историческую атмосферу жизни страны в застойный период. А.Ю. Большакова отмечает: «Ю. Поляков одним из первых попытался взглянуть на уходящую советскую натуру с добрым, ностальгическим юмором. Ирония становится противовесом приевшейся и наскучивший всем пафосности» [2, с. 17]. Ироническое восприятие действительности в этой повести передается с помощью личности рассказчика, который неудовлетворен собственным социальным статусом и окружающим миром. Такая манера повествования об удивительной удаче, выпав-

шей рядовому программисту в советский период истории – неожиданной поездке в Париж, – является интертекстуальной отсылкой к устойчивой жанровой форме сказа. Сказовая манера в повести неоднократно подкрепляется постоянно повторяющимися стилизованными под фольклорные обороты лексемами и сказовым ритмом: на месяц отлучила меня от своего белого тела, супруга моя честолюбивая (суровая, неулыбчивая, опасливая, добычливая, непредсказуемая, предусмотрительная, молчаливая, практичная, соскучившаяся) Вера Геннадиевна [5, с. 15, 20-89]. Как видим, авторская оценка просвечивает сквозь оценку самого персонажа по отношению к супруге, а образ Веры Геннадиевны воспринимается читателем негативно.

Цитаты, аллюзии, реминисценции, эпиграфы, заголовки, повтор ритма являются средствами выражения авторской позиции и становятся ключом для прочтения глубинного смысла произведения. Эпиграф к повести «Парижская любовь Кости Гуманкова» («Вы про Париж хотели, да на розги съехали. Где же тут Париж?») взят из произведения Ф.М. Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях». Ю. Поляков неслучайно задает этим эпиграфом тему парадоксального совмещения несостыкующихся пластов в произведении: Париж – город-мечта для советского обывателя, обобщенный идеализированный образ Запада и вонючая пивнушка, где слово Париж – всего лишь пустой звук. Мотив ожидания неземных впечатлений от столицы Франции развенчивается картиной пивного бара, которую автор рисует в прологе и эпилоге повести, так рушатся иллюзии Кости Гуманкова на любовь и счастье.

В повести «Парижская любовь Кости Гуманкова» присутствует интертекстуальность в композиционном, содержательном плане, силен интертекстуальный мотив рыцарства и идиллическая проекция на ситуацию сближения героев, Кости и Аллы. Образ главного героя повести Кости, изначально сниженный, неожиданно героически возвышается: во-первых, Гуманков способен на высокие порывы, в

Париже вспыхивает его нежное и настоящее чувство к Алле, во-вторых, он, не пользуясь ситуацией, действительно предстает перед ней благородным рыцарем. Тем не менее, в повести рыцарские мотивы оживают также в неприятных воспоминаниях Кости о войне Алой и Белой Розы в детских играх с Пековским, который однажды вышел во двор в настоящих, отливавших серебром рыцарских доспехах, в то время как сам Костя чувствовал себя ничтожеством в самодельным рыцарском одеянии. По словам исследователя творчества Полякова А.Ю. Большаковой, «успешный и влиятельный Пековский навсегда остается для Гуманкова победителем в рыцарском турнире жизни, жизни, в которой Костя всего боится» [2, с. 87]. Такая интертекстуальная отсылка позволяет автору выразить свое негативное отношение к человеческим порокам, слабостям и недостаткам.

Имена собственные повести Ю. Полякова «Парижская любовь Кости Гуманкова» являются средством выражения авторской оценки, позволяют точно и экономно, избегая излишне развернутого описания явления, выразить свои идеи, аллюзивно отсылают к историческим именам и культурным ценностям, событиям. В самом начале повести появляется слово Рыгалето, происхождение которого иронически поясняется автором: «За дармовую кружку пива балерун охотно крутил фуэте и кричал при этом дурным голосом: “Р-риголетто-о-о!” Почему “Риголетто”, а не, допустим, “Корсар” или “Щелкунчик”, – никто не знал. Пивную начали называть “Риголетто”, потом “Рыгалето”, что в общем-то более соответствовало суровой общепитовской действительности» [5, с. 2]. Аллюзивные имена в повести Ю. Полякова отличаются высокой концентрацией информации, выражают субъективную оценку изображаемого, направляют к следующим именам:

– к историческим именам: Спускаясь вниз, в ресторан, я нетерпеливо достал из конверта три большие бумажки по 100 франков с изображением лохматого курнофея, похожего на батьку Махно в ис-

полнении актера Чиркова. [5, с. 33]. ...Короче, теперь на Урале он большой человек вроде Валенсы в Польше [5, с. 84];

– к именам определенной культурологической сферы: Поколебавшись, Торгонавт притащил бутылку лимонной водки, припасенную, видимо, на черный день. – Поэма Рылеева «Наливайко»! – приказал Поэт-лауреат [5, с. 72]. Утром я проснулся оттого, что в грудь мне уперлось холодное острие. Надо мной стояла Алла, и в руке у нее была вчерашняя шпага – Вставай, Тристан! – смеялась она [5, с. 71]. Алла выбежала из номера. – Дианы грудь, ланиты Флоры! – крикнул ей вдогонку Поэт-метеорист [5, с. 76]. Спецификой использования именных интертекстуальных отсылок повести Ю. Полякова является то, что у этого писателя каждая отсылка окрашивается авторской оценочностью, облекается в образную форму – метафорическую, метонимическую, сравнительную, форму окказионального эпитета, окказионального номинатива: В глаза бросался Гегемон Толя, одетый в новый белый аленделонистый плащ и галстук, выбранный для него Пилой Суринамской, которая, в свою очередь, нежно поглядывала на стоявшую у ее ног сумку, раздувшуюся, как свиноматка [5, с. 65]. – Борец – это не запаршивевший диссидент с Солженицыным за пазухой, а тот, кто умудряется вопреки всему жить, как человек [5, с. 64]. – Не подведу! – с какой-то непонятной для философа готовностью отозвался Донатыч. Диаматыч, – записал я [5, с. 14]. Часто имена собственные трансформируются, на их основе образуются прилагательные, порой окказиональные, окрашенные авторской иронической негативной оценкой, такие интертекстуальные отсылки также направляют восприятие читателей к историческим событиям или к историческим деятелям разных эпох: Ей-богу! Было это в 1984-м, в усть-черноярский период нашей колготной истории. [5, с. 5]. Гегемон Толя добавил банку солдатской тушенки, ровесницу первого семипалатинского испытания, и водку производства нижнетагильского комбината [5, с. 71]. Появился Спецкор, сообщил, что наше

хоровое пение разносится далеко по ночному Парижу, и выставил свою бутылку зеленогрудой, уже начинавшей исчезать из продажи «андроповки» [5, с. 73].

В этой повести Ю. Полякова частотно представлены аллюзии, в которых заимствование элементов из претекстов происходит выборочно, а сам прецедентный текст присутствует в нем как бы «за текстом», элементы организованы таким образом, что в композиционной структуре текста они оказываются своеобразными узлами сцепления. В следующем примере аллюзия на стихотворение С. Есенина «Исповедь самоубийцы» помогает выразить авторскую оценку физического состояния персонажа повести Спецкора: – Если будут спрашивать, почему меня нет на планерке, скажи им, что я выпит до дна... [5, с. 44]. Иронией автора окрашена аллюзия в примере, который отсылает читателя к образам правдоискателей поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: Первым весть о пивной, будто бы открывающейся в железном сооружении, принес Букин, наш местный алгоритмовский правдоискатель, отдававший все силы делу борьбы за справедливость, разумеется, в рамках господствующего беззакония [5, с. 1]. Авторская оценка в примере совпадает с оценкой персонажа, аллюзия извлекает из хорошо известного образа советского паспорта стихотворения В. Маяковского «Стихи о советском паспорте» дополнительную информацию, тем самым подчёркивая мнимую пафосность артефактов советского периода истории: Пограничник заглянул в мой молоткастый и серпастый, поставил штамп и сказал: «Привьет!» [5, с. 81].

Итак, интертекстуальность как выражение авторской оценки в повести Ю. Полякова «Парижская любовь Кости Гуманкова» отмечена на композиционном, содержательном уровне, выделяется интертекстуальный мотив рыцарства в повести, сказовая манера повествования. Частотно представлены в повести аллюзивные имена собственные, которые направляют читателя к историческим именам,

к именам культурологической сферы, а также трансформированные имена прилагательные и аллюзивные отсылки.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 534 с.
2. Большакова А.Ю. Феноменология литературного письма. О прозе Ю. Полякова. М.: Маик Наука, 2005. 317 с.
3. Глухова О.П. Средства и способы выражения субъективной модальности в текстовом пространстве Ю. Полякова: Дис. ... канд. фил. наук. Кемерово, 2010. 201 с.
4. Переяслов Н. Как читать Юрия Полякова?.. М.: «Росмэн», 2005. № 11. С. 111.
5. Поляков Ю. Парижская любовь Кости Гуманкова. М.: Астрель, 2005. 207 с.
6. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 280 с.

ИСТОКИ КОМИЧЕСКОГО В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Макарова В.Ф.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье рассматриваются некоторые древние элементы комического и выделяются комические компоненты в тюрко-татарских фольклорных жанрах. Ироничность татарских анекдотов, объясняющаяся генетической близостью к жанру айтыш, способствовала выделению данного компонента в художественном сознании татар. Исламские традиции и рудименты древних тюрко-татарских похоронных обрядов «сыктау» способствовали формированию экзистенциальности.

Ключевые слова: комическое; национальный юмор; ирония.

THE ORIGINS OF THE COMIC COMPONENTS IN TATAR LITERATURE

Makarova V.F.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

This article analyzes some old elements of the comic and distinguished comic components in the Turko-Tatar folk genres. The irony of the Tatar jokes that is explained by the genetic proximity to the genre aitysh contributed to the allocation of this component in the artistic consciousness of Tatars. Islamic traditions and rudiments of the ancient Turkic-Tatar funeral rites «syktau» helped to form the existentiality.

Keywords: the comic components; the national humor; irony.

Наиболее древними, долитературными формами комического были игры [2]. Переодевание с целью выдачи себя за другого – основной прием образования смешного в этих играх. Издевательства над другими родами, фратриями, племенами, оскорбление рода невесты или жениха из другого рода считается обычным явлением в социальных отношениях древних людей.

У некоторых тюркских народов, в том числе и у татар, проводились «кукольные свадьбы» – своеобразные репетиции свадебного обряда: игра в свадьбу. Зрелищно-обрядовые формы смеха, имея первоначально культовое, магическое значение, в дальнейшем стали служить средством забав и развлечений. Они явились тем своеобразным родником, откуда в большинстве своем вышли устные формы народной сатиры и юмора, которые, в свою очередь, сыграли важную роль в становлении и развитии национальной культуры.

Казахский ученый Е.Д. Торсунов считает, что в эпоху образования племенных союзов у породнившихся родов не могло быть общей мифологической основы для проведения обрядов по древнему обычаю. Единственным обрядом, который они могли совершать, оставалась ритуальная перебранка – превознесение своего рода и высмеивание недостатков противника [8, с. 42]. Е.Д. Торсунов утверждает, что подобная перебранка имела форму айтыс. Айтыс на многие столетия сохранился у многих тюркоязычных народов, в том числе и у татар (айтыш).

На особенности существования данной формы обращали внимание и татарские фольклористы. Так, А.Г. Яхин пишет: «Айтыш как древнейший жанр фольклора является результатом трансформации мифов. Сформировавшись в качестве перебранки, он не мог игнорировать зародившуюся в мифах остроумную форму мышления. В татарском фольклоре айтыш сохранился в виде юмористических песен» [10, с. 185]. Песенную перебранку деревенских девушек и парней описали в своих пьесах классики татарской драматургии Карим

Тинчурина, Фатхи Бурнаш и др. А.Г. Яхин отмечает, что айтыш по своей структуре близок к анекдотам.

А.Г. Яхин, изучая историческое развитие анекдота, обратил внимание на время зарождения в мифах элементов и структуры анекдота и подчеркнул, что уже в архаической мифологии встречаются элементы комического [10, с. 185]. Ученый выявил, что татарский анекдот в своей основе ироничен, и определил ироничность как национальную специфику татарского менталитета, связанную с генетической близостью к жанру айтыш.

На развитие традиций смеха в татарской литературе повлияло принятие ислама в Волжской Булгарии. «Исламская традиция понимания смеха имеет специфические особенности. В целом так же, как и иудаизм и христианство, она относится к смеху отрицательно. Тем не менее, неподцензурный народный юмор представляет классические образцы смеха; здесь особенно следует выделить цикл историй о Ходже Насретдине, многие истории из цикла сказок «Тысячи и одна ночь»: их сюжеты намного ближе к европейским, чем автохтонные китайские, японские, индийские» [6, с. 118].

Особое отношение к смеху имеет исламское мистическое течение суфиев: в отличие от ортодоксального ислама, они считают смех лучшим средством освобождения от «пут жизни» и духовного развития. Суфийские притчи часто остроумны, сатиричны и юмористичны; несомненно, имеется определенное влияние суфийского юмора на цикл анекдотов о Ходже Насретдине.

Многие особенности комического компонента в мышлении татарского народа были тесно взаимосвязаны с теми представлениями, с той картиной мира и отношением к ней, которые сформировались внутри фольклорных жанров.

Наиболее популярными жанрами татарского фольклора являются баиты и мунаджаты, генетически восходящие к исламским традициям. Баиты – эпические, лиро-эпические и лирические сти-

хотворно-поэтические произведения, рассказывающие о крупных исторических процессах и событиях, социальных и семейно-бытовых явлениях и фактах прошлого. В основном в них отражаются драматические коллизии, которые оцениваются как неизбежные. Фатализм – один из главных способов осмысления судьбы человека в байтах – наблюдается даже в тех немногих образцах жанра, которые татарские литературоведы Г. Ибрагимов и Г. Рахим отнесли к «смешным», комическим байтам («һәжү (көлү) өчен чыгарыла торган бәетләр» [1, с. 286]). Комизм в байтах неизменно сопровождается экзистенциальной оценкой происходящего. Посвященные актуальным социальным проблемам, байты рассказывают о беззаконии и деяниях отдельных представителей местной власти. Авторы подводят своего слушателя к мысли о том, как трудно живется простому незащищенному от их произвола народу.

Мунаджат (в переводе с арабского языка – беседа в одиночестве с собой, очищение, молитва, обращение к богу с мольбой о прощении) – лирический жанр восточной, в том числе татарской литературы и фольклора. В литературном варианте – это стихи, в народном творчестве – напевные произведения, пронизанные философскими размышлениями, с преобладанием мотивов грусти, печали и разлуки, бытующие в письменной и устной форме.

Как пишут исследователи мунаджатов, генетически жанр восходит к древним тюркским культовым обрядам – похоронным плачам «сыктау», которые встречаются уже в Орхоно-Енисейских рунических письменах, эпитафиях (V–VI вв.). Такие песни-плачи издревле существовали не только у тюрков, но и у многих других народов мира. Приняв ислам, тюрко-татары перестали исполнять эту обрядовую поэзию во время похоронного обряда, так как Коран призывает людей к терпимости и терпеливости. В результате мунаджаты постепенно слились с песней-плачем: жанр наполнился религиозными образами и мотивами, но сохранил экзистенциальность. В последу-

ющем он вобрал в себя такие жизненные вопросы, как взаимоотношения между матерью и ребенком, расставание с Родиной, разлука с близкими и отношение народа к каким-либо общественно-политическим событиям [7, с. 1-27]. Характер человека осмысливался в широком общечеловеческом ракурсе в философских мунаджатах, в которых восхвалялись дружба, родство, благородство, справедливость, щедрость, взаимовыручка, доброта [1, с. 314], и им противопоставлялись жадность, двуличие, высокомерие, хвастовство, пьянство, сплетни и т.д. В этих произведениях сформировалось экзистенциальное отношение повествователя к человеку, как к представителю несовершенного человеческого рода.

В начале XX века Г. Рахим исследовал экзистенциальность татарского фольклора на примере народных песен в своей статье «Взгляд на нашу народную литературу» («Халык әдәбиятымызга бер караш», 1914 [5, с. 98]), объяснив ее трагичностью истории своего народа. Экзистенциальность проявляется также в самокритичности фольклора.

Еще одна особенность – ироничность, граничащая с хитростью, трюкачеством, по мнению татарских фольклористов, восходит к архаическим мотивам в сказках о животных, появившимся под влиянием дуалистического мифа и бытовой сказки [7]. Иронию можно обнаружить в субъектной и объектной организации содержания практически всех видов сказок и на всех стилистических уровнях – и в языковой характеристике, и в отдельных деталях, и на сюжетно-фабульном уровне, и в структуре образа персонажа.

Ироничность свойственна характеру татарского народа, его менталитету, его навыкам критического анализа и оценки действительности. Очень активно проявляется ирония в пословицах-поговорках, которые направлены на осуждение общечеловеческих пороков, среди которых выделяются: лень, пассивность, медлительность, обман, воровство, равнодушие, угодничество, коварство, зависть. Во вводной статье к трехтомному своду «Татарских народных посло-

виц», изданному в 1959–1967 годах, автор-собираетель Н. Исанбет отмечает, что пословицы в течение тысячелетий сохранили в себе некоторые элементы древних дастанов, басен, хикметов, такие как остроумная оценка, ирония, имеющие социальное значение. Они ощутимы в миниатюрных сюжетных рассказах или в изложении краткого вывода из какой-либо басни, рассказа, анекдота [3, с. 1]. Рассказчики в малых жанрах фольклора на первый взгляд одобряют, и, казалось бы, утверждают, но на самом деле – тонко высмеивают отдельные факты, события.

Комическое является эффективным способом отображения действительности в разных жанрах фольклора. Вместе с тем, в комическом отражается менталитет народа, система его мировидения, как позитивное, так и негативное отношение к соответствующим явлениям жизни. «Национальный юмор выполняет ряд различных функций: во-первых, он является одной из условных меток, благодаря которым человек однозначно определяется как «свой» или чужой». Во-вторых, юмор закрепляет в культуре определенные черты психического склада, идентифицируя человека как часть нации и отделяя его от представителей других народов» [6, с. 131]. По мнению О.А. Леонтовича, выражения национального характера в нем, как правило, искренни и наиболее полно передают национально-специфические черты, например, особенности национального характера, подталкивающие к использованию комического или заставляющие коммуниканта воздержаться от его употребления [4, с. 139–140]. Все это находит свое продолжение в национальной литературе.

Список литературы

1. Бакиров М.Х. Татар фольклоры: Югары уку йортлары өчен дәреслек. Казан: Мәгариф, 2008. 359 б.
2. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М.: Худож. лит-ра, 1956. 542 с.

3. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре. Өч томда. Т. 1. Казан: Тат. кит. нәшр., 1959. 915 б.
4. Леонтович О.А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию: Учеб. пос. Волгоград: Перемена, 2003. 398 с.
5. Рәхим Г. Тарихи-документаль, әдәби һәм биографик жьентык. Казан: «Жыен» нәшрияты, 2008. 480 б.
6. Сычев А.А. Природа смеха, или Философия комического. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. 176 с.
7. Татарское народное творчество: В 15 т. Т. 1: Сказки о животных. Волшебные сказки. Казань: Магариф, 2008. 455 с.
8. Торсунов Е.Д. Происхождение древних типов носителей казахской устно-поэтической традиции: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1976. 51 с.
9. Хуснуллин К. Сүз башы. Мөнәжәтләр һәм бәетләр. Казан: «Раннур» нәшрияты, 2001. 724 б.
10. Яхин А.Г. Система татарского фольклора: Монография. Казань: Таткнигоиздат, 1984. 255 с.

**СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ (МЛЕКОПИТАЮЩИХ)
В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Миргалимова З.Ф.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье рассматриваются структурные особенности названий млекопитающих животных в татарском языке. Подробно представлен обзор синтетических и аналитических наименований животных.

Ключевые слова: названия млекопитающих; синтетические наименования; аналитические наименования.

**STRUCTURAL PECULIARITY OF ANIMALS'
(MAMMALS') NAMES IN THE TATAR LANGUAGE**

Mirgalimova Z.F.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article deals the structural peculiarities of mammals' names in the Tatar language. The detailed survey of the synthetic and analytic names of animals is presented.

Keywords: names of mammals; synthetic names; analytic names.

Зоологическая лексика, являющаяся одним из наиболее интересных пластов словарного состава языка, включает в себя такие лексико-семантические группы, как «млекопитающие», «птицы»,

«насекомые», «рыбы», «пресмыкающиеся», «земноводные» и др., которые отличаются древностью и богатством, многообразием и самобытностью входящих в их состав лексических единиц.

Изучение словообразовательной структуры слов современного татарского языка позволяет установить в нем синтетические, аналитические слова и аббревиатуры (сложносокращенные слова) [1, с. 34]. В зоонимической лексике татарского языка выделяются синтетические и аналитические наименования.

К синтетическим относятся корневые и суффиксальные слова. В татарском языке их еще называют простыми наименованиями.

Корневыми наименованиями являются слова, основа которых совпадает с корнем. С точки зрения современного языка их невозможно разложить на значимые морфемы, например, *аю* ‘медведь’, *ат* ‘лошадь’, *буре* ‘волк’, *төлке* ‘лиса’, *сарык* ‘овца’, *сыер* ‘корова’, *үгез* ‘бык’ *эт* ‘собака’. В татарском языке имеются зоонимы, когда-то образованные при помощи различных суффиксов, но в процессе развития языка у них произошло изменение структуры. В них корневые морфемы потеряли свою значимость, и наименования стали восприниматься как корневые. В качестве примеров можно привести слова: *болан* ‘олень’, *йомран* ‘суслик’, *эрлән* ‘хомяк’, *арыслан* ‘лев’. Указанные слова по происхождению являются производными, они в свое время были образованы при помощи словообразовательного элемента *ан*. Но в современном татарском языке не имеется значимых корне-морфем *бол*, *йомр*, *эрл*, *арыс(л)*. Поэтому вышеприведенные слова не являются с современной точки зрения производными и относятся к корневым основам [3, с. 222].

Заемствованные слова (и суффиксальные, и сложные слова) в татарском языке также рассматриваются как корневые (непроизводные) основы, поскольку они образованы по словообразовательным законам не татарского языка, а языка-источника. Например, в зоонимической лексике к простым словам относятся заимствования типа

лама, бегемот, зубр, буйвол, зебра, шимпанзе, антилопа, кашалот, пантера, леопард и др.

Таким образом, к корневым наименованиям относятся не только чисто корневые слова, но и заимствованные названия животных независимо от их производности, а также слова, утратившие свою первичную структуру и превратившиеся в непроизводные основы.

К синтетическим словам относятся и суффиксальные образования. Суффиксальные слова – это такие слова, основы которых получены от производящей базы путем аффиксации. В качестве примера можно привести такие названия млекопитающих: *терлек* (основа *тере* + суффикс *-лек*), *йоклач* (основа *йокы* + суффикс *-лач*), *очкалак* (*очартиен*) (основа *оч* + суффикс *-калак*), *аюлар* (название семейства) (основа *аю* + суффикс *-лар*).

Суффикс *-лар/-ләр* (*-нар/-нәр*) представляет собой грамматический формант множественного числа, тем не менее в современном татарском языке он иногда может выступать в качестве и словообразовательного средства [1, с. 90]. В нашем случае суффикс *лар/-ләр* (*-нар/-нәр*) участвует в образовании названий классов, семейств, родов и отрядов животных. К примеру, *имезүче* + *ләр* – *имезүчеләр* (название класса) ‘млекопитающие’, *аю* + *лар* – *аюлар* (название семейства) ‘медвежьи’, *күсе* + *ләр* – *күселәр* (название рода) ‘крысы’, *партояклы* + *лар* – *партояклылар* (название отряда) ‘парнокопытные’. Присоединяясь к прилагательным или названиям животных, эти суффиксы выполняют словообразовательную функцию.

Суффикс *-чык/-чек* по сути дела является высокопродуктивным стилистическим суффиксом. Но вместе с тем у данного суффикса имеется также словообразовательная функция. Суффикс *-чык/-чек* в обеих функциях (в стилистической и в словообразовательной) восходит к слову *чак* ‘маленький, малый’ [3, с. 253].

Суффикс *-чык/-чек* имеет место в названии *әрлән* + *чек* + *ләр* – *әрләнчекләр* ‘хомячки’. В данном наименовании суффикс *-чек* вы-

ступает не в стилистической, а скорее всего в словообразовательной функции, так как образует новое наименование.

Так как большинство названий животных в татарском языке относится к древнему пласту, с современной точки зрения суффиксальный способ в образовании названий животных не является продуктивным способом.

Слова, представленные сочетанием не менее двух несуффиксальных полнозначных морфем или одной полнозначной, другой неполнозначной основы, называются аналитическими. Аналитические слова иначе называются сложными словами. В современном татарском языке имеются следующие виды аналитических (сложных) слов: парные, собственно-сложные и составные слова [1, с. 35]. В зоонимической лексике обнаруживаются все виды аналитических слов.

Парные названия названия среди зоонимов встречаются редко. Например: *мал-туар* ‘скот, скотина’, *зубр-бизон* ‘зубробизон’, *кәжә-болан* ‘косуля’ *болан-үгезләр* ‘оленебыки’. Компоненты этих слов равноправны между собой, связаны сочинительной связью. Надо отметить, что в словарях встречаются разные написания следующих наименований: *зубр-бизон* – *зубробизон*, *кәжә-болан* – *кәжәболан*.

Парные названия более богато представлены в говорах татарского языка. В значении ‘домашний скот, скотина’ употребляются следующие парные наименования: *туар-мал* (глз.), *терлек-туар*, *туар-кара* (заказ.), *тывар-кара* (тмн., лмб.), *терлек-карман* (карс.), *терлек-торош* (заказ.-лш., заказ.-крш.), *терлек-халман* (нагорн.-нрл.) [2, с. 10–11].

В группу собственно-сложных зоонимов входят наименования типа *актеш* ‘белозубка’, *көрәнтеш* ‘бурозубка’, *үрдәкборын* ‘утконос’, *мөгезборын* ‘носорог’, *очартиен* ‘белка-летяга’, *сарыкугез* ‘овцебык’. Данные наименования образовались из сочетаний слов путем потери синтаксических отношений на базе атрибутивной связи. Первыми компонентами собственно-сложных наименований

выступают прилагательные (*актеш, көрәнтеш*), существительные (*үрдәкборын, мөгезборын, сарыкүгез*), глаголы (*очартиен*), а вторыми компонентами – существительные.

Собственно-сложные зоонимы, возникшие на основе объектных отношений встречаются редко. Например: *кырымскаашар* ‘муравьед’, *балашар* ‘медоед’. В данных наименованиях первыми компонентами выступают имена существительные, указывающие на объект питания млекопитающих, в качестве вторых – глаголы.

Основную часть зоонимической лексики татарского языка составляют составные наименования. Составные названия млекопитающих состоят из двух-, трех-, четырех- и из пяти компонентов.

Двухкомпонентные составные зоонимы: *чүл бүресе* ‘гиена’, *гади тюлень* ‘тюлень обыкновенный’, *сумкалы тиен* ‘сумчатая белка’ и др.

Трехкомпонентные составные зоонимы: *зур колаклы ярканат* ‘ушан’, *ак янлы дельфин* ‘белобочка’, *кыска башлы дельфин* ‘короткоголовый дельфин’, *эт башлы маймыл* ‘павиан’ и др.

Четырехкомпонентные составные зоонимы: *кызыл койрыклы ком эрләне* ‘песчанка краснохвостая’, *кыска койрыклы кара ярыммаймыллар* ‘нандри короткохвостые черные’ и др.

Пятикомпонентные составные зоонимы: *озын койрыклы дүрт бармаклы кәлтә* ‘ящер длиннохвостый, четырехпалый’.

В татарском языке сложные зоонимы с подчинительным отношением компонентов, в основном, оформлены на основе *атрибутивных отношений*. В них первый компонент выступает в роли атрибута (определения) второго компонента. Наиболее продуктивными типами образования сложных наименований с атрибутивным отношением компонентов являются следующие:

Тип «существительное + существительное». В словах, образованных по этому типу, первый компонент конкретизирует второй. Такими являются наименования *үрдәкборын* ‘утконос’, *мөгезборын* ‘носорог’, *үрдәкборын* ‘утконос’, *ярканат* ‘летучая мышь’, *тычкан-*

койрыклар ‘мышехвосты’, *шешэборыннар* (китсыманнар) ‘бутылконосы (китообразные)’.

Тип «существительное + существительное в притяжательной форме». Большое количество зоонимов образовано по типу конструкция тюркского изафета второго типа. Средством связи между компонентами являются суффикс принадлежности *-ы* и порядок слов. Например, *Азия борындыгы* ‘бурундук азиатский’, *Америка сусары* ‘куница американская’, *диңгез филе* ‘слон морской’. Указанные наименования образованы путем словосложения, где между компонентами сложных наименований имеется атрибутивная связь, т.е. первое слово выступает определителем второго слова комбинации, которое уточняется, конкретизируется с какой-либо стороны.

Тип «прилагательное + существительное». В названиях, образованных по данному типу, определительная часть выражена прилагательными. Например, *ак аю* ‘медведь белый’, *кара аю* ‘медведь черный’, *көрән аю* ‘медведь бурый’, *жирән селәүсен* ‘рысь рыжая’, *кызыл буре* ‘волк красный’, *яшел тиен* ‘белка зеленая’, *карасу тычкан (басу тычканы)* ‘полевка темная’.

Кроме того, первыми компонентами сложных слов с атрибутивным отношением компонентов типа “прилагательное + существительное” выступают не только корневые, но и суффиксальные прилагательные [3, с. 321]. Примеры: *йонлач маймыллар* ‘обезьяны шерстистые’, *йокычан дегу* ‘дегу соневидный’, *капчыклы күсе* ‘крыса мешотчатая’, *кашкалы дельфин* ‘лысун’, *кузлекле аю* ‘медведь очковый’, *сумкалы тиен* ‘сумчатая белка’, *балыкчы сусар* ‘куница-рыболов, илька, пекан’, *кузсез тычканнар (семьялык)* ‘слепышовые’, *коенучан янут* ‘енот-полоскун’, *очкалак төлке* ‘лисица летучая’, *үрмәләч куяннар* ‘зайцы лазающие’.

Итак, с точки зрения структуры в зоонимической лексике выделяются синтетические и аналитические наименования. К синтетическим относятся корневые и суффиксальные наименования. Аналити-

ческие зоонимы делятся на собственно-сложные, парные, составные наименования. Количество аналитических наименований сравнительно больше. Среди них значительное место занимают составные наименования.

Список литературы

1. Ганиев Ф.Ә. Хәзерге татар әдәби теле: Сүзьясалышы. Казан: Матбугат йорты, 2005. 271 б.
2. Садыкова З.Р. Зоонимическая лексика татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 1994. 130 с.
3. Татарская грамматика: В 3 т. Казань: Тат. кн. изд-во, 1995. Т. 1. 584 с.

**РАЗВИТИЕ ИСКОННОЙ ЛЕКСИКИ
СОВРЕМЕННОГО ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.**

Мухиярова Р.Х.

Набережночелнинский институт социально-педагогических
технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье анализируются основные тенденции развития лексики современного татарского литературного языка за счет внутренних ресурсов. Наиболее продуктивными являются образование новых и расширение значений уже имеющихся слов для обозначения новых реалий или замены русских и западноевропейских заимствований. Наблюдаются также активизация ряда перешедших в советское время в пассивный словарь лексем тюркского или арабско-персидского происхождения и переход в общеупотребительную лексику некоторых диалектизмов. Отмечается, что эти процессы преимущественно характерны для книжного стиля.

***Ключевые слова:** активный словарь; заимствование; калька; лексика; литературный язык.*

**DEVELOPMENT OF ORIGINAL LEXICON
OF THE MODERN TATAR LITERARY LANGUAGE
AT THE END OF XX – THE BEGINNING
OF THE XXI CENTURIES**

Mukhiyarova R.Kh.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies
and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

In the article the main tendencies of development of lexicon of the modern Tatar literary language at the expense of internal resources are analyzed. The most productive are education of new and extension of values of already available words for designation of new realities or changeover the Russian and West European loans. Also activation of a row transferred in Soviet period in the passive dictionary of lexemes of a Turkic or Arab-Persian origin and transition to common lexicon of some dialecticisms are watched. It is marked that these processes are preferentially characteristic for book style.

Keywords: *the active vocabulary; loan; tracing-paper; lexicon; literary language.*

Начавшиеся с середины 90-х годов XX века процессы перестройки, демократизация общества и бурный рост национального самосознания положили начало новому этапу в развитии лексики татарского литературного языка. Это в первую очередь проявляется в резком оживлении процесса обогащения лексики за счет внутренних ресурсов.

Наблюдения за языком татарской периодической печати последних десятилетий позволяют выявить пять основных направлений развития лексики татарского литературного языка за счет внутренних ресурсов:

- 1) изменение значения исконных тюрко-татарских слов;
- 2) образование новых слов;
- 3) активизация отдельных устаревших слов;
- 4) переход диалектизмов в общепотребительную лексику;
- 5) образование новых калек и полукалек.

1. Изменение, расширение, обогащение значений уже существующих слов особенно характерно для современного этапа развития литературного языка. Например, слово **эшкуар** «делец», который в толковом словаре татарского языка 1981 года еще толкуется с явным

отрицательным оттенком как «человек, который ловко ведет дела (особенно коммерческие), не стесняясь в средствах» [19, с. 597], ныне очень широко употребляется без эмоционально-экспрессивной окраски или даже с одобрительным оттенком для обозначения людей, занимающихся предпринимательством: *Әмма бу хакта бер генә эшкур да белгертергә теләми* [11].

В этом же значении стало употребляться и слово **эшмәкәр**, которое в словарях 80-х годов XX века зафиксировано в значении «деловой» с пометкой «диалектное»: *Эшмәкәрларне министрлык кайгыртак* [4].

Такому же расширению, появлению новых значений подверглись слова **жирлек** «почва, основание; поселение», **килешү** «ладить; соглашение, контракт», **култамга** «подпись; автограф», **берлек** «единица, единство; союз», **тугра** «ханская печать; герб» и другие: *2002 елда ул балалар әдәбияты өлкәсендәге казанышлары өчен Татарстан язучылар берлегенең А. Алиш исемендәге бүләгенә лаек булды* [8]. *Татарстан Республикасы Менделеев муниципаль районы Псәй авыл жирлегә Советы... жир биләмәләрен торак төзү өчен бүлеп бирде* [3]. *Инде Италия белән килешү төзелә* [24]. *Алабуганың Әби патша тарафыннан XVIII гасырда ук расланган туграсы бар иде инде* (М.ж.).

Расширение значений слов, как видно из вышеприведенных примеров, часто сопровождается их переходом из стилистически ограниченной лексики в межстилевую, из лексики ограниченного употребления в общеупотребительную.

2. Активизировался и процесс словопроизводства на базе собственных слов для обозначения новых явлений в общественной жизни или замены соответствующих русских или западноевропейских заимствований. Выделяются слова:

1) образованные способом аффиксации: **ашчы** «повар», **кертем** «вклад», **нәкышчы**, «гравер», **нигезләмә** «обоснование, положение»

ние», **салымчы** «налоговик», **санак** «калькулятор, компьютер», **тернәкләндерү** «реабилитация» и др.: *Бу күргәзмәдә без Алсу Тимергаллинаны **нәкышчы** рәссам буларак таныдык* [16, 34 б.]. *Балалар су коенган арада **санақларда** эшләп, төрле уеннар, ярышларда катнашып, ... чын-чынлап, «Сәләт» легә әвереләчәк* [21]. *«Изгелек» инвалидларны **тернәкләндерү** үзәгенә, Боз сараена, «Бердәм Россия» физкультура-сәләмәтләндерү комплексына Россиядә тиңнәр юк* [22];

2) образованные способом сложения: **жанатар** «болельщик», **жанисәп** «перепись», **илбаш** «президент», **кулчатыр** «зонтик» и др.: *Илбашның һәйкәлне күрергә киләсен аларга төнгә 11 дә генә телефон аша хәбәр итәләр* [10]. *Инде 1700 ел буе **кулчатырлар** безне яңгырдан саклый (М.ж.). Октябрь аеннан илдә **жанисәп** башланачак* [25];

3) парные слова: **баш-сын** «бюст», **белгеч-кадр** «специалист», **бизәк-нәкыш** «узор», **өндәмә-шигарь** «лозунг, призыв» и др.: *Бер баштан бүлтәеп чыккан ике авыздан гыйбарәт **баш-сын** (бюст) бүгенгә көндә чишелә алмый торган фаҗигале дуализмга ишарәли* [17, 34 б.]. *Бу институтның татар теле һәм әдәбияты кафедрасы тулы штатка эшләүче **белгеч-кадрлар** кытлыгы кичерә* [2]. *Ике **шигарь** – өндәмәне* файдалану да зарурдыр [1].

3. В связи с возрождением национальных обычаев, а также в целях стилизации многие полузабытые устаревшие тюрко-татарские слова (включая давно усвоенные слова арабо-персидского происхождения) постепенно возвращаются в активный словарь: **алгарыш** «прогресс», **әбүнәче** «абонент», **басмаханә** «типография», **иганәче** «спосор, меценант», **качак** «беженец», **корылтай** «съезд», **салым** «налог» и др.: *Безнең эшнәң нигезендә **әбүнәчеләр** санын арттыру тора* [9]. *Шуңа күрә... малтабарларны, кооператорларны, конкурсның **иганәчеләре** булырга чакырабыз* [16, 6 б.]. *Татарстан Язучылар берлеге идарәсенәң XV **корылтайдан** соңгы беренче утырышы булды* [7, 190 б.].

4. Активно входят в литературный язык в последние годы и некоторые диалектизмы: **жэйгор** «радуга», **жэтрэк** «быстрее», **ихата** «двор», **матавык** «хлопоты», **пима** «валенки» и др.: *Жэйгор канат жэйгэн жэйнең иртәсендә..* . [5, 105 б.]. *Даресларне әзерлибез дә жэтрэк урамга ашыгабыз* [15]. *Әртилдә акчага эшли, итеклар тегә, нималар төпли* [16, 66 б.]. Это свидетельствует о том, что демократизация общественной жизни напрямую содействует и демократизации литературного языка, ее обогащению за счет разговорной и диалектной лексики, хотя, разумеется, не все диалектизмы закрепляются в литературном языке.

5. Тенденция замены иноязычных слов «своими», а также необходимость обозначения новых предметов и явлений, появившихся в связи с большими изменениями в экономической и социальной жизни, привели к появлению большого количества разных типов калек и полукалек: **базар икътисады** «рыночная экономика», **бөке** «пробки на дорогах», **кайгыртучылар** – попечители, **мәгълүматлаштыру** «информатизация», **пәрәвез** «паутина, интернет», **тәнсакчы** «телохранитель», **видеозлемтә** «видеосвязь», **кече бизнес** «малый бизнес», **компьютерлаштыру** «компьютеризация», **салым полициясе** «налоговая полиция» и др.: *Юлдагы бөкеләр аркасында бик куп кеше соңга кала* [23]. *Соңгы елларда барган глобальләштерү, мәгълүматлаштыру процеслары укытучыны заман белән бергә атларга этәрә* [13]. *Технология компьютерлаштырылган* [20, 22 б.]. *Каддафи тәнсакчысы һичшиксез гыйффәтле булырга тиеш* [11]. *Көтү залында видеозлемтә өчен махсус булмә жиһазландырылган* [14].

Следует отметить, что такая тенденция развития лексики за счет собственных ресурсов характерна для литературного языка, то есть языка средств массовой информации и художественной литературы. А в разговорном стиле при обозначении новых реалий преобладают русско-европейские заимствования. К тому же, касающиеся всех языков мира процессы глобализации и интернационализации всех сторон

жизни обуславливают существенное увеличение фонда интерлексем, то есть общих для многих языков слов обычно английского происхождения и в лексике современного татарского литературного языка.

Список литературы

1. Ватаным Татарстан. 1996. 17 мая.
2. Ватаным Татарстан. 1997. 21 февраля.
3. Ватаным Татарстан. 2010. 2 июня.
4. Ватаным Татарстан. 2012. 12 октября.
5. Казан утлары. 1987. № 10. 105б.
6. Казан утлары. 1995. № 7. 66 б.
7. Казан утлары. 2005. № 8. 190 б.
8. Казан утлары. 2005. № 11.
9. Кызыл таң. 1995. 24 марта.
10. Мэдэни жомга. 1997. 22 августа.
11. Мэдэни жомга. 2009. 11 сентября.
12. Мэдэни жомга. 2009. 26 июня.
13. Мэгрифэт. 2009. 2 октября.
14. Мэгрифэт. 2009. 11 декабря.
15. Сабантуй. 1995. 8 марта.
16. Сөембикә. 1992. № 3. 6 б.
17. Сөембикә. 1995. № 6. 34 б.
18. Сөембикә. 1996. № 2. 34 б.
19. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. Т. 3. Казан: Тат. кит. нәшр., 1981.
20. Татарстан. 2005. № 4. 22 б.
21. Татарстан яшьләре. 1997. 6 февраля.
22. Шәһри Чаллы. 2007. 15 августа.
23. Шәһри Чаллы. 2009. 19 февраля.
24. Шәһри Чаллы. 2012. 12 октября.
25. Якты юл. 2010. 9 апреля.

**СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ
МЕТАФОРИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ РЕЧЕВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Полькина Г.М., Цыганова Е.Б.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

Статья посвящена сопоставительному изучению метафорических глаголов речевой деятельности в английском и русском языках. Рассматриваются семантико-деривационные модели, по которым развиваются метафорические значения речевой деятельности у исследуемой группы глаголов. Приводятся примеры из лексикографических источников и современной художественной литературы.

***Ключевые слова:** семантико-деривационная модель; метафорическое значение; глагол; речевая деятельность; полисемант.*

**SEMANTIC DERIVATION MODELS
OF METAPHORICAL VERBS DENOTING SPEECH
IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES**

Polkina G.M., Tsyganova E.B.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article is dedicated to metaphorical verbs, denoting speech in the English and Russian languages. Semantic derivation models are considered as the basis of new metaphorical meanings of the verbs. Examples from lexicographical sources and modern fiction are given.

Keywords: *semantic derivation model; metaphorical meaning; verb; speech; polysemantic word.*

Глагольная номинация не представляет собой однородного явления, именуя все многообразие окружающего мира, взятого в его процессуальном аспекте, как при помощи глаголов в их первичных значениях, так и в их вторичных значениях. Многокомпонентность семантики глагола делает его зависимым от контекста, который способен актуализировать ту или иную сему и «перевести» слово из одного семантического разряда в другой. Глагольная метафорическая номинация «Речевая деятельность» в английском и русском языках представлена глаголами, которые во вторичном метафорическом значении обозначают речевую деятельность.

Проведенный внутриязыковой, а затем на этой основе межъязыковой анализ общего и специфичного в метафорических переносах у глаголов со значением «речевая деятельность» подтверждает общую идею о диалектическом единстве универсального и уникального в структуре метафоры.

С одной стороны, любой метафорический перенос связан с мыслительными операциями, что и предопределяет существование в языках различного строя одних и тех же образов для вторичной вербализации определенной информации. С другой стороны, метафоры представляют собой глубоко национальные по своему значению структуры, так как их основу составляет система духовных, морально-этических ценностей, вырабатываемых коллективным сознанием в процессе общественного развития.

В когнитивной лингвистике огромный резонанс получила проблема метафорических моделей как способов концептуализации разного рода нематериальных объектов (идей, эмоций), типов культурного поведения и взаимодействия.

Нельзя не согласиться с точкой зрения исследователя Г.И. Кустовой, утверждающей, что исходное значение слов представляет собой способ концептуализации некоторой ситуации внеязыковой действительности, которое выражается в том, что исходное значение слова содержит в себе ментальную схему, являющуюся «точкой отсчета» для целого комплекса внеязыковых ситуаций. Данная ментальная схема представляет собой образ определенной прототипической ситуации, которая является источником той когнитивной схемы, которая по мере удаления от физической субстанции постепенно «проступает» во все более общем и абстрактном виде в производных значениях. Прототипическая ситуация является и источником многочисленных импликаций, которые в исходном значении не отмечаются, но на которых основываются многие неметафорические и особенно метафорические значения [1, с. 108]. Именно оттого, что человек в состоянии «увидеть» в прототипической ситуации, в состоянии из нее извлечь, зависит, на какие другие ситуации данное слово можно распространить, то есть, в конечном счете, какие у него будут производные значения [2, с. 57].

Исследуемые метафорические глаголы имеют общность деривационной базы, то есть, вторичное метафорическое значение глаголов, обозначающих речевую деятельность, развивается на базе определенных образов. В ходе исследования выявлены объединения полисемантов, в составе которых имеются вторичные метафорические значения «обозначение речевой деятельности» на основе семантического единства следующих первичных значений:

- 1) обозначение процессов звукопроизводства. Например, глаголы:
bark – 1. ‘to utter an abrupt explosive cry or a series of such series, as a dog’; 2. ‘to speak or cry out sharply or gruffly’ (WEUDEL: 126); *лаять* – 1. ‘издавать лай (о собаке, лисице и некоторых других животных)’; 2. ‘бранить, ругать’ (БТСРЯ: 558);
thunder – 1. ‘to make a very loud and continuous noise’; 2. ‘to speak loudly’ (WEUDEL: 1115); *греметь* – 1. ‘издавать громкие, резкие,

раскатистые звуки; грохотать' 2. 'говорить громким, возбужденным голосом, с жаром и гневом' (БТСРЯ: 234);

2) обозначение процесса изменения свойств объекта. Например, глаголы:

mince – 1. 'to cut or chop into very small pieces'; 2. 'to perform or utter with effected elegance' (WEUDEL: 516); *резать* – 1. 'действуя чем-л. острым, разделять на части'; 2. 'говорить прямо, без обиняков, не стесняясь' (БТСРЯ: 756);

embroider – 1. 'to decorate with ornamental needlework'; 2. 'to adorn or embellish rhetorically, esp. with fictitious additions' (WEUDEL: 466); *чеканить* – 1. 'изготавливать, выдавливая на поверхности изображения'; 3. 'произносить четко и раздельно' (БТСРЯ: 1470).

3) обозначение перемещения/передвижения объектов. Например, глаголы:

fire – 1. 'if someone fires a gun or fires a bullet, they cause a bullet to be sent from the gun that they are using'; 3. 'if you fire questions or suggestions at someone, you say a lot of them quickly, one after another' (CEED: 354); *налить* – 1. 'стрелять из пушек, ружей и т.п.'; 2. 'очень быстро говорить' (БТСРЯ: 796);

erupt – 1. 'to burst forth, as volcanic matter'; 2. 'to break out of a pent-up state, usually in a sudden and violent manner' (WEUDEL: 485); *извергать* – 1. 'выбросить из себя, удалить'; 2. 'произносить бранные, угрожающие слова, проклятия, выражая негативные чувства' (БТСРЯ: 378).

4) обозначение процессов присоединения объектов друг к другу. Например, глаголы:

insert – 1. 'if you insert an object into something, you put the object inside it'; 3. 'if you insert a comment in a piece of writing or a speech, you include it' (CEED: 544); *вставить* – 1. 'поместить, вделать в середину, внутрь чего-л.'; 2. 'включить куда-л. (сказать что-л.)' (БТСРЯ: 169).

5) обозначение процессов физиологического характера, обеспечивающих жизнедеятельность. Например, глаголы:

devour – 1. ‘when an animal devours another it eats it’; 3. ‘to read quickly and eagerly’ (WEUDEL: 573); *пожирать* – 1. ‘есть, поедать с жадностью (о животных, о человеке)’; 2. ‘быстро, с жадностью и интересом прочитывать (книги, газеты, журналы)’ (БТСРЯ: 843);

swallow – 1. ‘to take into the stomach by drawing through the throat or esophagus with voluntary muscular action as food, drink, or other substances’; 2. ‘to enunciate poorly; mutter’ (WEUDEL: 1434); *глотать* – 1. ‘движением мускулатуры глотки проталкивать из полости рта в пищевод и желудок; делать такие движения’; 2. ‘очень быстро, неразборчиво произносить’ (БТСРЯ: 209).

б) обозначение процессов взаимодействия живых существ. Это следующие глаголы:

sting – 1. ‘if an insect, animal or plant stings you, it causes you to feel a sharp pain by pricking your skin, usually with poison’; 2. ‘if someone’s remarks sting you, they make you feel hurt and annoyed’ (CEED: 861); *жалить* – 1. ‘ранить, впиваясь жалом (о насекомых, имеющих жало)’; 2. ‘ранить словами, насмешками, уязвить чье-л. самолюбие’ (БТСРЯ: 371);

kick – 1. ‘to strike with the foot’; 2. ‘to resist, object, or complain’ (WEUDEL: 434); *лягаться* – 1. ‘иметь свойство, обыкновение лягать (о копытных животных); бить, ударять ногой (ногами)’; 2. ‘в ответ на нападки говорить, писать о ком-л. что-л. неприятное, недоброе’ (БТСРЯ: 578).

Для глаголов, имеющих вторичное метафорическое значение «речевая деятельность», характерно сохранение образности. Наличие образного компонента в семантике изучаемой группы глаголов делает их значения сложными, многокомпонентными, вследствие этого глаголы успешно функционируют в речи, как в английском, так и в русском языках. Следующие примеры из современных художественных произведений иллюстрируют вышеприведенное утверждение:

I lease the satellite unseen miles above by which I once *barked* commands to my empire flung far around the world (John Grisham, «The Testament»).

“We should,” the man *fired* back (Dan Brown, «Angels and Demons»).

«Miss Brodie’s old love story was newly *embroidered* with curious threads» (M. Spark. «Jean Brodie»).

«Ну-ну, – опять *заквакал* Федор» (Д. Донцова, «Скелет из про-бирки»).

«Насколько мне известно, Елена Константиновна, – *журчит* Юрий Михайлович, – вы и раньше не ладили с Рябининым» (Л. Филатов, «Сукины дети»).

«Два взрослых дяденьки танцуют в луже, держат друг друга за грудки, *изрыгают* проклятия – как в кино» (Т. Устинова, «Подруга особого назначения»).

Таким образом, если исходить из того, что образная номинация свидетельствует о мировидении народа, то общность основных деривационных баз для вторичной номинации речевой деятельности в английском и русском языках говорит о том, что речь образно воспринимается не как процесс, а как объект. Это в свою очередь объясняется тем, что в речи при ее психологическом восприятии важен не процесс, а результат – высказывание с определенным содержанием, которое при образном его восприятии «видится» как некая предметно объективированная вещь, с которой можно по желанию субъекта производить всякого рода операции.

Список литературы

1. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.
2. Кустова Г.И. О семантическом потенциале слов энергетической и эксперенциальной сферы // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 53–79.

3. WEUDEL – Webster’s Encyclopedic Universal Dictionary of the English Language. Springfield; Massachusetts, USA, 1994. 2881 p.
4. CEED – Collins Essential English Dictionary Harper Collins Publishers, London, 1994. 948 p.
5. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НАРЕЧИЯ С РАЗЛИЧНЫМИ КЛАССАМИ СЛОВ

Якупова В.И.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

В статье рассматриваются смысловые отношения наречия со словами других классов в английском и татарском языках, которые имеют как общий универсальный, так и дифференциальный характер. Сочетательные связи наречия отражают при этом реальные отношения между предметами и явлениями действительности.

Ключевые слова: наречие; части речи; смысловые отношения; основные критерии; типологические особенности.

THE PECULIARITIES OF SENSE RELATIONS OF AN ADVERB WITH DIFFERENT CLASSES OF WORDS

Yakupova V.I.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

The article deals with the sense relations of an adverb with different classes of words in the English and Tatar languages, which have both general universal and differential character. Such connections of an adverb reflect practical relations between objects and phenomena of reality.

Keywords: adverb; parts of speech; sense relations; basic criteria; typological peculiarities.

Проблема частей речи, принципы и закономерности классификации слов по языковым сущностям продолжают оставаться предметом исследований, как в отечественной, так и зарубежной лингвистике. Заметное место в многочисленных трудах отводится освещению широкого спектра вопросов, связанных с проблемами классификации словарного состава языков мира, их взаимодействию и взаимосвязи (В.В. Виноградов, И.И. Мещанинов, А.И. Смирницкий, Л.В. Щерба, а также Э. Бенвенист, Ж. Вандриес О. Есперсен, Г. Пауль). Разумеется, что многие работы, поднимающие вопросы детальной характеристики основных признаков классов слов и их совпадений в языках, анализ взаимозаменяемости конstituентов в определенных условиях функционирования исключительно интересны сами по себе.

В данной статье мы рассматриваем критерий сочетаемости как один из основных, имеющий наиболее общий характер, и приложимый к двум разносистемным языкам – английскому и татарскому. Критерий сочетаемости языковых сущностей, наряду с семантическим, морфологическим, словообразовательным критериями, уместно использовать для установления типологических признаков двух языков на уровне частей речи [3, с. 84]. С другой стороны, разноплановость связей наречия со словами различных классов позволит более объективно судить как о принципах классификации слов по частям речи вообще, так и их «притяжении» и «отталкивании» в частности. В обоих языках специфика наречия как раз и проявляется в его способности вступать в разнообразные «сочетательные» отношения с другими классами слов не только по отдельным признакам, ориентированным на какие-либо одни каналы связи, но и по совокупности признаков, ориентированных на несколько каналов одновременно [3, с. 111].

В английском языке наречие сочетается с именем прилагательным, глаголом, другим наречием, адъектированным причастием, с причастием, сохранившим глагольность. Рассмотрим в качестве

примера наречия степени *very* и *much*. Наречие *very*, сочетаясь с прилагательными и другими наречиями, не имеет никаких отношений с существительными (нельзя говорить *very house*, *very woman*): He held up a *very large thick hairy finger and thumb that match edit*. The hotel was *very big and grand and empty* but the food was *very good*, the wine was *very pleasant* and finally the wine made us all feel *very well* (J. Priestley «Angel Pavement»). *Very* употребляется также со словами, обозначающими состояние или качество, оно характерно перед адъективированными причастиями прошедшего времени (a *very frightened* animal; a *very complicated* problem; *very shocked*; *very amused*): And, about midnight, the picture would be up – *very crooked and insecure*, the wall for yards round looking as if it had been smoothed down with a rake ... (K. Jerome «Three Men in a Boat»). The Italians were sure America would declare war on Austria too and they were *very excited* about any Americans coming down, even the Red Cross (E. Hemingway «A Farewell to Arms»). Далее, если *very* нередко употребляется с адъективированными причастиями I (*very interesting*; *very exciting*), то с неадъективированными причастиями I оно не сочетается вовсе.

Наречие *much* употребляется со словами, обозначающими действие, оно характерно перед причастиями, сохранившими глагольность (*much weakened*; *much improved*). В английском языке характерно сочетание *much* с глаголом *like* в отрицательных предложениях, а в утвердительных – оно сохраняется после наречий *very*, *too*, *so*: Oh, you've given me *too much*, Dad. But he had not grumbled *so much* lately. I must say I didn't like the look of him *very much* (J. Priestley «Angel Pavement»).

В татарском языке наречие, сочетаясь с глаголом, подчиняется ему при помощи обязательного соседства, и находится с ним в определенных лексико-грамматических отношениях [1, с. 95]: Гази белән Дисә арасында *бик озак бергә* яшәгән, аралашкан кешеләрдә генә була торган, бер-береңне ярты сүздән үк аңлый торган якынлык

хасил булды. *Бик якшы* хәтерли Гайния түти ул көннәрне (М. Хәсәнов «Язгыжаган»). Наречия, выражающие способ совершения процесса, могут подчиняться глаголу и аффиксально. Иначе говоря, производные наречия, образованные с помощью присоединения словообразовательных аффиксов к производящим основам прилагательных и наречий, определяют глаголы: Больницада гына түгел, эштән соңгы буш вакытларын да *бергәләп* уздырырга тырыштылар. И-и Бәһрам жизни, *юкка* гажәпләнәсең (М. Хәсәнов «Язгыжаган»). Хыялландым ядрә давылында – *батырларча* сугышып үлэргә ... (М. Жәлил «Авыру сымалар»). Наречия меры и степени, времени, места, причины и следствия, повторения также сочетаются с глаголом и подчиняются ему с помощью лексического значения (*озакбару* ‘долго идти’; *күпуку* ‘много читать’; *азсатыпалды* ‘мало купил’; *соң китү* ‘поздно уйти’; *бүген* килү ‘сегодня прийти’; *иртән* эшләү ‘с утра работать’; *югары* очу ‘высоко лететь’; *түбән* төшү ‘вниз падать’). Мы наблюдаем и тесную связь наречия с прилагательными и другими наречиями (*шактый* кие ‘довольно густой’; *бөтенләй* йомшак ‘совсем мягкий’; *бөтенләй бушлай* ‘совершенно бесплатно, даром’; *төгәлурталай* ‘точно пополам’; *кичә төнлә* ‘вчера вечером’): Кабан күле күперенәбарып, *бикозак* басыптордым. *Кичәгенәк бикяхшы* идеэле. *Бүген кичкә таба* шулай булды, – дидеанасы (Г. Кутуй «Тапшырылмаган хатлар»). *Мамыктай* ак кар баскан зур бакча уртасында ашыгыч кулдан гына эшләнгән сәхнә каршысына, *ярым* түгәрәк булып, *бик күп* сугышчылар тезелгән (Г. Әпсәләмов «Газинур»).

Типологической особенностью наречия в татарском языке является его сочетание с существительным (в английском языке смысловых отношений наречия с этой частью речи нет), когда основным средством такой связи является лексическое значение [2] (*байтак* вакыт ‘много времени’; *жәен* яңгыр ‘летом дожди’; *кышын* карлар ‘зимой снега’; *кабат* яз ‘снова весна’).

В приведенных ниже примерах отчетливо прослеживается смысловая связь наречия с именем существительным, что характерно только для татарского языка [Наречие – Существительное: *шактый* вакыт, *кабат* яз, *алда* юллар]: Хәер, киткәнәнә дә *шактый* вакыт үткән шул инде (М. Хәсәнов «Язгыжаган»). Күл карап озатты торналар китүен, сагынып көтә ул *кабат* яз житүен (И. Ганиева «Кайтыгыз, торналар»). Күктә кояш, жирдә гөлләр, *алда* юллар, юлда мин (Г. Афзал «Дөнья матур, дөнья киң»).

Достаточно ясная картина сочетательных взаимоотношений, или связей наречия со словами других классов в английском и татарском языках и характеристика общих и частных смысловых отношений между ними, являющиеся не только грамматическими, но одновременно и лексическими, представлена в таблицах 1 и 2.

Условные сокращения: Н (Adv) – наречие; Г (V) – глагол; П (A) – прилагательное; С (N) – существительное.

Таблица 1

Сочетаемость наречия со словами других классов в английском языке

Семантика отношений между наречием и словами других классов		Модели сочетания наречия	Примеры
общая	Частная		
Мера и степень	<i>во временном значении</i>	Adv – V Adv – Adv	<i>come lately</i> <i>long enough</i>
	<i>со стороны объема</i>	Adv – A Adv – Adv	<i>rather thick</i> <i>too much</i>
	<i>повторение</i>	Adv – V	<i>read newly</i>
Время	<i>не периодическое</i>	Adv – Adv	<i>usually often</i>
Место	<i>место</i>	Adv – V	<i>stay backward</i>
Способ совершения действия	<i>образ действия</i>	Adv – V	<i>move sunwise</i>
Причина и следствие	<i>причина и следствие</i>	Adv – V	<i>behave accordingly</i> <i>decide therefore</i>

Таблица 2

Сочетаемость наречия со словами других классов в татарском языке

Семантика отношений между наречием и словами других классов		Модели сочетания наречия	Примеры
общая	Частная		
Мера и степень	<i>во временном значении</i>	Н – Г	<i>Озак көтү</i>
	<i>со стороны объема</i>	Н – П Н – С Н – Н	<i>Шактый куге</i> <i>Байтак вакыт</i> <i>Бөтенләй бушлай</i>
	<i>повторение</i>	Н – Г	<i>Яңаданугу</i>
Время	<i>не периодическое</i>	Н – П Н – Н	<i>Бүген күнелле</i> <i>Иртгә кичен</i>
Место	<i>место</i>	Н – Г	<i>Ерак яшәү</i>
Способ совершения действия	<i>образ действия</i>	Н – Г	<i>Бушлай бирү</i> <i>Азыклата түләү</i>
Сравнение и уподобление	<i>сравнение и уподобление</i>	Н – П Н – С Н – Г	<i>Яшьләргә саф</i> <i>Русчажыр</i> <i>Татарча язү</i>
Цель	<i>цель</i>	Н – Г	<i>Бушка йөрү</i>

В английском языке, как видим, общие смысловые отношения наречия с другими частями речи составляют пять разновидностей, в татарском языке их шесть. Частные связи представлены семью и восемью видами отношений, количество же моделей сочетания наречия составляет, соответственно, девять и тринадцать разновидностей, что объясняется его способностью вступать в особые отношения с именем существительным в татарском языке. Итак, между наречием и словами других классов в обоих языках устанавливаются самые различные лексико-грамматические связи, отражающие реальные отношения между предметами и явлениями действительности. Повторение же одних и тех же моделей говорит о том, что в установлении смысловых отношений между компонентами особую роль играют не только средства связи и принадлежность господствующего и зависимого компонентов определенной части речи, но и лексические значения последних.

Список литературы

1. Татарская грамматика. Т. 1. Словообразование. Казань, 1995. 521 с.
2. Татарская грамматика. Т. 2. Морфология. Казань, 1997. 398 с.
3. Якупова В.И. Сравнительно-типологическое исследование наречия и его суффиксальных производных в английском и татарском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 206 с.

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

ВАЖНЕЙШИЕ УСЛОВИЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОМПАНИИ

Алпатова Э.С.

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Набережные Челны, Россия

В статье раскрыты важнейшие условия достижения эффективности управления компанией. Показано, что их состав и содержание предопределяются целями деятельности фирмы. В статье утверждается, что наиболее желательной целью деятельности фирмы в современных условиях выступает не максимизация прибыли любой ценой, а ориентация на стабильный рост бизнеса, обеспечивающий безопасное социальное развитие всех групп, имеющих непосредственное отношение к компании.

Ключевые слова: *оппортунистическое поведение; авторитарное управление; интерспецифические ресурсы и активы; организационные способности фирмы.*

THE MOST IMPORTANT CONDITIONS OF ACHIEVEMENT OF THE COMPANY'S EFFICIENCY

Alpatova E.S.

Naberezhnye Chelny campus of Kazan Federal University,
Naberezhnye Chelny, Russia

The article reveals the most important conditions of achievement of the company management's efficiency. It is shown that their composition and content are prede-termined by purposes of the company's activity. The article argues that the most desirable purpose of firm activity in modern conditions is not the maximization of profit at any price, but orientation to the stable growth of business, provided secure social development of all groups having the direct attitude to the company.

Keywords: *opportunistic behavior; authoritarian management; inter-specific resources and assets; organizational ability of the company.*

В условиях рыночной экономики под эффективностью деятельности компаний, как правило, понимают определенный результат, выражаемый в индикаторах, главным из которых выступает прибыль. При этом ее наличие, не говоря уже о позитивной динамике, делает не столь важным значение условий, при которых данный результат достигнут – как говорится, «победителей не судят». Между тем в современных экономико-менеджеральных исследованиях актуализируется не только (и не столько!) возможность обеспечения компанией экономического роста, но и способность стимулировать прогрессивные качественные изменения. Эта способность напрямую зависит от условий, при которых достигается желаемый (прогнозируемый, планируемый) результат. По нашему убеждению, господствующий фактически тезис «прибыль любой ценой» в современной управленческой практике должен быть рассматриваем как устаревший и неадекватный задачам и вызовам сегодняшнего дня.

Одним из таких условий, и практически важнейшим, способным стимулировать долгосрочный эффект, является обеспечение оптимального сочетания авторитаризма и демократии в управлении компанией. Укрепление пресловутой властной вертикали, начавшееся в российском государстве с 2000-х гг., способствовало копированию данной управленческой парадигмы не только на всех уровнях вер-

тикали, но и в корпоративной культуре. Тезис о «сильном» лидере, который только и может обеспечить дальнейшее развитие общества, усиленно и не без успеха внедряется в общественное сознание, тем паче, что Россия традиционно представляет собой страну, в которой власть государства или суверена (князя, царя, императора, генсека, президента) над подданными практически полная. Отсутствие механизма демократического противовеса авторитарному режиму на всех уровнях иерархии провоцирует в корпорациях усугубление проблемы принципала-агента, оппортунистического поведения сотрудников, искажения внутрифирменной информации. Оппортунистическое поведение агентов, выражающееся в намеренном предоставлении ложных сведений, неизбежно сказывается на выработке тактических и стратегических принципов функционирования фирмы.

Специфика управления фирмой зависит от природы данной фирмы. По мнению В. Гончарова, существующие концепции фирмы по этому критерию тяготеют к одному из двух направлений: 1) технологическая концепция, лежащая в основе классической и неоклассической экономической теории; 2) институциональная теория фирмы [1, с. 55].

Особенность технологической концепции заключается в том, что фирма выступает как аналог некоего физического лица, которое одновременно является ее владельцем и управляющим, а также ее единственным работником. В условиях чрезвычайной распространенности авторитарного стиля управления и авторитарного мышления в современных российских компаниях их руководители вполне могут быть рассматриваемы в качестве таких «единственных» физических лиц, которые способны оказывать определяющее влияние на деятельность компании (по определению Р.Э. Фримана, – стейкхолдеры [5]). С позиций технологической теории анализ внутрифирменного поведения и его прогноз не имеют первостепенного значения. В. Гончаров справедливо замечает, что в данной ситуации «специ-

фика управления фирмой сводится к авторитарному распределению ресурсов» [1, с. 56].

Между тем существует целый ряд заинтересованных сторон внутри организации (владельцы, наемные менеджеры, работники и пр.), а также во внешней среде (инвесторы, потребители, поставщики, сообщества, регулятивные органы и пр.), без учета интересов которых невозможен длительный успех организации. Каждая из заинтересованных сторон, обладающая определенным ресурсом, имеет свои претензии (ожидания) на участие в результатах деятельности компании, и эти интересы далеко не всегда совпадают. Более того, экономические интересы фирм, в своей основе, противоположны интересам работников. Так, наемных менеджеров волнуют вопросы, связанные, в первую очередь, с оплатой их труда, их социальным статусом, уровнем ответственности. В процессе работы в компании возникают противоречия среди руководителей различных служб, вызванные их борьбой за ресурсы, полномочия, статус и пр. Собственники зачастую не в состоянии осознать глубину противоречий, существующих между ними и наемными менеджерами; несомненно, есть противоречия между собственниками и кредиторами [4, с. 30].

Свойственное институциональной концепции противопоставление фирмы и рынка, которое отсутствовало в классической и неоклассической экономической теории, на практике привело к формированию двух управленческих подходов. Один из них находит конкретное теоретическое обоснование в концепции конкурентных сил М. Портера и состоит в захвате и удержании стоимостей за счет упрочения власти фирмы над своими поставщиками, клиентами и т.д. Суть второго подхода состоит в формировании стратегии деятельности фирмы, в основе которой лежит идея созидания стоимости за счет непрерывных инноваций.

По нашему мнению, компания только тогда будет эффективной, когда руководитель сможет стимулировать работников таким обра-

зом, что они будут совместно использовать ресурсы (прежде всего, знания) для достижения общих целей (целей руководителя компании), и при этом каждый работник будет уверен, что он персонально выиграет при условии получения коллективной выгоды. Такая «асоциативная атмосфера» (О. Уильямсон) способствует возникновению доверительных отношений между агентами и отказу от оппортунизма как стратегии максимизации полезности – «повышение производительности происходит благодаря чувству ответственности за внесение справедливого вклада в общее дело» [6].

Система управления фирмой определяется фундаментальными основополагающими целями организации, которые тяготеют к одному из двух подходов. Один из них нацелен на максимизацию благосостояния акционеров (собственников). Другой подход нам представляется более справедливым, поскольку учитывает не только эгоистические интересы владельцев капитала, но и предполагает наличие выгоды у всех остальных заинтересованных групп (stakeholders theory). Только при условии принятия во внимание не совпадающих и зачастую противоречащих друг другу интересов собственников капитала, менеджеров и других участников бизнес-процесса возможна, с нашей точки зрения, разработка эффективной стратегии компании и успех ее деятельности.

В качестве главного фундамента для формулирования стратегии и основным источником конкурентного преимущества фирмы в современной экономике выступают ресурсы и организационные способности. Организационные возможности компании формируются в результате задействования всех ресурсов и «представляют собой достаточно сложные комбинации активов, людей и процессов» [4, с. 23]. Современное понимание стратегического мышления основано на достижении конкурентного преимущества не путем создания конечного продукта или услуги (стоимости), минимизации затрат и извлечения прибыли любой ценой, а посредством формирования

уникального портфеля интерспецифических ресурсов и активов. Следует подчеркнуть, что в условиях формирования экономики знаний особое значение приобретают человеческий капитал и инновационные нематериальные активы [3, с. 18].

В связи с поисками источников конкурентного преимущества компаний особое значение в процессе повышения эффективности деятельности любой фирмы приобретает организационная культура. В последнее десятилетие она рассматривается в зарубежной и российской литературе как специфический организационный ресурс, оказывающий значительное влияние на результативность деятельности компаний. Используя типологии Т. Базарова и Р.Дж. Пеннингтона, О.Ю. Исопескуль выделяет два глобальных культурных конструкта: культуру, ориентированную на человека и культуру, ориентированную на результат [2, с. 84].

С нашей точки зрения, более современным и нацеленным на будущее подходом выступает человекоориентированная культура. Ее принципиальное отличие от культуры, ориентированной на результат, заключается в том, что в ней сотрудники рассматриваются как партнеры, имеющие право на полноту информации о деятельности фирмы, а не только как инструмент извлечения прибыли. Именно этот эгоистический угол зрения в альтернативной культуре приводит к тому, что расходы, связанные с различного рода поддержкой персонала, рассматриваются собственниками фирмы как непроизводительные, а кризисные времена используются для зачистки («оптимизации») кадрового состава.

Таким образом, в качестве факторов, без реализации которых невозможно достижение эффективности деятельности компании, выступают демократизация в управлении ею, учет интересов всех заинтересованных сторон, формирование уникального портфеля интерспецифических ресурсов и активов, развитие организационных способностей фирмы, формирование в компании организационной

культуры, ориентированной на человека. Главной целью деятельности такой фирмы становится не максимизация прибыли любой ценой или минимизация издержек, а стабильный рост бизнеса, обеспечивающий безопасное развитие для всех социальных групп, имеющих отношение к компании.

Список литературы

1. Гончаров В. Эволюция взглядов на природу фирмы // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2009. № 3. С. 55–64.
2. Исопескуль О.Ю. Роль организационной культуры в формировании внутрифирменных институтов // Менеджмент и маркетинг. 2011. № 1. С. 82–88.
3. Королюк Е. Современная экономика России: стратегическая ориентация и хозяйственное пространство // Проблемы теории и практики управления. 2011. № 4. С. 18–25.
4. Пурлик В.М. Цели фирмы сквозь призму современных теорий // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2009. № 3. С. 17–34.
5. Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston, 1984.
6. Williamson O. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. A Study in the Economics of Internal Organization. N.Y.: Free Press, 1975. 47 p.

БИОЛОГИЯ

BIOLOGY

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

Смирнова А.В., Хасанова А.Р.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны, Россия

Проведенное исследование позволило проанализировать изменения антропометрических показателей детей младшего школьного возраста г. Набережные Челны в последние десятилетия. Выявлены статистически значимые различия по основным соматометрическим показателям (длина и масса тела, ОГК) во все рассматриваемые возрастно-половые периоды, за исключением мальчиков 10 лет по длине тела. Установлено снижение мышечной силы и увеличение жизненной емкости легких за последние десятилетия у детей младшего школьного возраста, что необходимо учитывать специалистам при выявлении отклонений в физическом развитии школьников.

Ключевые слова: физическое развитие; младшие школьники.

THE DYNAMICS OF THE INDICATORS OF PRIMARY SCHOOLCHILDREN'S PHYSICAL DEVELOPMENT IN NABEREZHNYE CHELNY

Smirnova A.V., Khasanova A.R.

Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russia

This study let us analyze the change of anthropometrical indicators of primary school age children in Naberezhnye Chelny during the last decades. We have discovered statistically significant differences on basic somatic and metric indicators in all the age-specific and sexual periods under the examination, except the boys of ten years on body's length. It was determined that during the last decades primary school age children have a decrease of muscular strength and an increase of vital capacity of lungs. And these facts must be taken into consideration while examining deviations in physical development of schoolchildren.

Keywords: *physical development; primary schoolchildren.*

В России проводится большое количество исследований по изучению физического развития детей и подростков. Они представляют практический интерес, т.к. позволяют проанализировать и сравнить физическое развитие детского населения разных возрастно-половых групп в различных регионах России.

Физическое развитие является одним из ведущих показателей здоровья, по изменениям показателей которого оценивается благополучие школьников, соответствие условий их обучения и воспитания морфофункциональным особенностям данного возраста. Физическое развитие является результатом высоко сопряженных и взаимно регулируемых процессов функционирования всех органов и систем, обеспечивающих онтогенетическую динамику показателей роста, соматического и нервно-психического развития, биологического и физиологического созревания организма. Физическое развитие – это некоторая условная мера физической дееспособности организма, определяющая запас его физических сил, суммарный рабочий эффект [1].

Важным критерием в оценке здоровья детей является функциональное состояние организма, которое характеризуется в основном показателями дыхательной и сердечно-сосудистой системы, динамо-

метрией кистей, так как они отражают уровень адаптационно-приспособительных реакций организма.

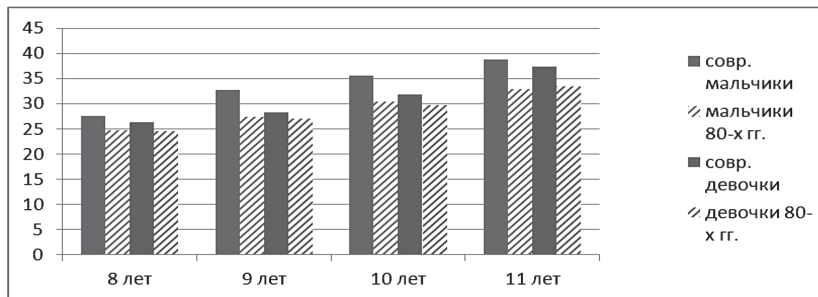
Целью исследования было изучение динамики физического развития и некоторых вегетативных функций младших школьников г. Набережные Челны. Для определения морфофункционального состояния организма изучали основные антропометрические показатели: длину и массу тела, окружность грудной клетки (ОГК), жизненную емкость легких (ЖЕЛ), мышечную силу кистей рук (МС), артериальное давление и частоту сердечных сокращений (ЧСС), стандартным инструментарием по общепринятой унифицированной методике [1, 5]. Исследовано 800 учащихся 8–11 лет, обучающихся в общеобразовательных школах. Все исследуемые были распределены по возрастно-половым группам с годовым интервалом, установленным по Мартину, в каждой – 100 школьников. Результаты обрабатывались статистически с использованием t-критерия коэффициента Стьюдента.

Сравнение физического развития учащихся младших классов проводили с данными прошлых десятилетий и выявили статистически значимые различия ($p < 0,05$) по основным соматометрическим показателям (длина и масса тела, ОГК) во все рассматриваемые возрастно-половые периоды, за исключением мальчиков 10 лет по длине тела. Как видно из рис. 1, современные школьники, имеют достоверно ($p < 0,05$) более высокие показатели длины (в среднем на 5 см у мальчиков и 4 см у девочек), массы тела (в среднем на 5 кг у мальчиков и 3 кг у девочек) и окружности грудной клетки, чем их сверстники 25 лет назад. При этом с возрастом отличия увеличиваются.

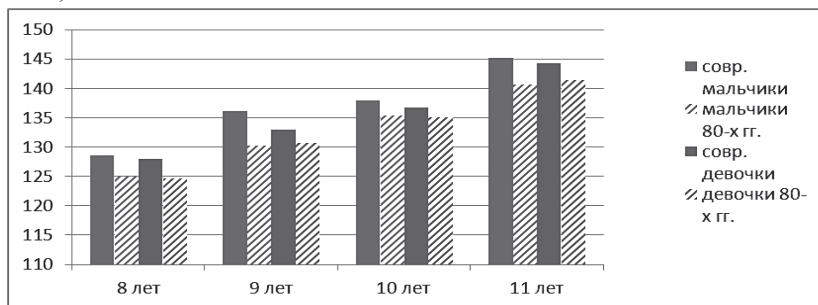
По результатам исследования у современных школьников всех исследованных групп средние величины систолического артериального давления ниже, чем у их сверстников в конце 1980-х годов, различия статистически значимы ($p < 0,05$) у девочек 9 и 11 лет. Средние величины диастолического артериального давления у исследуемых детей выше, чем у их ровесников XX века за исключением девочек

8 лет, а выявленные отличия достоверны ($p < 0,05$) только в группе мальчиков 9, 10 и 11 лет.

а)

б)

в)

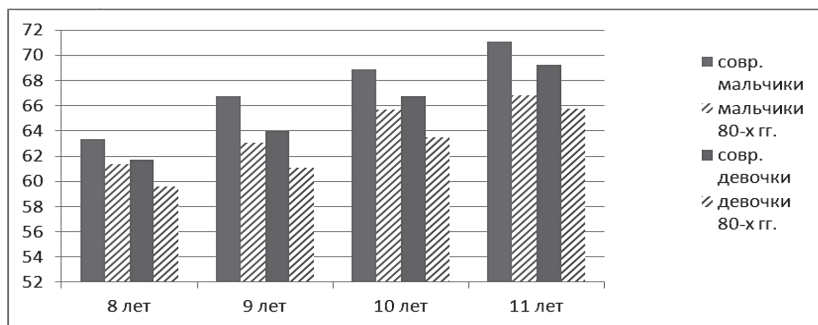

Рис. 1. Динамика соматометрических показателей
а) масса тела, б) длина тела, в) окружность грудной клетки.

А.А. Васильков считает, что снижение систолического и повышение диастолического АД у детей свидетельствует о повышении тонуса парасимпатического отдела вегетативной нервной системы.

Результаты исследования хронотропной функции сердца в состоянии покоя свидетельствуют о более высокой частоте сердцебиений у исследуемых учащихся, по сравнению с их сверстниками 1980-х годов. Достоверные различия по ЧСС установлены у мальчиков в 9 и 11 лет. Выявленные сдвиги в функциональном состоянии сердечно-сосудистой системы современных школьников следует рассматривать как неблагоприятные, так как они отражают слабый уровень приспособительных реакций ССС.

Соматометрические показатели физического развития тесно связаны с функциональными, в частности с жизненной емкостью легких и силовыми возможностями организма. Согласно полученным данным, достоверно ($p < 0,05$) более низкие показатели мышечной силы отмечаются у исследованных школьников всех возрастных групп по сравнению с их ровесниками конца 1980-х годов. Мышечная сила мальчиков в среднем на 6 кг меньше, чем у их сверстников, девочки отстали за указанный период в среднем на 7 кг. У девочек указанная тенденция более выражена, чем у мальчиков. Нами в ряде случаев отмечались такие низкие значения по МС рук как 5,5 кг у мальчиков и 7,5 кг у девочек. Отставание по МС правой руки выявлено в среднем у 46 % мальчиков – и 40 % девочек, а по силе левой руки – соответственно у 50 % и 55 %.

Фактические данные по жизненной емкости легких у исследуемых школьников были выше, чем данные исследований прошлых десятилетий (исключение составляют мальчики 8 лет и девочки 11 лет). Эти различия достоверны ($p < 0,05$) у мальчиков 9 и 10 лет. Полученные нами результаты согласуются с литературными данными по оценке силовых возможностей и жизненной емкости легких у современных детей [3, 4, 7].

Таблица 1.

Основные морфофункциональные показатели учащихся 1-4 классов ($M \pm m$)

Воз- раст	Масса, кг	Длина тела, см	ОКГ, см	АД, мм. рт. ст.		ЧСС, уд/ мин	Динамометрия, кг		ЖЕЛ, л
				систолическое	диастолическое		левая кисть	правая кисть	
Мальчики									
8	27,60±0,47*	128,59±0,53*	63,32±0,47*	99,98±1,50	62,48±1,18	91,52±1,70	8,85±0,21*	9,85±0,24*	1,13±0,02
9	32,66±0,81*	136,14±0,63*	66,74±0,61*	100,78±1,58	64,78±1,39*	91,16±1,21*	10,59±0,26*	11,51±0,29*	1,63±0,03*
10	35,56±0,83*	137,94±1,36	68,86±0,74*	102,37±1,99	66,03±1,09*	85,70±1,38	12,56±0,31*	13,80±0,35*	1,81±0,03*
11	38,85±0,85*	145,17±0,69*	71,06±0,74*	108,55±1,39	65,85±0,87*	90,80±1,44*	14,25±0,36*	15,67±0,38*	2,00±0,23
Девочки									
8	26,29±0,41*	128,02±1,02*	61,74±0,44*	101,40±1,62*	60,90±0,89	94,46±1,43	7,74±0,20*	8,39±0,20*	1,37±0,03
9	28,32±0,49*	132,92±0,62*	63,99±0,53*	96,73±1,21	62,64±0,88	90,48±1,08	8,63±0,23*	9,15±0,24*	1,42±0,03
10	31,85±0,61*	136,78±0,63*	66,77±0,64*	103,22±1,28	65,41±0,82	90,44±1,42	9,88±0,25*	10,77±0,25*	1,53±0,03
11	37,34±0,87*	144,31±0,81*	69,25±0,99*	103,24±1,28*	65,94±0,96	89,06±1,29	12,17±0,33*	13,10±0,31*	1,60±0,03

Примечание: * - достоверные различия ($p < 0,05$) с данными 1986 г.

Одной из причин снижения силовых качеств у современных детей по сравнению с аналогичными данными XX века, авторы называют малоподвижный образ жизни [4], а достоверное увеличение жизненной емкости легких расценивают как компенсаторно-адаптационный ответ на хроническую гипоксию жителей промышленных городов [7].

Таким образом, проведенное исследование позволило проанализировать изменения основных показателей физического развития детей младшего школьного возраста г. Набережные Челны в последние десятилетия.

Список литературы

1. Бунак В.В. Антропометрия: практический курс. М., 1941. 298 с.
2. Васильков А.А. Функциональное развитие воспитанников домов детства // Гигиена и санитария. 2000. № 5. С. 54–56.
3. Кучма В.Р., Скоблина Н.А., Платонова А.Г. Физическое развитие московских и киевских школьников // Гигиена и санитария. 2011. № 1. С. 75–78.
4. Ниязова Г.Т. Гигиенические аспекты формирования нарушений в росте и развитии детей школьного возраста Каракалпакстана: Автореф. дис. ...канд. мед. наук. Ташкент, 2008. 28 с.
5. Ставицкая А.Б., Арон Д.И. Методика исследования физического развития детей и подростков. М.: Медгиз, 1959. 74 с.
6. Физическое развитие детей и подростков Российской Федерации: сб. материалов / Под ред. А.А. Баранова, В.Р. Кучмы. М., 2013. Вып. VI. 192 с.
7. Чагаева Н.В., Попова А.Н. Комплексная оценка физиометрических параметров физического развития школьников // Гигиена и санитария. 2011. № 2. С. 72–75.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://nkras.ru/vmno/ru/rules.html>)

В журнале публикуются статьи проблемного и научно-практического характера, представляющие собой результаты завершенных исследований, обладающие новизной и представляющие интерес для широкого круга читателей журнала. В журнал принимаются статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с требованиями ВАК.

Серии журнала: «Проблемы науки и образования», «Экономика и инновационное образование», «Гуманитарные и общественные науки», «Математика. Механика. Информатика».

1. Условия опубликования статьи:

1.1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, вывод;

1.2. соответствовать правилам оформления.

2. Правила оформления статьи:

2.1. Объем статей 7-24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-10. Рукописи большего объема принимаются по специальному решению Редколлегии.

Поля все поля – по 20 мм.

Шрифт основного текста Times New Roman

Размер шрифта основного текста 14 пт

Межстрочный интервал полуторный

Отступ первой строки абзаца 1,25 см

Выравнивание текста по ширине

Автоматическая расстановка переносов включена

Нумерация страниц не ведется

Формулы в редакторе формул MS Equation 3.0

Рисунки по тексту

Ссылки на формулу (1)

2.2. В конце статьи помещается Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008. Библиографические ссылки в тексте статьи следует давать в квадратных скобках в соответствии с нумерацией в списке литературы. Список литературы для оригинальной статьи – не более 15 источников. Список литературы составляется в алфавитном порядке – сначала отечественные, затем зарубежные авторы. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяются запятой. Например:

В тексте: [10, с. 81]

В затекстовой ссылке (Список литературы): 10. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

Запрещается использовать ссылки-сноски для указания источников.

2.3. Название статьи должно кратко, но максимально точно отражать затронутую проблему. Избегайте неконкретных названий типа «К вопросу о ...», помните, что названия всех статей каждого выпуска воспроизводятся в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals directory» в целях информирования мировой научной общественности, а слова, фигурирующие в названии, используются как ключевые в различных информационных системах. Четкое и точное название статьи – важнейший способ привлечь внимание широкого круга ученых к Вашей работе.

2.4. Текст статьи должен быть тщательно вычитан, ясным и лаконичным.

2.5. Рубрикация текста – необходимый элемент всех статей, кроме кратких рецензий и информационных сообщений. Чем четче ру-

брицирован Ваш текст, тем выше вероятность адекватного понимания Ваших идей читателями. Редакция приветствует традиционное членение текста на разделы Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение результатов, Заключение (Выводы), но приемлет и иную структуру соответственно специфике конкретной статьи при условии ограниченного объема и четкого именованя разделов.

2.6. Статья обязательно должна содержать:

Блок 1 – на русском языке: УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (-ов); аннотация (резюме); ключевые слова;

Блок 2 – информация Блока 1 в той же последовательности:

- авторы на латинице;

- заглавие, аннотация, ключевые слова – на английском языке;

Блок 3 – полный текст статьи на русском языке;

Блок 4 – список литературы на русском языке (название «Список литературы»);

Блок 5 – список литературы в романском алфавите (название «References»).

Блок 6 – данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; должность; ученая степень; ученое звание; адресные данные автора (-ов) (организация(-и), адрес организации (-й), электронная почта всех или одного автора).

Блок 7 – информация Блока 6 в той же последовательности:

- авторы на латинице;

- должность, ученая степень, ученое звание, название организации, адрес организации – на английском языке.

Блок 8 – сведения о рецензенте (фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, название организации (место работы)).

2.7. Статья оформляется только в текстовом редакторе Microsoft Office Word. Формулы должны выполняться только во встроенном «Редакторе формул» (Equation Editor). Формулы необходимо наби-

рать прямым шрифтом (основной размер символа 14 pt) и нумеровать справа в круглых скобках. Длина формулы вместе с номером не должна превышать 10 см. Рисунки и графики, содержащие серые заливки должны быть заменены на штриховку или на черную/белую заливку. Не допускаются сканированные рисунки.

Убедительная просьба не использовать панель рисования MS Word для создания диаграмм, т.к. статьи редактируются и вид диаграмм, полученных таким способом, нарушается, что резко увеличивает трудоемкость редактирования. В статье надо вставлять не сами диаграммы, полученные таким способом, а их скриншоты или изображения, созданные с помощью графических редакторов. Для создания диаграмм специально предназначена система MS Visio (редактор диаграмм и блок-схем). Наличие в статье диаграмм, созданных с помощью панели рисования MS Word может являться основанием для отклонения статьи.

2.8. Таблицы должны содержать только необходимые данные и представлять собой обобщенные и статистически обработанные материалы. Каждая таблица снабжается заголовком и вставляется в текст после абзаца с первой ссылкой на нее.

2.9. Количество графического материала должно быть минимальным (не более 5 рисунков). Каждый рисунок должен иметь подпись (под рисунком), в которой дается объяснение всех его элементов.

2.10. Все части статьи (таблицы, рисунки и подписи к ним) должны быть приведены полностью в общем тексте.

2.11. Допускаются сокращения и условные обозначения лишь принятые в Международной системе единиц сокращения мер, физических, химических и математических величин и терминов.

2.12. Кроме статьи авторы должны представить в редакцию Авторскую справку, которая содержит сведения обо всех авторах.

2.13. Материалы, направляемые в редакцию, должны иметь стороннюю рецензию кандидата или доктора наук (с указанием полных

сведений о рецензенте), подписанную и заверенную печатью организации (отделом кадров). Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

2.14. По просьбе автора могут представляться дополнительные платные услуги (научное рецензирование, литературное редактирование, перевод на английский язык названия статьи, информации об авторах, расширенной аннотации и ключевых слов, транслитерирование библиографического описания).

2.15. Электронный вариант статьи, авторская справка (доступно на сайте издания) и сканированная рецензия (в графическом формате JPG, BMP, TIFF или PDF) предоставляются по электронной почте. Оригиналы запрашиваются редакцией при необходимости.

2.16. В одном номере журнала автор имеет право публиковаться один раз, второй раз в соавторстве. Рекомендуемое количество авторов одной статьи – не более трех.

2.17. Статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации, не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право отбора статей. Статья может быть отправлена авторам на доработку или отклонена как по формальным, так и по научным признакам. Критериями отбора являются соответствие профилю серии журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

2.18. В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

2.19. Статьи в журнале публикуются за счет средств авторов (соавторов), подписчиков, либо третьих лиц, заинтересованных в публикации.

2.20. Плата с аспирантов (единственный автор) за публикацию рукописей не взимается. Обязательное представление сканирован-

ной справки об обучении в очной аспирантуре, заверенной руководителем учреждения. Аспирантам необходимо иметь в виду, что им при положительном решении редколлегии необходимо будет оплатить срочную почтовую доставку авторского экземпляра журнала. Указанная стоимость и процедура оплаты доводится после положительного решения редколлегии по электронному адресу, с которого поступила статья.

2.21. При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться досрочно.

Электронный вариант статьи, авторская справка, сканированная рецензия и справка из отдела аспирантуры (для аспирантов) направляются в редакцию в соответствии с сериями издания по E-mail: open@nkras.ru

Более подробная информация о журнале (образец оформления статьи, рецензии, авторская справка, тематические разделы серий) представлена на сайте журнала <http://nkras.ru/vmno/ru/rules.html>

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ЛитераПринт»

г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10

Подписано в печать и дата выхода: 01.11.2013. Заказ . Тираж 1000.

Усл. печ. л. 7,3. Формат 60×84/16.